

Максим Викторович Оськин

Первая мировая война

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=440055
М.В. Оськин. Первая мировая война: Вече; Москва; 2010
ISBN 978-5-9533-4831-7

Аннотация

Первая мировая война 1914—1918 годов оказалась последней войной императорской России и стала одной из причин падения династии Романовых. Была ли эта война необходима? Могла ли наша страна обойтись без нее? По какой причине было допущено огромное количество просчетов и ошибок? Почему Великая война закончилась для России столь трагично? Книга, которую вы держите в руках, отвечает на эти и множество других вопросов.

Содержание

Введение	4
Глава 1	7
Русско-французский союз	17
Россия и Германия	34
В преддверии войны	43
Мобилизация	58
Глава 2	78
Развертывание	78
Восточно-Прусская наступательная операция 4.08 – 2.09.1914	102
Галицийская битва 5.08 – 8.09.1914[94]	112
Варшавско-Ивангородская операция 15.09 – 26.10.1914	120
Лодзинское сражение 29.10 – 6.12.1914	124
Итоги кампании 1914 года	131
Зимняя кампания 1915 года: Августов и Карпаты	133
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Максим Викторович Оськин

Первая мировая война

Введение

1914 год предопределил судьбу нашей Родины как минимум на век вперед. В 1914 году Российская империя вступила в мировую борьбу. В 1917 году в России началась Великая русская революция. В 1921 году в основном закончилась Гражданская война и у власти утвердилась партия большевиков, предпринявшая грандиозный и далеко не однозначный по своему процессу и последствиям социальный коммунистический эксперимент. Девяносто лет назад наша страна приняла самое активное участие в тех событиях, что самым кардинальным образом изменили жизнь на одной шестой части суши нашей планеты. И уже почти век как в России больше нет монархии.

Россия стала первой европейской страной, в которой в XX столетии рухнула монархия. Представляется почти невероятным, что могущественная стовосьмидесятимиллионная Российская империя, занимавшая одну шестую часть суши, включавшая в себя более двухсот наций и народов, перед которой трепетал любой враг, в одночасье рассыпалась как карточный домик. Спустя всего какой-то год после крушения царизма о своей независимости объявили Польша, Финляндия, страны Прибалтики, Украина, Закавказье. В то же время вчерашние противники и союзники с увлечением планировали раздел нашей страны – «русского наследства».

Как ни странно, не существовало достаточно мощных объективных, экономических предпосылок падения режима последнего всероссийского императора Николая II. Конечно, страна испытывала определенные трудности, но многим воюющим державам приходилось еще хуже. Военные годы – они всегда не сахар, и если сравнить жизнь россиян в периоды обеих мировых войн, то невзгоды Первой мировой войны покажутся детскими перед теми трудностями, что испытывали наши деды в Великую Отечественную войну. Враги держались на грани. Германия и Австро-Венгрия ввели продовольственные карточки уже в 1915 году. Турция оборонялась только за счет немецкой помощи. Не лучше приходилось и союзникам. Снабжение Великобритании находилось под постоянной угрозой вследствие действия германских подводных лодок. Французы были вынуждены резко снизить свое потребление. И это при том, что как минимум половина жителей русской деревни в период Первой мировой войны повысили качество потребления, не только несколько лучше питаясь, но и покупая ранее недоступные предметы роскоши.

Можно сказать, что Россия потерпела на фронтах ряд поражений, однако кому приходилось лучше? Итальянцы вообще воевали исключительно потому, что львиную долю противостоящих Италии австро-венгерских армий поглощал Восточный (Русский) фронт (как только Восточный фронт застыл в тисках революции, австро-германцы немедленно опрокинули итальянскую армию при Капоретто, и только французская помощь спасла Италию от гибели). Бельгия и Сербия были оккупированы Германией и ее союзниками, но непокоренные нации продолжили борьбу в составе союзных армий и после победы по праву воспользовались ее плодами.

В свою очередь, после того как в 1914 году устояла Франция, а в 1915 году – Россия, стало ясно, что поражение Центральных держав – Германии и ее союзников – есть лишь вопрос времени. В 1916 году неприятеля хватило только на разгром Румынии, но на всех прочих фронтах Центральные державы ушли в глухую оборону. Да, не все складывалось гладко для технически не обеспеченной и привыкшей воевать большой кровью русской армии. Но

и в 1916 году тяжелые поражения (Нарочь, Барановичи, Ковель, Румыния) сменялись блистательными победами (Луцк, Черновцы, Эрзерум, Трапезунд). За спиной же Антанты стоял американский экономический гигант, что обеспечивало победу в борьбе на измор.

Очевидно, что причины падения монархии, а вместе с ней и империи, могли быть исключительно внутренними. Непредвиденная по своему размаху и социально-политическим последствиям война в государствах с нерешенными внутренними проблемами становилась предпосылкой и последней причиной назревшей революции. Многонациональные Российская, Австро-Венгерская, Османская империи являлись первыми потенциальными жертвами произошедшей в 1914 – 1918 годах, по меткому определению А.Е. Савинкина, «войны-революции»¹.

Первая мировая война велась за империалистический передел мира ведущими странами планеты, так называемыми «великими державами». Российская империя, также состоявшая в «клубе» великих держав, не могла остаться равнодушной к этой схватке. Другой вопрос, что русскому военно-политическому руководству надлежало всеми силами стараться остаться в стороне от Большой Европейской войны как раз вследствие нерешенности внутренних проблем, которые в начале XX века приобрели уже системный характер. Рецензируя труд В.В. Поликарпова «От Цусимы к Февралю», М.А. Фельдман совершенно справедливо замечает, что «гигантские просторы Российской империи, локально затронутые индустриализацией, относительно небольшое и преимущественно бедное население исключали саму возможность подготовки к войне, как важнейшей общенациональной задаче. Думается, что такой вывод автора является важнейшим тезисом, имеющим методологическое значение»².

Это прекрасно понимал последний выдающийся «государственный человек» Российской империи – П.А. Столыпин, отказавшийся от традиционной активизации имперской внешней политики во имя сосредоточения на наиболее назревших внутренних проблемах. Прежде всего – решения аграрного вопроса и урегулирования взаимоотношений между царским режимом и отечественной буржуазией. Не зря еще в марте 1911 года, незадолго до своей гибели (или намечавшейся императором отставки своего премьер-министра), П.А. Столыпин предупреждал Николая II: «Я за пять лет изучил революцию, и знаю, что теперь она разбита и моим жиром можно будет еще лет пять продержаться. А что будет дальше, зависит от этих пяти лет»³. Спустя ровно пять лет после этих слов Российская империя приближалась к порогу новой революции, той, что все-таки смела династию Романовых, а вместе с ней и русскую монархию. Характерным явлением начала двадцатого века стал тот факт, что, наверное, впервые ведущий континентальный гигант – Россия – встал на сторону западноевропейских «держав моря» против своих традиционных союзников. На протяжении полутора веков перед четырнадцатым годом великая евразийская держава (Россия) и гегемон Центральной Европы (Германия), являясь географическими соседями, не воевали друг с другом, и даже, напротив, как правило, являлись союзниками. Такое положение обуславливалось традиционными экономическими, культурными, военно-политическими связями. А также – родством правящих династий и общностью монархических интересов.

И вдруг все изменилось. Монархическая Российская империя оказалась в союзе с буржуазными странами Запада – Великобританией и Францией, – которые противостояли европейским монархиям в лице Германской и Австро-Венгерской империй. Неестественность этого союза и парадоксальность русско-германского противостояния стали одним из опре-

¹ Грозное оружие: Малая война, партизанство и другие виды асимметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. М., 2007, с. 698

² Военно-исторический журнал, 2008, № 8, с. 86

³ Цит. по: Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М., 2006, с. 508

деляющих векторов развития мировой политики в XX столетии. В обеих мировых войнах наша Родина – Россия-СССР – воевала с Германией, имея в качестве своих союзников атлантические державы: Соединенные Штаты Америки, Великобританию, Францию.

Одним из характерных моментов противоборства прошлого века стало то обстоятельство, что в развернувшихся в Европе мировых противостояниях одна только Россия удерживала против себя половину и более сил общего противника, олицетворяемого Германией и ее союзниками. В то же время союзные России страны, пользуясь выгодами своего географического положения и технического потенциала, как правило, стремились выждать благоприятного исключительно для себя хода событий, дабы не только нанести поражение Германии, но и одновременно максимально ослабить Россию – своего естественного соперника и конкурента.

Интересно, что по окончании обоих мировых конфликтов Запад, поставив Германию на колени, одновременно «протягивал ей руку помощи», заключавшуюся в некоторых послаблениях взамен на военное сдерживание России. Тем самым Россия и Германия вновь разводились «по разные стороны баррикад»: даже одержав победу, Запад опасался возможного союза России и Германии. И это тоже неспроста, ибо такой союз был естественным как с исторической, так и с геополитической точки зрения. Вовлекая в орбиту своего влияния то Германию, то Россию, атлантическим державам удалось не допустить усиления континента в борьбе за планетарное превосходство. В итоге единственной сверхдержавой, претендующей на «защиту своих интересов» в любой точке земного шара, в конечном счете стали укрупнившиеся за непреодолимым водоразделом Атлантики Соединенные Штаты Америки.

Русский меч всегда лежал тяжелым грузом на весах мирового противостояния. Однако действовал он, к сожалению, слишком часто во имя интересов своих западных союзников, которые вовсе не были склонны к адекватной отдаче и жертвам, нежели в собственных интересах. Запад требовал русской крови взамен любой своей помощи: оружия, продовольствия, сырья, других необходимых материалов. При этом в годы Первой мировой войны союзные поставки шли в счет будущего долга России, а русская кровь подразумевалась как бесплатная жертва во имя достижения общей победы. Русская монархия в 1914 году сделала определяющий выбор, фактически предопределив внешнеполитическую ориентацию страны в первой половине XX века.

В отличие от Великой Отечественной войны, в 1914 – 1917 годах Восточный (Русский) фронт Первой мировой войны так и не стал главным. Не здесь был окончательно разбит враг, и не здесь стояла большая часть непосредственно германских войск. Однако Восточный фронт нельзя однозначно назвать и второстепенным: Россия одна сковывала до половины вооруженных сил коалиции Центральных держав (в годы Второй мировой войны эта цифра возрастет еще более). В то же время против другой половины вооруженных сил немцев и их союзников сражались французы, англичане, американцы, бельгийцы, итальянцы, сербы, португальцы и солдаты многочисленных колоний западных государств вместе взятых. Именно поэтому вклад Российской империи в общую победу неоченим. И именно поэтому поэтому наши вчерашние союзники постарались сразу же по достижении общей победы забыть о роли России, замалчивая ее действительное участие в войне. И именно поэтому горькие уроки прошлого должны стать руководством для действий в будущем, чтобы не допустить тех ошибок, что когда-то самым негативным образом отразились на жизни нашей Родины – России.

Глава 1

Накануне первого выстрела

Начало XX столетия вполне логически наследовало свои корни в веке XIX – веке просвещения и прогресса. XIX век, невзирая на массу войн и конфликтов (начиная от Наполеоновских походов и заканчивая Крымской и Франко-прусской войнами), тем не менее, не отличался особенной жестокостью и насилием. Профессиональные армии (даже всеобщая воинская повинность революционной и наполеоновской эпох во Франции не стала таким уж особенным исключением) сталкивались друг с другом на полях сражений, а на население прифронтовых и оккупируемых областей ложилась лишь тяжесть издержек военного времени. Австро-прусская 1866 года и Франко-прусская 1870 – 1871 годов войны, также в принципе не изменили общей картины, возможно, ввиду своей скоротечности. Однако привлечение к отбыванию воинской повинности значительной части мужского населения государств Европы, и столкновение в военных конфликтах уже не государей, а наций, стали прологом к мировым «бойням» следующего столетия.

XIX век стал столетием расцвета европейского искусства, взлета науки и технического прогресса. Во многом так и не удалось приблизиться к великому мастерству прошлого, но в отношении общей культуризации Европейского континента XIX век стал рубежным. Но точно так же, помимо прочего, XIX век стал временем революций в Европе и во всем мире.

Однако в то же время сплочение европейских монархий перед натиском революции, было, как никогда ранее, очень и очень тесным. Интервенции держав Священного союза в Испанию, Италию, Венгрию, Грецию и т.д. доказали это на практике. И все-таки именно XIX век привнес в будущее такого социально-политического процесса, как война, два негативных фактора, ставших базой для отказа в XX столетии от гуманности и вящей рыцарственности, свойственной конфликтам предшествовавшего столетия. Мировой конфликт XX века, дважды разражавшийся ожесточенными и не имеющими прецедента по своей жестокости войнами, вплоть до ядерных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в 1945 году, не потушенный и поныне, имел свои корни как раз в этих факторах.

Во-первых, выступавшие ранее единым фронтом против остального мира европейцы разделились на военно-политические блоки по поводу обострившихся колониальных проблем. «Раздел мира» фактически совершился лишь двумя морскими державами – Великобританией и Францией. Небольшие «куски» в Африке и Америке имели Голландия, Бельгия, Португалия, Испания, но ни одно из этих государств в XIX веке уже не являлось великой державой. Между тем обладание колониями являлось одним из существенных признаков жизнедеятельности великой державы, ибо от этого фактора зависело как участие государства в мировой торговле, так и развитие экономики страны, выступавшей базисом великодержавности.

Объединенная после 1870 года Германия, чья экономика развивалась столь бурными темпами, что оставила позади все страны Европы, в том числе и Великобританию, так же, как и прочие страны, нуждалась в колониях и торговом флоте. Но «свободных», не колонизованных территорий оставалось до обидного мало, а на море господствовал английский флот, за чьей спиной уже зримо поднимал голову заокеанский гигант – Соединенные Штаты Америки. Если Франция худо-бедно развивала свою морскую торговлю благодаря многочисленным колониям в Африке, а экономика Центральной Европы и Балканского полуострова год за годом подминалась Германией, то сама Германия, в силу своего экономического развития претендовавшая на европейскую гегемонию, почитала себя необоснованно «обиженной» ограниченным масштабом доступа к ресурсам планеты.

Италия также поздно вступила на путь колониальных захватов, однако она ни в коем случае не могла испытывать слишком больших амбиций, ибо для того не существовало никаких предпосылок – ни экономических, ни демографических, ни военно-политических, ни каких-либо прочих. Фактически Италия считалась великой державой лишь благодаря своему географическому положению в Средиземноморье. Австро-Венгрия, невзирая на положение великой державы в мировой политике, вообще не имела колоний (хотя и существовала на географической карте мира Земля Франца-Иосифа).

Российская же империя, еще не успевшая как следует колонизовать свои громадные сибирские и дальневосточные просторы, и без того медленно продвигалась в глубь Средней Азии в направлении Афганистана и Ирана, где на горизонте уже маячили Персидский залив и Индия, и, значит, практически неизбежный конфликт с Великобританией. Экономически Россия была еще довольно слаба, чтобы ускорить темпы своего продвижения на Азиатском континенте, поддерживая свои великодержавные амбиции и претензии военной силой и географическим фактором, – начиная с XVIII столетия европейцы могли думать все, что им было угодно, но не считаться с Российской империей, грозно вставшей со времен Петра Великого на востоке Европы, они уже не могли.

Поджидают неприятеля

Вдобавок ко всему во второй половине XIX века к колониальной «гонке», неизбежно имевшей следствием «гонку вооружений» (и здесь технический прогресс оказался как нельзя более кстати) подключились неевропейские страны, претендовавшие на роль великих держав – Соединенные Штаты Америки и Япония. Именно эти государства войнами «открыли» эпоху империализма, победоносно утвердив в них свой новый статус на планете – испано-американская война 1898 года и Русско-японская война 1904 – 1905 годов (Англо-бурская война 1899 – 1902 годов в этом контексте представляется как первая «ласточка» грядущего глобального противостояния между Великобританией и Германией). Новые крупнейшие «игроки» на мировой арене отнюдь не способствовали стабильности в международных отношениях.

Характерно, что последней военно-дипломатической акцией, в которой государства Европы встали единым фронтом против Азии, стало подавление «боксерского» восстания в Китае в 1900 году. Как раз рубеж веков. Впоследствии европейцы стремились ослабить своих конкурентов в Европе и мире руками азиатов. Русско-японская война в своей основе имела конфликт между Россией и Великобританией. Тот самый конфликт, что разрастался

в течение XIX века по всему земному шару. Это, например, и стремление Российской империи завладеть Черноморскими проливами, и поддержка различных сторон во время Гражданской войны 1861 – 1865 годов в США, это и скрытая борьба на всех океанах (особенно в Тихоокеанском регионе), это и русская сухопутная угроза британской Индии параллельно с английской морской угрозой русской международной торговле на всех морях.

Само участие Японии в войне против России не могло бы иметь места, не предоставь англичане и американцы крупных займов японской военщине как раз для ведения антирусской войны. В то время русский колосс представлялся англосаксам гораздо большей угрозой, нежели сравнительно небольшое островное государство Азии. Перл-Харбор и Сингапур 1941 – 1942 годов станут ответом Великобритании и Соединенным Штатам Америки со стороны японцев на отказ от общеевропейской политики в общепланетарных масштабах.

Во-вторых, важнейшим фактором изменения характера вооруженных конфликтов и международных отношений стал прогрессирующий с каждым десятилетием в Европе национализм. Объединение последних крупных национальных государств в Европе – Германии под эгидой Пруссии, и Италии под первенством Пьемонта – выдвинуло на первый план национальные империи. Великие державы, выстроенные на феодальных принципах монархического сюзеренитета, отжили свой век. Масла в огонь подливало то обстоятельство, что среди всех великих держав Европы к 1914 году Австро-Венгрия и Россия оставались многонациональными империями.

Однако Австро-Венгрия постепенно распадалась, пусть пока еще духовно (сам дуализм Дунайской монархии говорил, что и государственно-географический распад не за горами), а Россия все-таки находилась на восточной оконечности Европы, являясь одновременно как Евразией, так и Азией. Поэтому в отношении русских данный фактор немного «опаздывал» в своем развитии, тем не менее в течение всего XX века существование Российской (Советской) империи во многом поддерживалось центростремительной силой оружия и перекачкой средств из центра на периферию. К сожалению, с тем, чтобы окончательно развалиться к началу нового тысячелетия.

Европейский национализм, во-первых, выдвинул приоритет собственной нации перед общеевропейским единством (сейчас мы видим обратный процесс, конструируемый странами Европы вследствие факторов экономического порядка), что заведомо обрекало государства на вооруженный конфликт за «спорные» территории. Ведь даже в Европе существует масса территорий со смешанным в национальном отношении населением. Кроме того, национализм постепенно и совершенно логично перерастал в шовинизм – резкое отторжение всего инонационального и провозглашение собственной нации даже не просто «первой среди равных», но «исключительной». Наиболее отчетливо этот процесс, вплоть до расистских «научных теорий», после Первой мировой войны) расцвел как раз в Германии, являвшейся в XIX веке наряду с Францией культурным лидером Европейского континента.

Привал у колодца

Безусловно, германский национализм никоим образом не явился плодом только лишь культурного развития страны (напротив, германская культура и искусство XIX века говорят об обратном), но стал заложником политического и экономического процессов в мировом масштабе. Действительно, бурный подъем немецкой экономики и выдвигание Германии на роль европейского лидера с конца XIX века не могли мирить немцев с тем положением, что Германия занимала на планете. Ведь даже понемногу регрессировавшая Франция, делавшая капитал прежде всего с помощью банков, а не с помощью промышленности, имела куда больше возможностей и вариантов, способствовавших ее экономическому развитию. И все это – благодаря колониям и морской торговле. О Великобритании, державшей в своих руках ключи к мировым торговым путям, и говорить нечего. Терять роль «морского перевозчика» и «мастерской мира» англичане не собирались. И потому немцы сделали главную ошибку – ставку на грубый национализм, что в конечном счете оттолкнуло от них весь континент, ибо вызов был брошен всем одновременно.

Экономический взлет после 1870 года, опиравшийся как на объединенную страну, так и на французские репарации, заставил Германскую империю приступить к захвату колоний и строительству флота, как торгового, так и военного. И если первоначально германская экспансия удерживалась в твердо очерченных рамках, установленных дальновидной дипломатией О. фон Бисмарка, то после его отставки немцы открыто бросили вызов прочим великим державам Европейского континента. Это в самой ближайшей перспективе вело к борьбе с могущественной Великобританией, которая никоим образом не могла смириться с утратой исключительно прибыльной роли «мирового перевозчика». Английские авторы указывают: «Германия, которая в 1871 году не была мировой державой, стала осознанно стремиться к этому лишь после отставки Бисмарка в 1890 году... в Европе, как считали многие немцы, их

страна находится в “окружении”. После 1897 года вожди Германии стремились вырваться из него и приступить к экспансии. Все это предполагало неизбежный конфликт с Британией... Морское могущество было столь же необходимо для поддержания британской “изоляции”, сколь мощь Германии на суше – для поддержания системы союзов, членом которой она являлась»⁴.

Англо-германский конфликт, разрастаясь, вовлекал в свою орбиту всю Европу и, понятно, все великие державы, каждая из которых имела свои собственные (и порой глобальные) цели в этом конфликте. Исследователь европейской цивилизации последних двух столетий пишет: «...для двух главных противников, Германии и Великобритании, границей могло стать только небо, поскольку Германия стремилась занять то господствующее положение на суше и на море, которое занимала Великобритания, что автоматически переводило бы на второстепенные роли и так сдававшую позиции британскую державу»⁵. Невзирая на то что современники своевременно определили англо-германскую природу назревавшей Большой Европейской войны, правительства всех стран не собирались оставаться в стороне. При этом, что парадоксально, в каждом государстве правители заранее выбрали свою собственную группировку и затем делали все возможное, чтобы не остаться в стороне от вооруженного конфликта. Деятельность отдельных трезвомыслящих государственных деятелей не имела успеха.

Все-таки первенствующая роль лидера в разжигании внутреннего национализма принадлежала Германии. В политическом отношении Второй рейх был еще очень молод, а потому сравнительно непрочно спаян внутри самой страны. Именно поэтому, дабы спаять немцев общностью исторической судьбы, в духовном плане помимо ставки на общегерманское прошлое императорская власть сделала ставку на национализм. И, бесспорно, этот шаг сильно скрепил узы ганноверцев, баварцев, гессенцев, баденцев, саксонцев и всех прочих германских областей под руководством пруссаков, что и было подтверждено в мировых войнах XX века. А ведь странно было бы вспомнить, что еще в 1866 и 1870 годах часть германских государств с оружием в руках боролась на стороне Австрии или Франции против Пруссии!

Национализм, как ведущая линия внутривнутриполитического развития общества и государства, особенно усилился после восшествия на престол молодого кайзера Вильгельма II и отставки мудрейшего канцлера О. фон Бисмарка. В этот период Германия сделала ставку на своеобразную «политическую автаркию», рассчитывая чуть ли не в одиночку противостоять всем тем, кто не пожелает утверждения в центре Европы нового гегемона. А это – все прочие европейские великие державы.

Ставка верховной власти Германии на национализм породила такое явление, как «милитаризация общества», – ведь национальную исключительность пришлось бы неизбежно отстаивать оружием. За образец был взят идеал прусского офицерского корпуса, армия становилась «школой» для всего населения, в стране усиленно насаждались и поддерживались разнообразные военно-спортивные кружки, патриотические общества и т.д. Утверждаясь среди гражданских лиц, агрессивный национализм, в свою очередь, бумерангом влиял на вооруженные силы, еще более утверждая их в собственной значимости и вере в то, что любая проблема не только разрешима с помощью силы, но и в то, что это есть единственно правильный выбор.

Справедливо выражение: «Милитаризм – это состояние ума гражданских». Став формирующей силой государства, армия не могла не подчинять своей воле прочие структуры

⁴ Бриггс Э., Клэвин П. Европа Нового и Новейшего времени. С 1789 года и до наших дней. М., 2006, с. 165.

⁵ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991). М., 2004, с. 40.

управления страной⁶. В 1916 году это вылилось в установление военной диктатуры, фактическое отстранение кайзера Вильгельма II от руководства и, наконец, в проигрыш войны.

Спаяв немцев, германский национализм одновременно имел и обратную сторону медали: он вызвал резкое неприятие со стороны прочих государств Европы. Действительно, в годы Первой мировой войны на сторону Германии встали лишь Австро-Венгрия, где коронной нацией являлись те же немцы, да Болгария и Турция, преследовавшие свои собственные цели на Балканах и в Азии и стремившиеся воспользоваться мощью германского оружия для разрешения своих проблем. Вдобавок свою роль играл и личностный фактор: в Турции распорядилась революционная верхушка младотурок, вызывавшая неприятие у традиционных друзей Османской империи – Франции и Великобритании. В Болгарии правил германский принц – Фердинанд Кобургский. Напротив, в годы Второй мировой войны все союзники Германии стали «друзьями поневоле», что объясняет их почти мгновенный переход на сторону антигитлеровской коалиции после поражений на фронтах войны.

Представляется, что именно германский национализм, как вещь совершенно новая для Германии образца XIX века и абсолютно неприятная для соседей, стал той «последней каплей», что развела Россию и Германию-Пруссию, уже полтора столетия как не воевавших друг с другом, до того, напротив, как правило, выступавших союзниками, в противоположные политические лагеря-блоки, расколовшие Европу. Русские всегда славились тем, что могли совершенно непонятно почему ставить на первое место перед экономическими и национальными интересами страны какие-то моральные факторы. Особенно этим «предрассудкам» бывали подвержены руководители Российского государства (фактически, абсолютным исключением за последние триста лет явились лишь два человека – строителя империй, что всегда связано с огромной кровью – Петр I Великий, а также И.В. Сталин).

Вероятнее всего, как раз агрессивный немецкий национализм окончательно оттолкнул от союза с Германией русских императоров Александра III и Николая II, которые предпочли военно-политический союз с республиканской Францией против традиционных империй Средней Европы – Германии и Австро-Венгрии. Само собой разумеется, что в основе этих процессов лежали экономические и политические противоречия. Просто для России духовный фактор был всегда чересчур велик, что всегда и подтверждало «шатание» нашей истории из стороны в сторону, в отличие, скажем, от тех же атлантических государств (Великобритании и США), всегда выдерживавших наивыгоднейший для них стержневой, магистральный курс.

Что же касается монархических идиом, как фактора, скреплявшего Европу в XIX веке... В начале XX столетия в Европе существовали только две республики – Французская и Швейцарская. Преобладание государств с монархической формой правления было наглядным и неоспоримым. Но ряд европейских монархий уже тогда являлись конституционными, парламентскими: «Монарх царствует, а не правит». Эта последняя форма есть не что иное, как приспособление традиционного института феодального общества к капиталистическому строю.

Забыв о том, что каждая страна имеет свои собственные традиции и самобытность, Российская империя также тянулась вслед за Западом к буржуазной монархии. Экономический базис неуклонно тянул за собой политическую надстройку, и движение это было неумолимым и неизбежным. Основные Законы 1906 года в сочетании с Манифестом 1905 года и прочим сопутствующим законодательством того нелегкого времени стали русским вариантом конституции в полусамодержавной монархической стране, битком набитой пережитками феодального строя. Право, тогда уж лучше республика.

⁶ Деметр К. Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650—1945 гг. М., 2007, с. 246—247.

Из восьми великих держав мира начала XX века – Великобритании, Германии, России, Франции, Австро-Венгрии, Италии, Соединенных Штатов Америки, Японии – шесть являлись монархиями. Причем из этих шести четыре (кроме Великобритании и Италии) были монархиями скорее авторитарного, нежели конституционного плана. По окончании войны в 1918 – 1920 годах еще три державы станут республиками самого различного характера (буржуазная немецкая Веймарская республика, Советская Россия и масса буржуазно-демократических республик, образовавшихся на обломках Австро-Венгрии). Еще одна (Италия) – обретет все необходимые черты конституционализма фашистского типа. Фактически в мире останется лишь одна великая держава с легитимной монархией вполне традиционного (хотя уже и «разъединенного» конституционализмом) типа – Япония, – рухнувшая в 1945 году. Гибель монархического принципа во всемирном масштабе стала основным шагом к американскому «концу истории», провозглашенному Ф. Фукуямой.

Уже только один этот факт позволяет сделать вывод, что история новейшего времени последовательно и упорно выбивала «из строя» европейские монархические режимы, с тем чтобы к середине столетия не оставить ни одной авторитарной монархии в Европе и среди великих держав. Все это явилось логическим следствием развития такого явления в экономической жизни планеты, как индустриальный капитализм. В политической же сфере начало падения монархичности как явления жизни Европы, как явления скорее духовного, нежели материального порядка, положила Первая мировая война 1914 – 1918 годов.

Галиция. Солдаты запасаются водой в баклажки

В Первой мировой войне друг другу противостояли два военно-политических блока: Антанта («Сердечное согласие») и Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия, Италия), к которым впоследствии присоединялись другие государства мира. Российская империя являлась одним из членов триумвирата Антанты – Великобритании, Франции и России. Заметим, что здесь одна лишь Россия являлась традиционной монархией, в то время как в противоположном лагере все страны являлись монархиями, пусть и шагнувшими несколько далее России по пути буржуазного конституционализма.

Ради противостояния Германии и немецкому влиянию внутри страны в России отставили в сторону многолетнюю борьбу XIX века с Великобританией, непрерывные военные конфликты с Францией, вековую ставку на солидарность монархических режимов перед лицом «революционной заразы». Даже как будто бы не обратили внимания на главного виновника русского унижения в 1905 году на Дальнем Востоке: без финансовых вложений англичан и американцев Япония не имела ни единого шанса в противоборстве с Российской империей. Ради сохранения своей могущественной колониальной империи и роли «мирового перевозчика» англичане лавировали в международной политике, стравливая между собой вероятных конкурентов. Но даже и здесь британцы получили двойную выгоду: и вытеснив русских с Тихого океана, и вынудив их признать борьбу с Германией как приоритетную и единственно необходимую в ближайшей перспективе. В 1912 году князь А.Г. Щербатов писал, что Англия, «не имея достаточно боевой мощи для самостоятельного нападения и не испытывая нужды в новых завоеваниях, искусно пользуется соперничеством других стран между собой, чтобы своевременной поддержкой слабейшей стороне ослабить сильнейшую, и, пользуясь истощением после войны обоих противников, занять их место в торговом мире. Нет военного столкновения, из которого Англия не извлекла бы своей выгоды»⁷. Уход России из Тихоокеанского региона означал ее ненормально прочную «привязку» к европейским делам, в которых русско-германские отношения определились как безусловно конфликтные.

Союз Российской империи и Запада в то время был противоестествен не только в геополитическом, но и в государствообразующем отношении. Россия вела борьбу за преобладание в восточноевропейском регионе (прежде всего – Балканы), а также за недопущение выхода в Черное море через Босфор и Дарданеллы флотов каких-либо иных держав. На этих участках русские геополитические интересы пересекались, ранее прочих, с британскими интересами.

В окопах

⁷ Щербатов А.Г. «Обновленная Россия» и другие работы. М., 2002, с. 172—173.

Соперничество с Австро-Венгрией на Балканах до 1914 года поддавалось урегулированию. Экономические интересы буржуазии и давление заинтересованных кругов, связанных с ней, на высшую государственную власть Российской империи, наряду с ярко агрессивной внешнеполитической линией Германии и ее союзников, сделали этот союз вполне реальным. Противостояние России и Германии, искусно подогреваемое державами Запада, растянулось на весь XX век, обескровив обе стороны и вырвав инициативу решения общепланетарных проблем из рук континентальных европейских государственных группировок в пользу атлантических держав – сначала Великобритании, а затем и Соединенных Штатов Америки. Опора политики на мировую экономику твердо руководила действиями рулевых англосаксонских стран, где всегда помнили максимум сэра Уолтера Рэйли: «Тот, кто господствует в водах океана, главенствует в торговле. Тот, кто главенствует в мировой торговле, контролирует мировое богатство, а следовательно, хозяйничает и во всем мире». Кто ныне контролирует «мировое богатство» – энергию и, следовательно, «хозяйничает во всем мире»?

Смена династических союзов блоковыми образованиями стала прологом к Большой Европейской войне, так как теперь упор делался не на союз монархов, а на противоборство народов-наций, в основе которого лежали экономические причины, дополняемые соображениями внутренней политики, геополитики, идеологии, империалистической экспансии. Преобразование средневековых государств в «государства-нации» стало одним из характерных явлений нового и новейшего времени, дожив до наших дней. Борьба за передел мира, развернувшаяся с конца XIX века, стремление нового экономического гиганта – Германии – получить свою чрезмерно большую долю мирового пирога логически вели к созданию принципиально иных, по сравнению с предшествующим историческим периодом, военно-политических союзов в Европе. Как считал участник войны и один из первых ее тщательных историков, генерал от инфантерии А.М. Зайончковский, «заклучением франко-русского союза, дополненного военной конвенцией, Россия окончательно порвала со своей традиционной политикой девятнадцатого столетия, базировавшейся на союзе с двумя соседними центральными державами; она вышла и из своего изолированного состояния. Европа раскололась на два враждебных лагеря, и это неминуемо должно было привести к всеобщему столкновению. Франко-русский союз положил первоначальный фундамент той кристаллизации держав, с которой они встретили Мировую войну; он восстановил политическое равновесие Европы, нарушенное образованием Тройственного Союза, и уничтожил его доминирующее влияние»⁸.

Бурный экономический рост Германской империи начался после победы во Франко-прусской войне 1870 – 1871 годов, когда тылы Пруссии были обеспечены дружественной позицией России и Австро-Венгрии, а Англия отстранилась от участия в этой войне. Объединение Германии канцлером О. фон Бисмарком, на фоне крушения военной мощи Франции, заложило основы для появления в Европе новой ведущей силы. Экономический рост и явная слабость ближайших соседей побудили немцев задуматься о европейской гегемонии. Затем, с 1890 года, когда германские товары стали успешно конкурировать с английскими, немцы увидели для себя возможность вытеснения Великобритании и с мировых рынков.

Соответственно, в Европе стал складываться союз держав, поставивший целью остановить германскую внешнеполитическую экспансию. Исследователями справедливо отмечается, что 1870 год стал первой предпосылкой грядущего мирового конфликта. В Европе впервые после Наполеона появился гегемон, справиться с которым стало под силу только коалиции других государств – великих держав. «Сохранение многополярной модели равновесия было поставлено под серьезнейшую угрозу возникновением в 1871 году Германской империи на базе объединения германских земель в мощнейший сплошной геополити-

⁸ Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926, с. 92.

ческий массив, включивший в себя преимущественно французские Эльзас и Лотарингию. Контроль Германии над ресурсами двух этих провинций (уголь и железная руда) в момент, когда определяющую роль для военно-технических возможностей государств стали играть металлоемкие производства, способствовал возникновению ситуации, когда сдерживание единой Германии в рамках традиционного “европейского равновесия” методами дипломатии и политики оказалось невозможным. Таковы были структурные предпосылки Первой мировой войны...»⁹

⁹ Системная история международных отношений в двух томах. М., 2006, т. 1, с. 19.

Русско-французский союз

Такой антигерманский союз наметился между жаждавшими после поражения во Франко-прусской войне 1870 – 1871 годов реванша французами и опасавшимися усиления Германии (как экономического, так и чисто военного) русскими. История тесного сближения Российской империи с Французской республикой берет свое начало в годы правления императора Александра III, вынужденного отказаться от принципа монархической солидарности, так как теперь России противостояла коалиция Германии и Австро-Венгрии, оформленная с участием Италии в 1882 году, – Тройственный союз. Действительно, в австро-германском договоре о союзе, заключенном в 1879 году, 1 я же статья отчетливо указывала будущего противника: «В случае, если бы одна из обеих империй, вопреки ожиданию и искреннему желанию обеих высоких договаривающихся сторон, подверглась нападению со стороны России, то обе высокие договаривающиеся стороны обязаны выступить на помощь друг другу со всею совокупностью военных сил своих империй и соответственно с этим не заключать мира иначе, как только сообща и по обоюдному согласию». Здесь говорится о «нападении со стороны России», однако в 1870 году О. фон Бисмарк превосходно преподал урок, как агрессивная держава может выставить себя в роли «невинной овечки», – провокация есть превосходная вещь для морального обоснования агрессии.

Прием фуража у еврея-поставщика

Отставание России на пути капиталистического развития ослабляло страну как в экономическом, так и в военном отношении. Если раньше Российская империя могла с успехом противостоять коалиции ряда стран Центральной Европы, одновременно являясь несомненным гегемоном в Восточной Европе, то теперь чаша весов качнулась на сторону Германии и ее сателлитов. Вдобавок традиционно недружественной оставалась и позиция Великобритании – неуязвимой для внешнего вторжения с суши и способной изолировать любого вероятного неприятеля на всех морях.

Исходя из собственных опасений и стремясь к реализации давнего принципа «баланса сил» в Европе, в 1875 году русские не позволили немцам окончательно добить францу-

зов, и теперь в Германии справедливо стали рассматривать Россию как одно из главных препятствий на пути установления европейской гегемонии. Отечественный исследователь полагает, что «наиболее точной датой» начала подготовки Российской империи к Большой Европейской войне «следует считать 1880 год, когда русское правительство утвердило разработанные генерал-адъютантом Н.Н. Обручевым так называемые соображения о планах войны с Германией и Австро-Венгрией. Враждебная позиция этих стран по отношению к России, обозначившаяся еще во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 г. и на Берлинском конгрессе 1878 г., стала совершенно явной после заключения австро-германского союза в 1879 году»¹⁰.

Так или иначе, но в любом случае именно Россия всегда вставала последним препятствием на пути любого европейского гегемона, а потому какое-то ухудшение отношений с Германией было объективно неизбежным. Другой вопрос: стоило ли доводить противоборство до мировой бойни? Пока еще немецкая экономика только-только набирала обороты, и Великобритания оставалась в стороне. Однако не за горами было то время, когда англичане станут главным противником немецкого империализма.

Русские дипломаты довольно долгое время пытались сохранять дружественные отношения со всеми странами, и русско-германские договоры «о перестраховке» – тому наглядное подтверждение. Но в конечном счете лавирование между различными группировками все же не имело успеха, так как угроза со стороны усилившейся и вступившей в антирусский союз с Австрией Германии становилась все явственней и отчетливее. А выдержать необходимую паузу русская дипломатия не смогла, да, наверное, и не имела к тому объективной возможности.

Оставалось искать союзников, и, разумеется, среди великих держав, также недовольных мощью германского империализма. Если учесть, что англичане держались наособицу, то особенного выбора и не было – только Франция, сама искавшая союзников против Германии. Причем франко-германский конфликт мог идти только на уничтожение. Швейцарский исследователь С. Ферстер верно заметил, что «в период Первой мировой войны цели немцев и французов подразумевали ликвидацию статуса противника как великой державы, и даже раздробление государства-противника, так как каждая сторона определяла другую как основополагающую опасность для собственного существования»¹¹.

Старые распри были отставлены в сторону. Дабы обеспечить безопасность от вероятной агрессии держав Тройственного союза на Восток, к которому в любой момент могли присоединиться Румыния и Турция, русское правительство пошло на соглашение с Францией, также тщательно подбиравшей союзников в Европе, так как французы не могли воевать с немцами даже один на один. Решающим актом стало подписание военной конвенции 1892 года, которая положила начало антигерманскому блоку, пока еще только в составе России и Франции.

Отметим, что инициаторами заключения франко-русского союза были все-таки французы. Именно Франция не могла допустить нового погрома после 1871 года, и, так как русские также опасались возрастающей мощи Германии, усилившей себя союзом с Австро-Венгрией и Италией, то такой союз не мог не быть заключен. Логика блокового противостояния в Европе с неумолимой поспешностью заменяла старую «систему равновесия». Ю.М. Коробов выделяет причины, по которым руководство Французской республики пошло на союз с самодержавной Российской империей. «Во-первых, можно было рассчитывать на военно-политический союз, основанный не только на временной политической конъюнктуре, но и на более глубоких взаимосвязях, на устойчивых военно-экономических интересах. Во-

¹⁰ Дашкуев М.Д. Побеждает тот, кто умеет лучше думать (Н.Н. Обручев). М., 2007, с. 269.

¹¹ Опыт мировых войн в истории России. Сборник статей. Челябинск, 2007, с. 19.

вторых, всевозрастающее воздействие на эти взаимосвязи оказывало географическое и стратегическое положение России и Франции. Возможность расплыть силы Германии на два фронта подкреплялась громадными стратегическими ресурсами России и набравшей силу военной промышленностью Франции. В-третьих, появлялась возможность не только обеспечения собственных военных потребностей, но и взаимного распределения тягот подготовки к войне между союзниками»¹².

Конвенция 1892 года была подписана полномочными представителями Генеральных штабов двух держав – генералами Обручевым (начальник русского Главного Штаба) и Бойденфре (помощник начальника французского Генерального штаба). Документ был окончательно ратифицирован на высшем уровне в 1893 году. Конвенция определяла русские армии, выставяемые против Германии, в 700 – 800 тысяч чел., французские – в 1 300 000 чел., однако о сроках выступления пока еще не было и речи. Главным оставалось обязательство совместной войны против Германии, буде та пожелает решить свое стремление к гегемонии оружием: Австро-Венгрия и так следовала в фарватере германской политики, Италия была откровенно слаба, Великобритания оставалась недосыгаемой за Ла-Маншем; так что противниками Германии являлись как раз Франция и Россия.

Оба государства обязывались выступить против любого противника из стана Центральных держав в случае нападения того на одну из договаривающихся держав: «Если Франция подвергнется нападению со стороны Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия употребит все войска, какими она может располагать, для нападения на Германию. Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все войска, какими может располагать, для нападения на Германию». Конвенция по своему характеру была оборонительной, находясь в зависимости от жизнедеятельности неприятельского блока («Настоящая конвенция будет иметь силу в течение того же срока, что и Тройственный союз»), и пока еще не имела взаимозависимости в смысле стратегического планирования каждой из договаривающихся сторон.

Более того, в своей «Записке», представленной императору Александру III, ген. Н.Н. Обручев указывал, что в случае войны с Германией и ее союзниками «мы должны обеспечить полную свободу действий». По смыслу это означало самостоятельное оперативно-стратегическое планирование русской стороны, вне зависимости от желаний французов, сообразно лишь со своими собственными военно-политическими потребностями. Отсутствие координации военных усилий с союзниками против общего противника несколько ослабляло франко-русскую коалицию, но зато сохраняло свободу дипломатического маневра в случае настоящей нужды.

В любом случае, этот документ не позволял немцам добить Францию, так как в таком случае на Востоке против Германии немедленно вставала бы Российская империя. Таким образом, данная конвенция, в силу расстановки фигур на мировой доске, страховала более Францию, нежели Россию, которой пока особенно-то и нечего было делить с Германией. Лишь в первом десятилетии XX столетия, когда военное и политическое могущество Российской империи ослабело, французам удалось навязать русским сроки наступления (на пятнадцатый день с начала мобилизации) и направление удара на Германию¹³.

¹² Последняя война Российской империи. М., 2006, с. 191.

¹³ См. Стратегические решения и вооруженные силы: новое прочтение. М., 2000, т. 1, с. 13, 17.

Галиция. У походных палаток

Договор 1892 года подчеркивал самостоятельную роль Российской империи, просто-напросто подстраховавшейся против набиравшей силу Германии, еще ранее образовавшей свой заведомо агрессивный блок. Теперь русские могли играть на франко-германских противоречиях, чтобы иметь независимость и от британского, и от немецкого внешнеполитического курса. Но после Русско-японской войны 1904 – 1905 годов, в которой, кстати говоря, не желавшие ссориться с англичанами ради России французы не оказали русским ни малейшей реальной помощи, положение вещей резко изменилось. Именно тогда стало ясно, что при выборе более принципиального союзника для Франции более дороги будут не русские, а англичане. Впрочем, в России этого, очевидно, в высших эшелонах власти до конца так и не поняли.

Ведущий отечественный исследователь международных отношений А.И. Уткин так оценивает русские дипломатические усилия в эпоху образования блоков и союзов в Европе: «Складывается впечатление, что начало эры несчастий России лежит в неверном дипломатическом выборе, предполагавшем союз с Францией и противостояние Германии. Порочными были изначальные посылки. Ныне, в конце века, напрашивается вывод, что России нужен был союз с обеими странами: с Францией (который гарантировал от германской экспансии в Европе), но и с Германией, лидером европейского экономического развития. Россия нуждалась в германской технологии, в германских капиталах и в германских специалистах, в инженерах и организаторах, которых сегодня мы назвали бы менеджерами. Дипломатическое замыкание России на Запад в пику Германии делало ее заложницей неконтролируемых ею политических процессов. Россия, по существу, отдала свою судьбу в чужие руки»¹⁴.

Действительно, так или иначе, но военно-стратегическое положение государства в системе «европейского концерта великих держав» напрямую зависело от экономики. Экономическое развитие Российской империи в начале XX века приступило к своему настоящему разбегу только с началом осуществления столыпинской аграрной реформы. Львиная доля

¹⁴ Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2001, с. 15.

населения – крестьянство (85 %), – стало активно втягиваться в капиталистические отношения. И, что еще главнее, тот источник, что давал половину национального дохода, – сельское хозяйство – получил право частной собственности на землю.

Закладывание промышленного потенциала при императоре Александре III во многом блокировалось недостатком рабочих рук и искусственной привязкой крестьянства к земле. С конца 1906 года, когда в ход пошли реформы П.А. Столыпина, деревня стала поставлять городу рабочие руки в значительном количестве, а расширение торговых связей между городом и деревней только укрепляло оборонный потенциал страны. «Мягкая» индустриализация (в отличие от «жесткой» сталинской) с каждым годом набирала обороты, одновременно выводя Россию в разряд первоклассных промышленных держав и сохраняя крестьянское традиционное общество как необходимую составляющую категорию монархического принципа правления.

Тем не менее для того, чтобы получить в руки существенные результаты реформирования и суметь ими воспользоваться, требовалось время. И время немалое: как известно, сам П.А. Столыпин требовал не менее двадцати лет мира. Это – минимум. Поэтому «расчитанные на десятилетия столыпинские реформы не давали мгновенного, непосредственного эффекта в плане сиюминутного улучшения жизни большей части населения. Оставаясь государственно мыслящим и ответственным политиком, Столыпин, в отличие от лидеров леворадикальных партий, не был демагогом, сознавая эфемерность, а главное – аморальность беспочвенных, объективно не обеспеченных обещаний»¹⁵. В распоряжении России оказалось всего-навсего семь с половиной предвоенных лет, часть из которых ушла на восстановление того положения вещей, что существовало до Русско-японской войны 1904 – 1905 годов и Первой Русской революции 1905 – 1907 годов. Следовательно, в любом союзе с тем или иным европейским блоком (Антанта или Тройственный союз) Российская империя оказывалась в подчиненном положении. Причина тому – отсталость экономического развития нашей державы на данный момент времени.

Но удивительно не это. Удивительно, что, оказавшись в подобном цейтноте, русская государственная власть не только рьяно бросилась в один из военно-политических блоков (Антанта), но и проповедовала наступательную войну, также, наряду с прочими странами, подталкивая события к своей развязке – Большой Европейской войне, которая на деле вылилась в мировую войну. Иначе говоря, наиболее разумным поведением российского руководства после 1907 года стал бы отказ от своего жесткого позиционирования в военно-политическом отношении, и тем более отказ от проведения такой активной внешней политики в Европе, что непрестанно сталкивала Россию с другими великими державами.

Однако же на деле, чем более преодолевались последствия Японской войны и революции в политической и экономической сферах, тем более активной и наступательной становилась русская внешняя политика. Чуть накопленный экономический «жирок» уже побуждал российских «ястребов» бряцать оружием, выступая затравщиком войны, но ускользая в кусты при неблагоприятном ее ходе. Такая позиция как нельзя более соответствовала интересам союзников и противников – Франции, Великобритании и Германии, – заинтересованных в участии России в предстоявшей войне. Правда, чем дальше, тем больше зависимость от французских займов подчиняла себе суверенитет русской внешней политики, подламывая его в пользу активности России в Европе – против Германии. Восточный союзник Франции имел, «конечно, право на собственные стратегические интересы», но кредитовался «под обязательство действовать, прежде всего, в поддержку французов»¹⁶.

¹⁵ П.А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы. М., 2003, т. 1, с. 21.

¹⁶ Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008, с. 280.

Точно так же была спровоцирована немцами активная позиция Австро-Венгрии, где вместо широкомасштабных внутренних реформ, нацеленных на разрешение национальных проблем и трансформации империи в федерацию, власти перенесли центр тяжести на внешнюю политику. И Российская, и Австро-Венгерская монархии в силу своего экономического развития играли неравноправные роли в собственном военном союзе. В то же время позиционирование именно этих стран стало наиболее запрограммированным и оттого в значительной степени подверженным внешнему давлению со стороны более мощного партнера.

Отечественный исследователь правильно считает, что жесткие союзнические отношения с любым из сложившихся военно-политических блоков были неприемлемы для Российской империи в начале XX столетия. «Наилучшим вариантом политики и военной стратегии для России было бы сохранение того положения, в котором она находилась до присоединения к Антанте, т.е. нейтралитета, но при этом нейтралитета, обеспеченного достаточно мощными сухопутными и военно-морскими силами, способными вести, прежде всего, эффективные оборонительные сражения...»¹⁷ Возможен ли был такой нейтралитет? Вполне вероятно, что да. Но при этом уже далеко не все зависело от самих русских. Ни союзники, ни противники не желали русского оборонительного нейтралитета и потому заняли откровенно грубую позицию в отношении России: французы активно втягивали Российскую империю в свои проблемы с немцами из-за Эльзас-Лотарингии, а немцы желали бескомпромиссно и единолично господствовать в Европе, определив Франции участь второстепенной державы, и намереваясь оттеснить Россию в Азию.

Увидели немца

Итак, в свою очередь, немцы после смерти русофильствующего старого императора Вильгельма I, воевавшего вместе с русскими еще против Наполеона, перестали дорожить тесным и верным союзом с Россией. В немалой степени это определялось нежеланием русского вмешательства в германские дела, столь ярко проявившегося в эпоху императора Николая I, считавшего малые германские государства чуть ли не своей «вотчиной». Канцлер единой Германии граф О. фон Бисмарк сделал все возможное, чтобы обеспечить независимость своей родины от любого иностранного вмешательства, в том числе и русского. И с объек-

¹⁷ Кокошин А.А. Стратегическое управление: Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М., 2003, с. 155.

тивной точки зрения это вполне понятно: поодиночке германские государства не могли и думать о каком-либо соперничестве с могущественной Российской империей. Зато единая Германия уже резко превосходила Россию по параметрам своего экономического развития, что становилось залогом и военной мощи, и положения на международной арене.

Однако Бисмарк всегда помнил, что Россия не является жизненным врагом Германии, а потому никогда не доводил дела до открытой ссоры между двумя странами, не говоря уже о вероятном военном столкновении. Напротив, русско-германский союз был не по зубам любой коалиции прочих европейских держав. Но после отставки Бисмарка положение вещей переменилось самым радикальным образом. Отказавшись продлить «договор перестраховки» (договор 1887 года о ненападении между Россией, Германией и Австро-Венгрией, долженствовавший периодически продлеваться, как итог бисмарковского «союза трех императоров») в 1890 году, молодой кайзер Вильгельм II окончательно дал понять, что военно-политический союз Германии и Австро-Венгрии отныне будет жестко направлен и против России. Такое положение означало, что в борьбе за влияние на Балканах австрийцы всегда будут иметь преимущество, так как за их спиной стоял германский экономический гигант. Естественным следствием этого отказа и стала франко-русская конвенция 1892 года.

Интересы России и Австро-Венгрии на Балканском полуострове пересекались самым решительным образом. Экономическая отсталость Двуетидной монархии и отсутствие у нее колоний неизбежно делали единственным объектом экспансии Балканы. Россия же не могла оставить на произвол судьбы православные народы полуострова. Отсюда и трения, скатывавшиеся на грань военного конфликта. Тень германской мощи за спиной Двуетидной монархии означала, что в балканских делах отныне Австро-Венгрия имеет сильнейшего союзника. Итоги Берлинского конгресса 1878 года, подведшего черту под результатами Русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов, показали единство немецких держав в этом вопросе: не участвовавшая в войне Австро-Венгрия при поддержке Германии и Великобритании получила право на оккупацию Боснии и Герцеговины.

В 1878 году в России стало ясно, что «дружба дружбой, а табачок – врозь». 1890 год подтвердил наихудшие опасения. Поэтому новому императору, испытывавшему давление со стороны всей Европы и отказавшемуся от ведения войн, пришлось задуматься над перспективой дальнейшей направленности русской внешней политики. Русский император Александр III, отлично сознававший, что нужно искать новых союзников, был вынужден пойти в давно приготовленные объятия Франции, жаждавшей военного реванша против Германии после национального унижения 1871 года. Так что «с заключением союза России с Францией окончательно определилась геостратегическая ситуация на Европейском континенте»¹⁸.

Помимо прочего на такое решение русской стороны повлияло и то обстоятельство, что из всех великих европейских держав Россия не имела территориальных проблем лишь с Францией и Италией. Территория в те времена представлялась приоритетным фактором перед экономикой. Поэтому в условиях, когда Германия представляла наиболее вероятным противником России на континенте, Франция оказывалась наиболее естественным союзником. Таким образом, в 1890 – 1892 годах была уничтожена последняя подпорка, созданная еще канцлером О. фон Бисмарком для предотвращения русско-германской войны.

Известно, что Бисмарк не очень-то дружелюбно относился к Российской империи, но он всегда придерживался той точки зрения, что Россия и Германия, как монархические империи, могли сосуществовать только не вступая друг с другом в вооруженный конфликт. Подчеркнем – именно как *монархические империи*. «Железный канцлер», стараясь не допустить усиления Российской империи, в то же время дипломатическим путем последовательно и твердо разрушал те комбинации в русско-германских отношениях, которые могли приве-

¹⁸ Михалев С.Н. Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003, с. 67.

сти к войне между ними. Впоследствии и немецкий император Вильгельм II (кстати говоря, крестный отец наследника российского престола цесаревича Алексея), то ли осознав свою ошибку, то ли желая разрушить франко-русский союз (вероятнее всего, и то и другое), будет неоднократно предпринимать попытки сближения с Россией.

Пиком такой политики станет так и не ратифицированный Бьеркский договор 1905 года: Бьеркское соглашение подразумевало не русско-германский сепаратный союз, как то часто представляется в отечественной историографии, а русско-франко-германскую коалицию. Правда, в подобной редакции договор не имел возможности для существования. Но этот шаг логически вел к распаду англо-французской Антанты и изоляции Великобритании в европейских делах. Такой вариант союза ведущих континентальных держав, при условии его соблюдения всеми державами, начисто исключал возможность Большой Европейской войны, а значит, вероятнее всего, и Великой Русской революции 1917 года. Это соглашение, по сути, означало, что в дело вводится новая антибританская континентальная система. Но теперь уже русские не будут верить немцам, и только лишь Первая мировая война расставит последние точки над тем самоубийственным решением, что предпринял кайзер после отставки канцлера Бисмарка.

Стоит процитировать вышедшие в 1898 году мемуары О. фон Бисмарка, ставшие его политическим завещанием, чтобы увидеть, что взгляды великого канцлера исходили не из «прекраснодушия» и «любезности» к России или кому бы то ни было еще. Патриот своего Отечества, граф Бисмарк всегда исходил из трезвого прагматизма и рационализма, всегда служивших куда более весомым аргументом для дружбы между государствами, нежели какая-то психологическая приязнь, столь свойственная российским руководителям вплоть до настоящих дней («друг Билл» отчетливо выказал свой «дружеский» оскал в Югославии-1999). Бисмарк писал: «...Для нас выгодно, что Австрия и Россия имеют на Балканах противоположные интересы, тогда как между Россией и Пруссией-Германией нет таких сильных противоречий, чтобы они могли дать повод к разрыву и войне... [и даже несмотря на возможность ссоры] мы можем сохранять свою независимость и достоинство по отношению к России, не нанося ей обид и не задевая ее интересов... Германская война предоставляет России так же мало непосредственных выгод, как русская война Германии; самое большее, русский победитель мог бы оказаться в более благоприятных условиях, чем германский, в отношении суммы военной контрибуции, да и то он едва ли вернул бы свои издержки...» Бисмарк считал, что для Германии даже было бы выгодно, если бы дружественная ей Россия утвердилась в Константинополе: «Это избавило бы нас от положения гончей собаки, которую Англия, а при случае и Австрия, натравливают против русских вождельцев на Босфоре»¹⁹.

¹⁹ Бисмарк О. Мемуары Железного канцлера. М., 2003, с. 573—579.

Пулеметная команда на позиции

Германский канцлер справедливо полагал, что образование Тройственного союза было вызвано намерением русской стороны сделать Германию зависимой от России. Экономическое развитие Германской империи настолько превосходило русское, что политическое давление России на немецкие земли было нестерпимым, и в этом отношении претензии Германии на континентальную гегемонию посредством освобождения от русской политики являются вполне обоснованными. Другое дело, что Германия вскоре поспешила перейти от экономической гегемонии к планам военно-политического диктата, опираясь на свой союз с Австро-Венгрией 1879 года. А это уже не могло устроить ни Россию, ни Францию.

В своей борьбе с Великобританией Россия всегда так или иначе старалась опираться на Пруссию. Немцы же поспешили отказаться от союза с Россией, имея перед глазами громадные успехи своей индустрии. Этот шаг стал первопричиной раскола дотоле единой континентальной Европы на два враждующих антагонистических блока. Как считает Н.А. Нарочницкая, «австро-германский союз 1879 года стал роковой вехой, началом оформления коалиций, которые в дальнейшем столкнулись в Первой мировой войне. Германия дорого заплатила за этот маневр Бисмарка, так как этот договор лишь привел к провалу главной цели самого “железного канцлера” – изоляции Франции. Прямым следствием этого стало в 1893 году соглашение России и Франции»²⁰.

Вдобавок пропаганда отчаянного шовинизма с оттенками расистского мировоззрения не могла способствовать улучшению отношений Германии со всеми ее соседями. Здесь надо напомнить, что корни духа германского милитаризма крылись в скрытой подмене христианства (протестантизм) религиозными веяниями древнегерманских верований. Именно в начале XX столетия в Германии переживает расцвет ницшеанство как определенной степени верх интеллектуальных размышлений о язычестве.

²⁰ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003, с. 166.

Именно тогда немцы переходят на позиции неоязычества, постепенно, шаг за шагом, забывая о христианстве. Пиком данного процесса станет Третий рейх, созданный под руководством А. Гитлера, где откажутся уже даже и от язычества, и от религии вовсе. Антихристианский и античеловеческий дух гитлеровского государства был понятен уже современникам, однако потребовались шесть лет Второй мировой войны, чтобы сломать адскую антихристианскую машину, столь отчаянно защищаемую обманутыми немцами.

Но вернемся в начало прошлого века. После Русско-японской войны 1904 – 1905 годов и Первой Русской революции 1905 – 1907 годов Российская империя оказалась окончательно и, наверное, уже бесповоротно (провал «Бьеркского соглашения» свидетельствует об этом), втянутой в созданный в апреле 1904 года англо-французский военно-политический блок Антанта. В.Н. Виноградов говорит: «Балансирование между двумя лагерями, англо-французским и австро-германским, стало основой российского внешнеполитического курса в 1905 – 1908 гг., в то время как нарастали противоречия между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией, с другой, из-за гонки морских вооружений и раздела сфер влияния в Африке»²¹.

Действительно, в ходе Русско-японской войны 1904 – 1905 годов, Россия потеряла свои позиции в Тихоокеанском регионе, борьба за который стала фактом еще при императоре Александре III. Понятно, что за спиной Японии стояли Великобритания и Соединенные Штаты Америки, опасавшиеся выхода на Тихий океан мощной и набирающей обороты экономического развития Российской империи. При прочих равных обстоятельствах Россия являлась куда более опасным конкурентом, нежели Япония (стоит только предположить, что могло бы быть в Тихоокеанском регионе, не будь мировых войн, где Россия и Германия ослабили друг друга во имя торжества «третьего радующегося»). Зато теперь морская мощь России оказалась чрезвычайно ослабленной (в Порт-Артуре погиб Тихоокеанский флот, а при Цусиме – Балтийский), что вынудило русских отказаться от направления своей экспансии на Дальний Восток.

Отказ от дальневосточной стратегии вынудил русских вернуть свою политику вновь в сторону Европейского континента, где России, связанной союзом с Францией, противостояла мощная Германия. Таким образом, английская политика сумела «возвратить» Россию в Европу, чтобы столкнуть русских и немцев во всеевропейской бойне, выгадав более всех прочих. Разгром Германии означал утверждение и усиление британской морской гегемонии, а перекладывание тяжести грядущей войны на плечи России означал, что русские будут вынуждены длительное время зализывать свои раны, полученные в борьбе с германским промышленным колоссом. Следовательно, по окончании войны с Японией русско-британские отношения резко улучшились, что и означало на практике окончательное оформление Антанты.

И это невзирая на то, что единственной значимой целью русской экспансии в Европе могли стать только турецкие Черноморские проливы, защита которых от русских была одной из главных целей Великобритании на протяжении двухсот лет. Характерно, что тем самым Россия стала союзником страны, с которой она соперничала весь XIX век и которая являлась естественным геополитическим врагом русских. С другой стороны, Германия никоим образом не могла надеяться на успешное противостояние одновременно и с Россией, и с Великобританией.

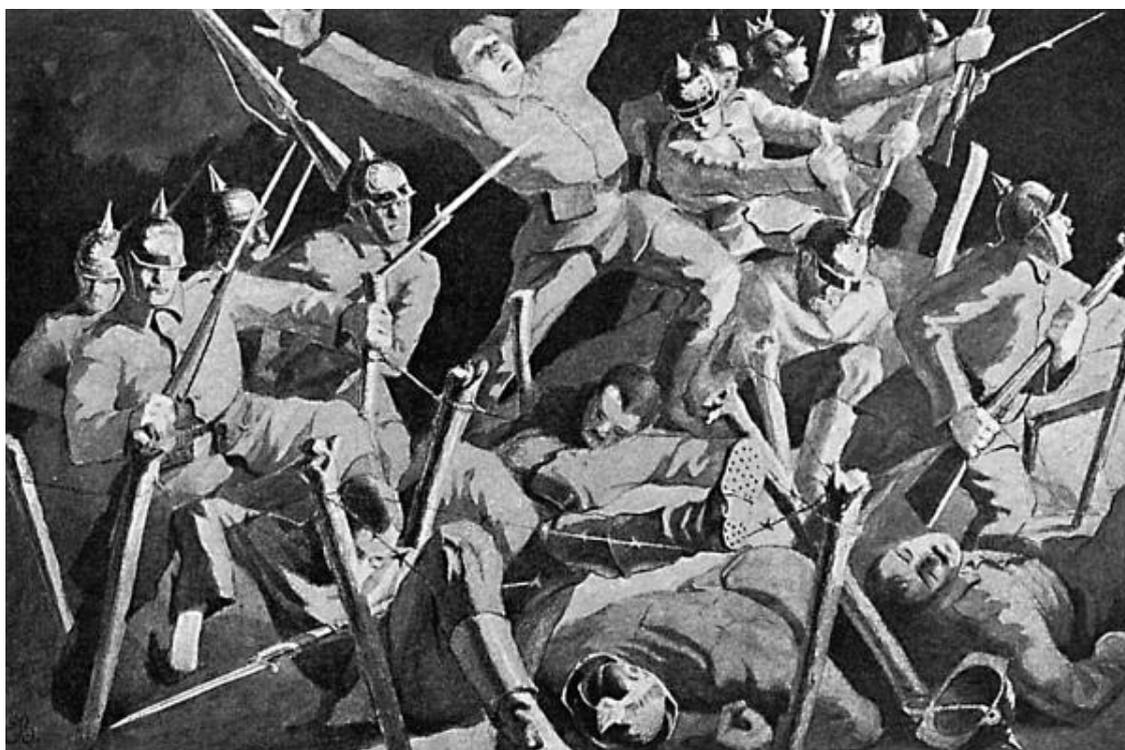
Англо-германское соперничество на море и русско-германская конкуренция в области сельскохозяйственной продукции представляли собой основное противоречие германской политики. Нежелание германского императора Вильгельма II и его правительства отказаться от одного в пользу другого (подразумевается, что англо-германские противоречия

²¹ В «пороховом погребе Европы». 1878—1814 гг. М., 2003, с. 256.

были неразрешимыми) чрезвычайно помогло Великобритании привлечь Российскую империю к Антанте и отставить в сторону естественную геополитическую борьбу Англии и России, которой было пронизано все предшествующее столетие.

Решение германского рейхстага о создании Флота Открытого Моря, бросавшего вызов английской гегемонии (самое важное – торговой гегемонии, подкрепляемой мощью военно-морского флота) в Мировом океане, предопределило мировую войну первой половины XX века. Поэтому первый лорд британского Адмиралтейства лорд Фишер еще 14 марта 1908 года писал своему королю Эдуарду VII о неизбежности войны с Германией, которая тогда «не сможет проводить торговую экспансию». Король согласился с мнением главы британской морской мощи. И уже в октябре в письме русскому министру иностранных дел А.П. Извольскому адмирал Фишер обещал за твердое следование антигерманскому курсу и сосредоточению сухопутных сил на западной границе помочь России в благоприятном для нее разрешении проблемы Черноморских проливов²². Как легко отдавать то, что тебе не принадлежит...

Но могло ли быть иначе? Бурно набиравшая темпы германская промышленность требовала рынков сбыта, а это, в свою очередь, требовало торгового флота и стратегических железнодорожных магистралей, пересекавших континенты Старого Света. Молодая и агрессивная немецкая экономика – против старого и опытного британского морского и промышленного могущества. Все прочие страны, за исключением обладавших громадным потенциалом России и Соединенных Штатов Америки, должны были послужить статистами в этой борьбе. Однако если США сумели воспользоваться выгодами своего географического положения, отсидевшись за Атлантикой, и воспользоваться плодами европейской бойни сполна, то Российская империя пошла на поводу у Великобритании и проиграла все, что имела в своих активах.

Атака немцев в лучах русского прожектора

²² См. Виноградов К.Б. Буржуазная историография Первой мировой войны. М., 1962, с. 104.

Современными исследователями отмечается, что перед Первой мировой войной в Германии существовали две внешнеполитические программы, за которыми стояли определенные группировки. Первая программа – юнкерская («аграрная») – пользовалась поддержкой рейхсканцлера, Генерального штаба и высшего генералитета. Ее смысл заключался в разгроме Франции и отказе от колониальных захватов: «сделать Германию первой среди континентальных стран». При этом франко-германская война рассматривалась как часть решающей войны с Россией.

Вторая программа – буржуазная («промышленная») – поддерживалась руководством военно-морского флота, финансово-промышленными кругами и самим кайзером Вильгельмом II. Здесь Россию и Японию видели в качестве союзников, а Великобританию и, в перспективе, США – противниками. Здесь речь шла уже о достижении не континентального, а мирового господства. Забегая вперед, можно сказать, что именно давление юнкерских кругов, составлявших верхушку немецкого генералитета, заставило кайзера Вильгельма II принять роковое решение в июле 1914 года, бросив вызов всему миру сразу.

Следование различным программам ставило и различные сроки в перспективе развития. В итоге германская армия готовилась к борьбе с Францией и Россией не позднее 1915 года (готовность русских вооруженных сил к решающему столкновению в 1917 году), а флот – к войне с Англией не ранее 1920 года (готовность германского флота к равной борьбе с британским). Это противоречие не могло быть разрешено ввиду намерения русских чрезвычайно усилить свои вооруженные силы как раз к тому же самому 1920 году. Достичь победы в противостоянии с Великобританией можно было лишь путем отказа от войны с Россией, и наоборот. Соответственно, «ястребы» военно-сухопутной партии всячески подталкивали кайзера к войне, выдвинув в дни сараевского кризиса июля 1914 года формулу: «Теперь или никогда!»²³

Представляется, что выход из этого противоречия, если и был, то для его поиска требовались чрезвычайная ловкость и хитроумие. Был ли такой государственный человек в Германии начала XX столетия? Сам смысл войны носил ярко выраженный характер англо-германского соперничества, и не столько из-за стремления Германии к переделу колоний, сколько вследствие бурного развития немецкой промышленности с 1890 года и строительства торгового флота (военно-морской флот здесь не более чем охрана торговли) для самостоятельного выхода немцев на мировые рынки, без британского посредничества. Так что во многом отказ от борьбы с Великобританией означал бы отказ от транспортировки товаров собственной промышленности, а без этого вообще нельзя было претендовать на какое-либо лидерство даже и в Европе.

Вся проблема заключалась в том, что если на суше подготовка Германии к Большой Европейской войне опережала подготовку потенциальных противников – Франции и России, то на море, напротив, Великобритания имела существенную фору. Единство же Антанты, при всех надеждах германского высшего военно-политического руководства на английский нейтралитет, все равно побуждало готовиться и к наиболее неблагоприятному развитию событий – войне против всей Антанты и на суше и на море. Кроме того, британцы имели прекрасный опыт умелого использования континентальных держав для достижения целей Англии – печальный опыт Наполеона есть вящее тому подтверждение. И в Германии это отлично понимали, справедливо полагая, что британцы не станут пассивно ждать, пока немецкий военно-морской и торговый флот достигнет размеров английского Гранд-Флита. Недаром русский военный агент в Берлине еще в 1909 году отметил: «Немцы хорошо понимают, что на континенте время против них, время – союзник России и славянства, то есть как раз обратное тому, что на море, где время за них. В этой двойственности положения Гер-

²³ См. Приложение III: Галактионов М. Париж, 1914 (Темпы операций). М., 2001.

мании – весь ключ современного военно-политического положения и причины решающей роли Англии»²⁴.

С другой стороны, позиция «промышленной» партии также была довольно шаткой. Совершенно справедливо уловив смысл борьбы, она должна была учитывать, что в XIX веке Россия уже однажды выступила орудием Великобритании в борьбе с европейским гегемоном – наполеоновской Францией. То же самое повторялось и теперь. Русские безоглядно бросились в объятия традиционного и естественного врага, как только потерпели от него же поражение на Дальнем Востоке.

Подобная политика делала позицию Российской империи непредсказуемой, но, скорее всего, зависимой от позиции Франции, являвшейся единственным непримиримым врагом Германии на континенте. Соответственно, выступление Франции против Германии практически неизбежно предполагало и выступление России. Лишь выдающиеся политические деятели могли примирить традиционные монархии Европы, или хотя бы не допустить широкомасштабного столкновения, однако ни в Германии после смерти Отто фон Бисмарка, ни в России после гибели Петра Аркадьевича Столыпина таких людей не осталось.

Конечно, российский император Николай II, который, впрочем, чем дальше, тем больше зависел от «потока событий», понимал, что русско-германская борьба прежде всего станет выгодной не для самих немцев и русских. О том же предупреждали и прогермански настроенные монархисты в высших придворных кругах Российской империи. Неоднократно цитированная в историографии «Записка» консерватора и германофила, бывшего министра внутренних дел П.Н. Дурново, представленная императору Николаю II в феврале 1914 года, явилась всего лишь запоздалым концентрированным выражением мнения тех кругов, что не желали рвать традиционно дружеские связи с Германией ради англо-германского соперничества и британских интересов.

Как раз эти самые круги отчетливо представляли себе, что союз двух традиционных геополитических противников – Великобритании и России – не может не быть, согласно старинной степной поговорке, «союзом всадника и лошади», то есть – один едет, а другой везет. И роли были заведомо распределены. Если учесть, что с русской стороны на кону стояло нежелание зависимости от Германии в обмен на зависимость от Франции, то с британской – безопасность установившейся монополии Англии на мировые торговые перевозки. Капиталистическая модернизация начала XX столетия в России так или иначе предполагала внешнюю зависимость вследствие категорической нехватки внутренних ресурсов (на жестокую, но быструю индустриализацию, подобную сталинской, царизм не отважился бы пойти). Как видно, англичане выигрывали куда больше русских.

Указывая, что жизненные интересы Германии и России нигде не пересекаются, П.Н. Дурново сделал акцент на том обстоятельстве, что Российская империя имеет перед собой самые неблагоприятные перспективы даже и в случае победы, которой еще надо добиться. В любом случае российская монархия проигрывала. Были представлены следующие положения, подтверждающие мысль об итоговом проигрыше России в случае непосредственного вооруженного участия в англо-германском противоборстве:

общее ослабление монархического начала в Европе;

неизбежность беспросветной анархии в России как следствие Большой Европейской войны;

вероятность еще большего увеличения доли нерусских народностей в составе империи в случае присоединения новых территорий (Познань, Восточная Пруссия, Галиция, Черноморские проливы);

²⁴ Цит. по: Сергеев Е.Ю., Улуния А.А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900—1914. М., 2003, с. 182.

окончательная потеря связи с традиционно дружественными странами Центральной Европы;

неизбежная финансовая зависимость от англо-французских союзников.

Конечно, этот меморандум был запоздалым и уже не мог повлиять на сложившуюся расстановку сил в Европе. Ведь в случае волевого усилия по слому всей уже заблаговременно выстроенной системы Россия оказывалась в условиях международной изоляции, в условиях открытого противостояния монархической власти и буржуазного общества, связанного с западными державами политически и экономически, и тем более не могла избежать войны. Просто «Записка Дурново» подвела итог царствованию императора Николая II в международных рамках, как итог внешней политике России последнего десятилетия. И итог этот действительно оказался безрадостным.

Военные ученые, служившие в разведке и контрразведке, также предупреждали, что участие Российской империи в Большой Европейской войне против Германии явится той силой, что будет лить воду на британскую мельницу. Например, за год до войны выходит работа А.Е. Вандама-Едрихина «Величайшее из искусств (Обзор современного положения в свете высшей стратегии)», где автор недвусмысленно говорит, что разрешение англо-германского конфликта теперь «возможно не единоборством Англии и Германии на Северном море, а общеевропейской войной при обязательном участии России и при том условии, если последняя возложит на себя, по меньшей мере, три четверти всей тяжести войны на суше». А.Е. Вандам несколько преувеличил силы Российской империи, но половину сил неприятельской коалиции действительно взяли на себя русские. В то время как русские и немцы упорно резали друг друга на полях Польши и Галиции, британцы методично прибирали к рукам германские колонии, восстанавливая английский диктат в Мировом океане. А.Е. Вандам далее указывает, что необходимость участия России в схватке вытекает вовсе не из военной слабости Великобритании, как полагали в российском военном министерстве, а из геополитического фактора. Англия не может вести войну с Германией без союза с Россией «потому, что ей нельзя оставить Россию со свободными руками и не втянутой в дело армией, в то время как сама она будет занята войной, так как иначе все руководство событиями перейдет тогда от нее к России»²⁵. В своем мнении Вандам был не одинок. И случайно ли, что об опасности войны для России предупреждали именно выдающиеся люди? Случайно ли против союза с Великобританией в ее соперничестве с Германией выступали такие военные ученые, как А.Е. Снесарев и А.А. Свечин? Те люди, которых назвали «русским Сунь-Цзы» и «русским Клаузевицем» соответственно? Почему верховная власть слушала бездарностей, по типу лидера российских «ястребов» великого князя Николая Николаевича или последнего предвоенного начальника Главного управления Генерального штаба ген. Н.Н. Янушкевича, прославившегося разве что своей воинской бездарностью и вопиющим антисемитизмом?

²⁵ Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия. М., 2002, с. 174, 185.

Атака

Возможно, что частично выправить ситуацию могли бы действия верховного руководства страны во время самой войны, направленные на рациональный государственный эгоизм во внешней политике, подобно тому поведению, к которому перешли наши англо-французские союзники с конца 1914 года. Но, как свидетельствуют дневники французского посла в России М. Палеолога, император Николай II всю войну носился с идеями расчленения Германии, лишения династии Гогенцоллернов императорской короны и тому подобными бредовыми проектами. Ведь в этом случае Россия не только лишалась естественного геополитического союзника на континенте, но и передавала куски бывшей единой Германии под экономическую власть союзников. Только одно это обстоятельство (если, конечно, признания М. Палеолога являются правдой) показывает отсутствие настоящего государственного ума у последнего правителя Российской империи. Да и еще перед войной «представлялось, что победоносный ход военных операций укрепит трон. В беседе с Палеологом царь прикидывал будущие российские приобретения, включая Черноморские проливы. Империалистическое шило высунулось из мешка»²⁶.

Правда, необходимо отметить, что к такой точке зрения российского императора неизменно подталкивало все его ближайшее окружение. Например, в 1916 году «историк» императорской фамилии великий князь Николай Михайлович добивался у Николая II права стать главой русской делегации на будущей мирной конференции по итогам войны. Соответственно, великий князь в своих письмах на имя царя выдвигал те или иные мысли и проекты. Что касается предстоящего расчленения Германии, то Николай Михайлович в личном письме от 26 июля 1916 года определенно указывал: «В центре Европы выгоднее иметь разноплеменную и слабую Австрию, чем сильную Германию. Вот и надо обратиться, в случае полной победы, к унижению и расчленению Германии. Шлезвиг-Гольштейн отдать Дании; Эльзас и Лотарингию – Франции; Люксембург – Бельгии; часть устьев Рейна – Голландии; Познань – Польше; часть Силезии (Саксонскую) и часть Баварии – отдать Австрии»²⁷. Бес-

²⁶ Виноградов В.Н. 1914 год: быть войне или не быть // Новая и новейшая история, 2004, № 6, с. 20.

²⁷ Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). М.—Л., 1925, с. 77.

спорно, немцы в случае победы поступили бы с побежденными куда хуже. Но вот даже своего верного союзника Австро-Венгрию германское руководство не рассчитывало усиливать, бросив австрийцам экономически незначительные кусочки от Италии, Польши и Украины. И этому великому князю порой расточаются дифирамбы именно как «историку». Знал ли он историю вообще, или сочинял полуанекдотические писания о династии Романовых в духе, скажем, К. Валишевского?

К сожалению, в 1914 году не пожелала коренным образом переменить свою внешнюю политику и Германия, где антирусские настроения получили чрезвычайно широкое распространение и укоренились не только в верхах, но и среди населения. Так, с января 1914 года в Германии вступил в силу закон «о двойном гражданстве». Согласно этому закону, всем этническим немцам, независимо от места их проживания и гражданства, предоставлялась возможность получения второго, германского, подданства. Эта мера – разыгрывание «этнической карты» – стала предвестником войны.

Проще говоря, Германия готовилась к войне с конкретным противником. И этим противником являлась даже не столько Франция, сколько Россия. Бесспорно, что подготовить нацию к войне с «варварской Россией» было несколько проще, нежели с «прогнившей Францией». Против императорской России выступала влиятельная и могучая германская социал-демократия, воспитанная К. Марксом и Ф. Энгельсом в ненависти к монархизму. А наиболее консервативной монархией в Европе в начале XX века, бесспорно, была Россия. Вдобавок в Германии рассчитывали на быстрое крушение Франции, после чего следовала затяжная борьба с Россией: людей следовало психологически готовить к нелегкому противоборству с восточным гигантом.

Колебания императоров Вильгельма II и Николая II в последние июльские дни 1914 года накануне войны и глупейшие телеграммы, которыми обменивались государи могущественных континентальных держав, пытаясь сохранить мир под взаимную милитаристскую диктовку, лишний раз доказывают, насколько война между Германией и Россией была неестественной и ненужной. Однако знаменательно, что и немецкое руководство до последнего момента рассматривало Великобританию как нейтрального арбитра в международном споре. И это при том, что германские власти отлично понимали суть назревавшей войны и истинный расклад сил. Настолько Великобритания сумела поставить себя.

Получается, что один только руководитель морского ведомства Германии адмирал А. фон Тирпиц выказал настоящий государственный ум, настаивая на дружбе с континентами и борьбе с Англией, то есть не на суше, а на морях. В России к 1914 году не оказалось даже и одного человека такого уровня в высших эшелонах власти. Разве что отставленный от дел С.Ю. Витте. Поэтому так часто и вспоминают П.А. Столыпина, который вполне мог оказаться могучим противником войны, всегда предпочитавшим худой мир доброй ссоре. Возможно, что его назревавшая отставка незадолго до трагической гибели в качестве одной из причин имела и внешнеполитические взгляды этого выдающегося деятеля дореволюционной России, настойчиво продолжавшего требовать двадцати лет мира в условиях, когда Европа уже давно последовательно и неумолимо скатывалась в мировую бойню.

«Записка Дурново» (февраль 1914 года), которой следовало бы появиться лет на пять раньше, действительно служит пророческим предостережением каждому главе государства, который пытается вести свою страну по надуманному, заведомо нежизнеспособному пути. История нашей страны отчетливо показывает, как русские, помогая кому-либо, уже через какие-нибудь пятнадцать – двадцать лет видели этого самого благодетельствованного «друга и союзника» на своих границах с оружием в руках; как, испытав горечь поражения и унижения, приходилось начинать все сначала; как, напрасно разбросав силы и средства, мы вновь оказывались у разбитого корыта, в то время как наши же вчерашние союзники, жирея от полученной выгоды, уже прикармливали против нас вчерашнего вроде бы тогда

еще общего противника. Яркий пример: англо-австро-французская коалиция 1814 года против России и Пруссии, сорванная только лишь возвращением Наполеона с острова Эльба, и самоубийственная реакция на это русского руководства.

А все потому, что в России привыкли строить внешнюю политику, исходя из надуманных схематичных построений псевдоидеологического толка, в которых действительные национальные и государственные интересы всегда оказывались на втором плане.

Россия и Германия

Противоборство Великобритании с Германией фактически было неизбежным и определяло собой все политические процессы в Европе в начале XX столетия. Российская империя никоим боком не попадала в активное участие в этой борьбе. Самым естественным и логичным для страны, пережившей неудачную войну и революцию, только-только приступившей к буржуазной аграрной реформе и индустриальному подъему, было бы занятие позиции «третьего радующегося». То есть – той позиции, которую столь часто занимала Великобритания, на протяжении столетий искусно ведшая борьбу с любым претендентом на европейскую гегемонию. Капиталистическая модернизация требовала тех самых «двадцати лет внешнего и внутреннего покоя», о которых говорил П.А. Столыпин.

Император Николай II в походной форме

Интересы России не пересекались с чьими-либо еще до такой степени, чтобы рисковать своим участием в мировой войне. Можно, конечно, возразить, что остаться в стороне было чрезвычайно тяжело. Это так, но для чего же тогда существует дипломатия? Ведь при императоре Александре III союз с Францией уже существовал, но никакой жесткой зависимости в области внешней политики и близко не было. Ведущие русские политические дея-

тели отлично сознавали, что доминирующим фактором международных отношений являлось англо-германское соперничество, которое не могло не затронуть Россию.

При этом русские зачем-то упорно стремились занять свое место в одном из блоков. Ориентация на Францию, наряду с германской нетерпимостью, логично означала, что это место находится в проанглийском блоке. Ясно, что Российская империя скорее теряла бы, нежели выигрывала. Потому русская сторона пыталась встать туда, где можно было бы получить большие выгоды. По мысли современных историков, «победа Англии в мировом соперничестве сопровождалась бы меньшим нарушением европейского равновесия, нежели победа Германии, которая грозила России низведением ее до уровня второстепенной державы. Поэтому в отношении выбора внешнеполитической ориентации среди партий правительственного и либерального лагерей царило значительное единодушие: все они после боснийского кризиса [1909 года] выступали за укрепление союза с Францией и отношений с Англией при известной свободе балансирования между Антантой и Тройственным союзом “соответственно собственным целям”. Лишь крайне правые, выразившие интересы крепостнического дворянства и реакционной бюрократии, выступали за ориентацию внешней политики России на Германию, за разрыв союза с Францией и соглашения с Англией»²⁸.

Позволим себе несколько не согласиться с приведенным мнением. Во-первых, победа Германии в ее интерпретации германским руководством фактически означала становление первой европейской (пока, правда, еще не мировой) сверхдержавы, то есть все прочие страны (а не только Россия) оказывались низведенными «до уровня второстепенной державы» (о чем и сами авторы данной вышецитированной монографии говорят на с. 452). Мировая война своим результатом предполагала европейскую гегемонию какого-либо одного блока, в котором одна из стран стала бы играть первенствующую роль. Как известно, именно такое положение образовалось и после победы союзников в Первой мировой войне (только главных держав стало две – Франция и Великобритания), и лишь наличие «третьей силы» в лице постепенно набиравшего мощь Советского Союза изменило европейское равновесие (несомненно, что возрождение мощи гитлеровской Германии стало следствием опасения СССР со стороны Запада).

²⁸ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997, с. 373.

Император Вильгельм II

Возможно, справедлив тот вывод, что мировые войны так или иначе подразумевали установление чьей-либо гегемонии в Старом Свете и сверхдержавный статус победителя в Европе. При определенных условиях эта гегемония могла стать всемирной. И какова была бы роль России в случае несостоявшейся революции 1917 года, еще большой вопрос: политика союзников в отношении Российской империи отчетливо подчеркивала их нежелание грядущего усиления русской мощи.

Во-вторых, «крестнические» замашки и «реакционность» кругов, ориентирующихся на Германию, есть ярлыки, наклеенные еще представителями либеральной буржуазии, жаждавшей введения в России парламентаризма по европейскому образцу. Даже западные авторы упоминают, что «в то время как правительство избрало в качестве основного мерила своей деятельности успехи германской империи, российские оппозиционеры связывали свое настоящее и будущее с английским парламентаризмом или с французской революцией»²⁹. Следовательно, нечто подобное предполагалось и в России. А именно – не дуалистическая монархия по германскому образцу, где императором полностью контролировалась исполнительная власть и с помощью верхней палаты парламента (Государственного совета) блокировалась нежелательная законодательная инициатива Государственной думы, а парламентарная монархия.

²⁹ Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905—1907 гг. – 1917—1922 гг. М., 1997, с. 10—11.

Бивуак

В этом случае крупный капитал, густо расположившийся в среде либеральных партий, получал открытый и контролируемый им доступ к законодательству Российской империи. Патриархальный монарх в традиционном обществе – эта сила должна была быть сломлена, дабы расчистить дорогу русскому олигархическому капитализму, за спиной которого стоял франко-британский капитал: как в силу фактора политической поддержки, так и в результате принадлежности верхушки российского парламента к международному масонскому движению. Дело не в принадлежности к тайной организации «вольных каменщиков», которая уже давно перестала быть тайной, а в объеме контролируемых членами этой организации мировых финансовых потоков.

Вот это уже серьезно. И монархия стояла на пути громадных денег, вливавшихся в Россию и выливавшихся из нее. Деньги должны контролировать власть, а не власть – деньги. Это – принцип мирового капитала. Его интересы в России представляли либеральные политические партии, получившие легитимацию в ходе Первой Русской революции 1905 – 1907 годов. Давление либералов на правительственную политику сказалось и на международных отношениях: «В преддверии мировой войны руководство России, понимая неудобство геополитической конфигурации западных российских рубежей и недостаточную готовность России к войне, стремилось уклониться от назревающего конфликта. Но непосредственно перед войной ее внешняя политика активизировалась, чему способствовали не только великодержавное мышление, имперские традиции правящих кругов, но и возрастающее давление политических партий»³⁰.

Либеральные эксперименты ярко проявили себя в марте – мае 1917 года, доказав свою полную непригодность к тогдашней русской действительности, так что вполне можно уже отказаться от этих политизированных клише. В любом случае, как показала

³⁰ Зубачевский В. А. Политика России в отношении восточных территорий Центральной Европы. 1912—1921 гг. // Вопросы истории, 2009, № 9, с. 107.

история, ориентация России на Запад не принесла нашей стране тех надежд и дивидендов, что возлагались на этот союз. Другое дело, что агрессивная внешнеполитическая деятельность Германии вынуждала остальные державы объединяться для противодействия агрессии, однако этот факт еще не означает какой-то «реакционности» германофилов.

С другой стороны, действительно, намечая захват колоний своих противников (то есть фактически всех европейских государств) и территориальные приращения за счет Франции и России, германское политическое руководство предусматривало закрепление итогов войны путем создания так называемой «Срединной Европы». Европы, как экономического союза Западной и Центральной Европы под немецким руководством. То есть, «иными словами, милитаристская германская империя намеревалась создать новую политическую структуру Европы и ее связей с другими регионами мира».

С этой точки зрения вступление Российской империи в Антанту не выглядит так уж скверно. Единоборство с Германией и ее союзниками было не под силу России, а желание немцев двинуться на Восток отчетливо проясняется после смерти старого императора Вильгельма I и экономического рывка Германии в конце XIX – начале XX века. Причем – двинуться в качестве оголтелых завоевателей, жаждавших отнять у России Прибалтику и Польшу, а в перспективе и Украину. «Расширение жизненного пространства на Восток» было придумано и впервые применено на практике вовсе не Гитлером. Разница – в масштабах и бесчеловечности реализации. И условия Брестского мирного договора 3 марта 1918 года являются вящим тому подтверждением – столь жестких условий не имел и Версальский мир, почему-то ставший в Европе синонимом несправедливости по отношению к побежденному.

Любое политическое соперничество подразумевает в своей основе экономическое противостояние. Так, в 1892 – 1893 годах Германия заключила ряд таможенных договоров, по которым тарифы, предоставляющие право наибольшего благоприятствования в отношении сельскохозяйственных продуктов, были предоставлены практически всем европейским странам, а также Соединенным Штатам Америки, Аргентине, Мексике. Вне соглашений осталась только Россия. Эта акция германского правительства положила начало «таможенной войне» на восточной границе.

Новая русско-германская торговая конвенция 1894 года на время приглушила остроту противоречий, вплоть до заключения чрезвычайно невыгодного Российской империи торгового договора 1907 года, навязанного России Германией за спокойствие на западных границах после поражения в Русско-японской войне 1904 – 1905 годов. Согласно новому торговому договору, ряд отраслей российской промышленности, в том числе машиностроение и химическое производство, лишился таможенного покровительства, что позволило немцам перехватить инициативу в конкурентной борьбе. Этот торговый договор, по определению современников, предполагал «экономическую дань» Германии со стороны России. Неудивительно, что накануне войны российский экспорт в Германию составлял тридцать процентов от всего экспорта, в то время как столько же приходилось на Францию, Великобританию и Бельгию вместе взятые³¹.

Пересмотр данного договора намечался в 1916 году, и этот срок также стал точкой отсчета скатывания Европы в конфликт для русского военно-политического руководства, так как русские твердо намеревались свернуть договор, а это было невыгодно Германии. К примеру, немцы продавали в Россию муку из русского же хлеба, тем самым вдвое увеличивая свои доходы – за счет таможенной льготы и перепродажи полуфабриката из полученного в стране-покупателе сырья. За два с половиной месяца до войны, 1 мая 1914 года, император Николай II подписал закон об обложении ввозимого хлеба таможенной пошлиной, что

³¹ Россия накануне Первой мировой войны (Статистико-документальный справочник). М., 2008, с. 190—191.

снижало доходы Германии. Этот закон стал первой ласточкой в ряду намечавшегося законодательства антигерманского характера в таможенном отношении. Дальнейшему помешала немецкая агрессия.

В тот момент, когда оба военно-политических блока стремились к разрешению перезревших противоречий между собой только силой, определенные выгоды получал тот, кто успевал первым подготовиться к войне и, соответственно, своевременно для себя развязать ее. К концу десятих годов XX столетия немцы стали торопить войну уже только потому, чтобы успеть использовать свое военное преимущество, которое должно было быть подорвано после окончания к 1917 – 1918 годам глобальной военной реформы в России. Той самой реформы, которая должна была кардинальным образом перевооружить русскую армию, сделав Российскую империю достойным соперником ведущих держав в военном отношении.

Конечно, это довольно глупо: воевать только потому, что твой сосед пока не готов к Большой войне, однако такова логика военных, под которую подпадало политическое руководство всех стран, и прежде прочих – Германской империи во главе с императором Вильгельмом II и канцлером Т. фон Бетман-Гольвегом. Вдобавок усиление экономической мощи Российской империи предполагало одновременное усиление ее вооруженных сил. А именно этого боялись желавшие главенствовать в Европе и Великобритания и Германия.

Окопы

Возможно, что боялись справедливо, так как гегемонистские устремления русского политического истеблишмента вообще и императора Николая II в частности были широко известны, а строительство мощного флота после 1909 года угрожало тому «равновесию на морях», что сложилось в пользу англичан и собиралось быть пересмотренным немцами. Правда, русские желали лишь распространить свое влияние на Восточную Европу и Балканы (параллельно развалив Австро-Венгрию, чтобы вывести из-под немецкого влияния славянские народы), а не приобрести всеевропейское господство, как того хотели германцы. Ученый пишет: «Никогда не претендовала на господство в Европе и царская Россия, хотя британцы боялись этого вплоть до 1854 года, а немцы развязали Первую мировую войну отчасти из-за того, что быстрое экономическое и военное развитие России заставило рассматривать ее как потенциального гегемона до тех пор, пока практика не доказала обрат-

ное»³². Иными словами, Россия практически не могла остаться в стороне от мировой войны. Тем более – с тем правительством, либеральной оппозицией и военным истеблишментом, что были в июле 1914 года.

Существовали и теоретико-умозрительные рассуждения. Ведь любое обоснование широкомасштабной агрессии должно предполагать какое-то идеологическое оправдание. После того как в 1909 году канцлером Германской империи вместо Бюлова стал Бетман-Гольвег, среди окружения кайзера Вильгельма II приоритет получила концепция Миттельройпы, согласно которой Россия объявлялась главным врагом Германии. А новая политическая структура – «Великогермания» от Ладожского до Женевского озера – подразумевала смертельную схватку со всеми государствами континента, еще не подверженными германскому влиянию.

Перенос акцентов в расстановке вероятного противника и главного врага с Великобритании на Россию стал основным просчетом германской международной политики, который и привел немцев к поражению в Первой мировой войне. Как раз германо-русский союз, или по крайней мере твердый нейтралитет, делал невозможной Большую Европейскую войну. Следовательно, под прикрытием такого союза немцы вполне могли поспорить с Великобританией за мировое владычество. Так что ничуть не удивительно, что Британская империя, буквально только вчера, в 1905 году, выступавшая яростным противником России, подтолкнувшим Японию к войне с русскими и субсидировавшим эту войну, вдруг воспылала к России столь «странною любовью» в 1906 году.

Единственная абсолютно антигермански настроенная континентальная держава – Франция – уже создала коалицию с Англией, как только во Франции осознали, что англичане являются такими же последовательными врагами Германии (пусть даже эти две страны и преследовали различные цели в предстоящем противоборстве с немцами). Но та же Франция состояла в военном союзе и с Россией, причем в принципе равноправный союз в 1906 году сменился экономической, а следовательно, и всякой прочей зависимостью Российской империи от Французской республики, предоставившей денежный заем на подавление Первой Русской революции.

То есть зависимость России от Франции в финансовом и экономическом, а следовательно, и политическом отношении, окончательно закрепились после Первой Русской революции 1905 – 1907 годов. Эта зависимость сменила то равноправное партнерство, что подразумевала военная Конвенция 1892 года. Во время октябрьской стачки 1905 года, когда Российской империи грозило банкротство как государству и министр финансов предложил прекратить обмен бумажных денег, окончательно рухнула идея, вынашиваемая русским премьер-министром (председатель Комитета министров) С.Ю. Витте о возможности лавирования России между Германией и Францией как третьей силы, не привязанной жестко к какому-либо военно-политическому блоку.

С.Ю. Витте надеялся получить существенный денежный заем при помощи международного финансового консорциума, чтобы не допустить зависимости от Антанты и тем самым не обострять отношений с Германией. Однако прибывшие в Санкт-Петербург в самый разгар стачки представители консорциума отказались от предоставления займа. Отказали и немцы, злорадствовавшие по поводу возможного развала русской государственности. И потому в начале 1906 года русские получили заем только в одном месте, где его согласились предоставить – во Франции (2,25 млрд франков – 8,4 млрд рублей).

Общие расходы на дальневосточный конфликт составили около двух миллиардов рублей. И потому после Русско-японской войны русская финансовая система оказалась настолько расстроеной, что «только французский заем 1906 года, давший чистую выручку

³² Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007, с. 99.

в 698,9 млн руб., позволил сбалансировать бюджет 1906 года и избежать краха»³³. В дальнейшем финансовая зависимость России от союзников лишь возрастала. Французы не могли допустить переориентации восточного колосса на традиционный путь сотрудничества с немцами.

По данным А.М. Зайончковского, в 1908 году внешний долг царской России составлял восемь с половиной миллиардов рублей, из которых пять с половиной миллиардов были размещены во Франции. К началу Первой мировой войны восемьдесят процентов внешнего долга Российской империи относилось на долю парижских банков, кроме того, французы владели тридцатью двумя процентами всех иностранных инвестиций в России. Львиную долю своей золотой наличности Россия также держала во Франции. Государственный долг России в 1913 году достигал цифры в 8,858 млрд рублей, и только выплата по процентам в год доходила до 183 млн рублей. Впрочем, эти цифры были сопоставимы с государственным долгом других великих держав. Например, Франция на 1911 год – 12,209 млрд руб., Германия на 1912 год – 9,491 млрд руб., Великобритания на 1913 год – 6,727 млрд рублей³⁴.

Русская дипломатия не сумела после Первой Русской революции, повлекшей за собой экономическую зависимость от Франции (кабинет Леона Буржуа даже размышлял о *правомерности* предоставления займа в 1905 году на подавление революции стране, с которой его родина находилась в военно-политическом союзе.), устоять на рубеже «золотой середины», хотя это и правда была тяжелейшая задача. В конечном итоге кабинет М. Рувье пошел навстречу русским только потому, что Франция рассчитывала на поддержку России на Альхессирасской конференции 1906 года. Разумеется, отношения с Германией были испорчены фактически окончательно и бесповоротно, однако повторимся, что, прежде чем обратиться к французам, С.Ю. Витте просил денег у немцев.

В результате массы уступок на международной арене и дипломатических провалов (во многом обусловленных объективной слабостью России) русского министра иностранных дел А.П. Извольского, ослабивших позиции Российской империи вообще, и на Балканах в частности, максимум достигнутого остановился на последовательном и убежденном западничестве его преемника С.Д. Сазонова. Отступление Российской империи в ряде международных кризисов, наиболее тяжелым из которых оказался Боснийский кризис 1908 – 1909 годов, показало Европе, что русские еще не готовы к Большой войне. В то же время бессилие русской дипломатии, проистекавшее из военно-экономического бессилия страны, заставило верховную власть поторопиться с военной реформой.

В свою очередь, немцы, решительно и грубо поддержавшие Австро-Венгрию в ходе Боснийского кризиса, окончательно оттолкнули от себя Россию. Теперь становилось ясно, что в случае австро-русской войны на сторону австрийцев безоговорочно встанут немцы, а на сторону русских, следовательно, французы, как только Германия выступит против России. Получив временный успех и унизив Российскую империю, германское руководство одержало «пиррову победу», чреватую катастрофой в случае Большой Европейской войны. Отечественный исследователь справедливо отмечает: «Блок Центральных держав одержал внушительную победу. Берлин безоговорочно встал на сторону союзника; у руководителей аусамта не хватило ни политической дальновидности, ни элементарного такта как-то подсластить преподнесенную самодержавию пилюлю. Традиции Бисмарка, умело балансирувавшего между Веней и Петербургом и не позволявшего загонять Россию в угол, были преданы

³³ Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства. 1892—1914 гг. (Аграрный кредит в экономической политике царизма). СПб., 1997, с. 192.

³⁴ Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914—1917). М., 1960, с. 93—94; Россия накануне Первой мировой войны (Статистико-документальный справочник). М., 2008, с. 119.

забвению. На смену тонким маневрам пришли грубый нажим и отнюдь не дипломатический окрик»³⁵.

В 1866 году О. фон Бисмарк не позволил жаждавшим триумфа военным войти победным маршем в Вену, только что потерпевшую поражение при Садовой. Унижение Австро-Венгрии не входило в политические расчеты «железного канцлера», привыкшего просчитывать политику на много ходов вперед. В итоге Австро-Венгрия стала военным союзником и экономическим сателлитом рванувшейся к европейской гегемонии Германии. Теперь же, когда Бисмарка уже не было, новым немецким руководством Россия была унижена до предела, что не могло не сказаться на развитии дальнейших русско-германских отношений.

К тому же после 1909 года очень многое в России определялось личностью министра иностранных дел, так как этот человек, как правило, подбирался в зависимости от общего внешнеполитического курса страны. Иначе говоря, если глава российской внешней политики являлся сторонником прочного союза с Западом против Германии, то действительно, исправить что-либо стало невозможным. Окончательный переход к политике ориентации России на Антанту и отказ от остатков маневрирования между Антантой и Германией связан с именем министра иностранных дел С.Д. Сазонова. Именно он «выступил инициатором превращения Антанты в военно-политический союз», а впоследствии рьяно добивался его расширения в годы войны³⁶.

Война с Японией в 1904 – 1905 годах, за спиной которой стояла Великобритания, стала главной причиной того, что предпосылки революционной ситуации вылились в революцию 1905 – 1907 годов. Борьба с революцией потребовала денег, что стало причиной финансовой зависимости Российской империи от своего французского союзника. Одновременно союзником Франции была та самая Великобритания, что способствовала японской победе в 1905 году и, следовательно, возникновению русской революции. Теперь и Великобритания стала союзником России. Вот такие хитроумные сплетения внешнеполитических комбинаций развели Россию и Германию «по разные стороны баррикад».

³⁵ В «пороховом погребке Европы». 1878—1814 гг. М., 2003, с. 261.

³⁶ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997, с. 296.

В преддверии войны

Зависимость Российской империи от Франции была весьма значительной, увеличиваясь год от года. Так, французские банки финансировали русскую промышленность, особенно ту ее часть, что была расположена на юге страны и работала на судостроение, добычу угля и нефти, торговлю зерном. Французы активно предоставляли займы на строительство стратегических железных дорог, особенно тех магистралей, что вели к границам: ускорение сосредоточения русских армий на западной границе и начало первых наступательных операций было жизненно важным для Франции в предполагавшейся войне с Германией. Все это – не говоря о частных инвестициях в российскую экономику.

Разумеется, финансирование Западом русской стороны означало, что русские будут обязаны воевать на стороне Франции против Германии, как только к тому представится случай. Недаром в декабре 1913 года французская газета «Корреспондент» указывала: «С момента заключения союза Франция ссудила России свыше семнадцати миллиардов франков, ожидая, что Россия со своей стороны всей своей военной силой поможет Франции. Франция свое обязательство выполнила, России остается сделать то же самое». Такое положение дел позволило А.А. Керсновскому даже заявить, что «уже в 1910 году Российская Империя вполне суверенным государством больше не являлась»³⁷.

С донесением на передовые позиции

Рост долгов имел следствием неспособность русской верховной власти сопротивляться политическому давлению со стороны Франции, вполне понимавшей все выгоды своего положения. Иными словами, внешние займы неизбежно предполагали внешнеполити-

³⁷ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994, т. 3, с. 138.

ческие обязательства – это и была плата государственной власти за капиталистическую модернизацию страны. В.В. Поликарпов указывает: «Предоставление займов богатыми державами наполнялось политическим смыслом. Внутренняя слабость, превращающаяся в слабость международную, привязывала политику Николая II к чужим стратегическим интересам»³⁸. Платить приходится всегда. Сталинский Советский Союз заплатил кровью и страданиями советского народа; современный Китай платит экологией. Царская Россия платила внешнеполитической зависимостью.

Финансовая зависимость от Франции неизбежно влияла и на стратегическую зависимость России. На предвоенных совещаниях Генеральных штабов французы предъявляли все новые и новые требования, а русские искали возможности и способы надлежащего удовлетворения претензий союзников. С каждым новым военным совещанием, проходившим в 1900, 1901, 1906, 1907, 1908, 1910, 1911, 1912, 1913 годах, русское оперативное-стратегическое планирование войны против Германии и Австро-Венгрии все более зависело от мнения своего французского союзника. Если в 1892 году ген. Н.Н. Обручев был совершенно свободен от давления союзников на свои военные планы, а в 1900 – 1904 годах ген. А.Н. Куропаткин мог разговаривать с французами на равных, то теперь руководители русского военного ведомства были вынуждены плестись в фарватере французских предложений. В частности, в начале 1912 года «Россия согласилась с предложением Франции скреплять протоколы совещаний начальников Генеральных штабов двух стран подписями министров. Это придавало им характер правительственных документов»³⁹.

Так, в августе 1911 года на совещании в Красном Селе начальник французского Генерального штаба генерал Дюбайль заявил, что русским необходимо приковать на Востоке пять-шесть германских армейских корпусов. Вряд ли французы имели в виду резервные корпуса, существование которых в 1914 году оказалось для них неприятным сюрпризом. Очевидно, что речь шла о перволинейных армейских корпусах. В 1914 году таковых на Востоке оказалось всего три (на Западе – двадцать два). Предполагалось, что помимо сковывания этих пяти-шести корпусов стремительное русское наступление в глубь Германии вынудит немцев ослабить свою группировку на Французском фронте еще до того, как французы потерпят решительное поражение. При этом Австро-Венгрия в расчет как бы особенно-то и не принималась. А ведь это почти восемьсот тысяч штыков и сабель перволинейных войск в 1914 году – восемнадцать корпусов по организационной составляющей.

Действительно, на прошедших в период с 1900 по 1913 год десяти совещаниях между французским и русским Генеральными штабами в конечном счете было закреплено подчинение русского стратегического планирования французским интересам. Это заключалось и в признании нанесения удара по Германии как минимум значительными силами (со своей стороны, русские всегда стремились бить по Австро-Венгрии), и в согласии на переход в наступление русских армий после пятнадцатого дня мобилизации (окончание русского сосредоточения предполагалось на сороковой день со дня объявления мобилизации). И дело даже не в том, что все это было в принципе правильно. Просто на осторожные русские намеки относительно принятия французской армией концепции стратегической обороны в первый месяц войны французы не обратили внимания.

Если до 1911 года, когда во французской военной мысли главенствовали идеи «старой школы», которая предполагала как раз стратегическую оборону как реальный шанс остановить немецкий «план Шлиффена», то впоследствии верх взяли мысли Ф. Фоша и ему подобных теоретиков, проповедовавших безудержное наступление как якобы исконно присущую

³⁸ Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008, с. 182.

³⁹ Игнатьев А.В. Сергей Дмитриевич Сазонов // Вопросы истории, 1996, № 9, с. 30.

французской военной машине доктрину. Теперь французы, по примеру Наполеона, собирались только наступать, и наступать непременно во что бы то ни стало.

Русские никак не смогли переломить этих настроений, вызванных исключительно политической конъюнктурой и честолюбивыми амбициями новых выдвиженцев. Соответственно, французы стремились не только скорректировать в свою пользу планы русского Генерального штаба, посвященные предстоящей войне, но и установить контроль над усилиями русской армии, чтобы использовать по максимуму потенциал своего союзника. Имеется в виду, в первую голову, использовать такой значимый козырь, как численность русской армии – «русский паровой каток», как называли русскую армию на Западе. При этом операции на Западном фронте практически не подлежали обсуждению: французов более интересовало русское вторжение в Германию.

В окопах

Согласно предвоенным договоренностям, русские армии должны были нанести удар по цитадели германской монархии – Восточной Пруссии. Тем самым наступление на Берлин, чего требовали французы, откладывалось на некоторый срок, ибо русским следовало обезопасить свое движение к немецкой столице от флангового контрудара, каковой мог быть нанесен из Восточной Пруссии. Таким положением дел французы в принципе были удовлетворены, так как предполагалось, что и в этом случае немцы будут принуждены ослабить свою группировку, действующую во Франции. Но ясно, что прямое наступление на Берлин тем более вынуждало германское командование к переброске части войск с Запада на Восток, в чем, собственно говоря, и заключалась основная идея взаимодействия стратегий союзников по Антанте в начале войны против Германии и ее сателлитов.

Как известно, ген. Ж. Жоффри, ставший в августе 1914 года французским Верховным главнокомандующим, перед войной говорил, что наступление на Восточную Пруссию – это ловушка. Когда русская 2-я армия ген. А.В. Самсонова была уничтожена под Танненбергом, русские поклонники «французского гения» (например, русский военный атташе во

Франции граф А.А. Игнатъев) восторгались прозорливостью союзников. Однако генерал Жоффр вовсе не имел в виду отказ от восточнопрусской операции в пользу действий на Средней Висле. Французы полагали, что мощь русского Северо-Западного фронта должна быть направлена сразу на Берлин, вне зависимости от тылового обеспечения и угрозы германской восточнопрусской группировки безразмерно растягивавшимся русским тылом. Вряд ли надо пояснять, что в этом случае гибель ждала весь русский фронт. Но что до того было французам?

Своекорыстная (а потому логичная и, несомненно, патриотичная) политика англо-французов и их насаживание России на «крючок» денежных займов не только не дали Российской империи мало-мальской свободы маневра, но и, напротив, вынудили уже русских всячески укреплять Антанту, что на деле вело к неизбежному столкновению с Германией. Но кроме экономических противоречий как раз накануне войны русские столкнулись с немцами еще и в зоне Черноморских проливов. Прямым столкновением России и Германии в зоне Проливов стал конфликт из-за немецкой военной миссии генерала Лимана фон Сандерса, взявшей на себя задачу подготовки вооруженных сил Турции к войне против русских.

Нельзя не сказать и о том, что русские также считали себя обиженными из-за переориентации Германии на Австро-Венгрию и обострения русско-германских отношений. В 1890 году русский историк С. Татищев писал: «Ни одной державе в мире не давала Россия столько непрерывных и несомненных доказательств искреннейшей дружбы и благорасположения, как стоящей ныне во главе объединенной Германии – Пруссии. Государство Гогенцоллернов выросло, возмужало, окрепло под спасительной сенью и покровом России. Все свои последовательные земельные приращения получило оно не только с нашего согласия, но прямо из наших рук. Не раз государи наши имели возможность отодвинуть западную границу России до устьев Немана и даже Вислы и отказались от нее из нежной любви к Пруссии и отеческой попечительности о ней. А сколько пролито русской крови для защиты ее и освобождения? На быстрый политический рост ее, на честолюбивый замысел восстановить в свою пользу германскую империю русский двор взирал без малейшей зависти, но и усердно помогал ей в достижении заветных целей... Так же ли относится Германия к России?»

Ясно, что на последний риторический вопрос в России давали отрицательный ответ. И чем дальше с 1890 года, тем все больше и больше русско-германские отношения прогрессировали в сторону своего обострения, грозившего открытым военным столкновением. Однако русские верхи все-таки старались не допустить до этого. Линия такого своеобразного «миротворчества» принадлежала деятельности российских премьер-министров, как нельзя более осведомленных о слабости Российской империи в экономическом, социальном и всех прочих отношениях по сравнению с Германией. Это – сначала П.А. Столыпин, а затем, после его гибели, В.Н. Коковцов.

Особенно предостережения против провоцирования немцев на военный конфликт звучали незадолго перед войной, так как ведущие политики уже отчетливо чувствовали, что «в воздухе пахнет порохом». Еще на Особом совещании 31 декабря 1913 года, при обсуждении вероятной реакции России на проблему военного сотрудничества Германии и Турции, русский премьер-министр В.Н. Коковцов выступил против резких заявлений и деклараций. Коковцов предложил использовать мягкие рычаги давления, в том числе и с помощью союзников.

Однако военные совершенно необоснованно заявили о полной готовности России к единоборству с Германией. При этом австрийцы в борьбе один на один справедливо признавались заведомо слабейшей стороной. Конечно, решающей стороной были не русские, а немцы, готовившие широкомасштабную агрессию в Европе во имя установления всеевропейской гегемонии. Тот же граф В.Н. Коковцов впоследствии вспоминал, что «еще за восемь месяцев до начала войны, в бытность мою в Берлине, было очевидно, что мирным дням исте-

кает скоро последний срок, что катастрофа приближается верным, неотвратимым шагом... на России не лежит никакой ответственности за ту мировую катастрофу, от которой больше всего пострадала именно Россия. Она была бессильна остановить неумолимый ход роковых событий, подготовленных задолго теми, кто все рассчитывал наперед...»⁴⁰ Но давление военных было сильнее. В начале 1914 года граф Коковцов получает отставку, а Европа начинает стремительно неотвратимый бег к столкновению.

Как говорилось выше, русская военная машина после войны с Японией долгое время находилась в состоянии упадка. Полное приведение ее в порядок, практически на уровень вероятного противника, под которым подразумевалась Германия, намечалось на 1917 год. К этому времени должно было завершиться перевооружение русской армии: прежде всего, в артиллерийском отношении, так как именно артиллерия является «богом войны». Но ждать в России не желали. 27 февраля 1914 года в «Биржевых ведомостях» под весьма прозрачным псевдонимом была напечатана статья русского военного министра ген. В.А. Сухомлинова под заглавием «Россия хочет мира, но готова к войне». Среди основных тезисов, отличавшихся необоснованной похвальбой и некомпетентными заявлениями, звучали такие:

«...идея обороны отложена, и русская армия будет активной...»

«В будущих боях русской артиллерии никогда не придется жаловаться на недостаток снарядов...»

«Русская армия... явится... снабженной всем, что дала новая техника военного дела...»

«Русская армия, бывшая всегда победоносной, воевавшая обыкновенно на чужой территории, совершенно забудет понятие “оборона”...»

Что ни слово – то неправда. Генерал Сухомлинов искренне верил в то, что говорил. Но что до того русским солдатам и офицерам, погибавшим в неравной борьбе с германским агрессором, потому что военный министр объективно соврал в каждом тезисе? Зачем была нужна эта статья?

Как видим, руководитель русского военного ведомства совершенно ясно дал понять, что русские вооруженные силы готовы к Большой Европейской войне. Бесспорно, данная позиция была продиктована убеждением, что предстоящий конфликт растянется во времени не более чем на год. Для ведения такой войны русское военное ведомство действительно сумело поднять русские вооруженные силы на общеевропейский уровень, что само по себе было превосходным результатом, если вспомнить, в каком беспомощном состоянии Российская империя находилась после Первой Русской революции и в материальном и в финансовом отношениях.

⁴⁰ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911—1919. М., 1991, с. 423.

Военный министр генерал-адъютант В.А. Сухомлино

Именно поэтому уже в эмиграции ген. В.А. Сухомлинов имел все основания отметить: «Прежде всего, вопрос – готовы ли мы были к войне? В 1909 году, не только безусловно не готовы были, но наша армия находилась в полнейшем развале. В 1914 году же в ней порядок и боеспособность оказались восстановленными настолько, что к выступлению в поход продолжительностью от четырех до шести месяцев, никаких сомнений не возникало»⁴¹. Генерал Сухомлинов абсолютно прав. Накопленные запасы артиллерийских боеприпасов закончились ровно на пятый месяц войны (первые требования Ставки о радикальной экономии снарядов – декабрь 1914 года), а последние запасы были расстреляны в Карпатах еще за три месяца – к апрелю 1915 года.

Однако все было не так просто – военное ведомство было обязано помнить, что даже борьба с Японией заняла полтора года, окончившиеся поражением как же можно было рассчитывать за полгода разгромить куда более могущественную Германию и ее союзников? Тем более что в России не обольщались насчет союзнического потенциала: Великобритания воспринималась в качестве морской силы, а на Францию рассчитывали только как отвлечение большей части германской армии на Запад на первом этапе войны.

С другой стороны, и союзники были прекрасно осведомлены о слабостях русской военной машины. Как никто другой генерал Сухомлинов должен был знать о том, что в рус-

⁴¹ Сухомлинов В.А. Великий Князь Николай Николаевич. Берлин, б. д., с. 19.

ской армии все еще не хватает артиллерии, что военно-промышленная база чрезвычайно слаба, что высший командный состав отстает от требований современной войны. Но ведь и сам генерал Сухомлинов неоднократно похвалялся, что со времен Русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов характер военных действий ничуть не изменился, а поэтому сам военный министр с тех пор не читал ни одной специальной военной книги. Исследователь справедливо говорит, что «эта вызывающая статья, преувеличивавшая военную готовность России, только подлила масла в огонь»⁴².

Странно, что такой человек мог вообще возглавлять военное ведомство не только за несколько лет перед войной, но и в первый год войны. Здесь сравнение Российской империи с Советским Союзом накануне Великой Отечественной войны не в пользу первой. В этом отношении деятельность на своем посту И.В. Сталина, все-таки поменявшего столь же бездарного, как и Сухомлинов, К.Е. Ворошилова за год до войны на действительных профессионалов, все же выглядит более предпочтительной. И это при том, что в России начала XX столетия не было жестоких репрессий, ставших следствием борьбы за власть в партии и государстве в тридцатые годы.

Следовательно, проблема выбора имела куда больше вариантов. Так что не следует удивляться, что высшие военные круги России, плохо понимая, что такое современная война, подталкивали политическое руководство страны к войне. Жажда выказать на деле свой профессионализм и вернуть высшее положение в российском обществе (а военные дворянско-феодальные круги всегда проигрывают «третьему сословию» при развитии капитализма) побуждала генералов стремиться к вооруженному конфликту. Как и обычно, жертвой за это должна была стать кровь солдат и офицеров русской армии.

С другой стороны, военный министр субъективно не солгал. Русская армия действительно была готова к войне, но только к той войне, на которую рассчитывали Генеральные штабы всех великих держав Европы. То есть – к войне сроком не свыше шести месяцев. И впрямь, снаряды для русской действующей армии стали заканчиваться в декабре 1914 года (пять месяцев войны), и последние их запасы были израсходованы в Карпатской наступательной операции весны 1915 года. Вот на этот срок русские вооруженные силы были готовы, о чем и говорил ген. В.А. Сухомлинов. Другое дело, что военный министр великой державы все-таки должен видеть хоть немного дальше собственного носа.

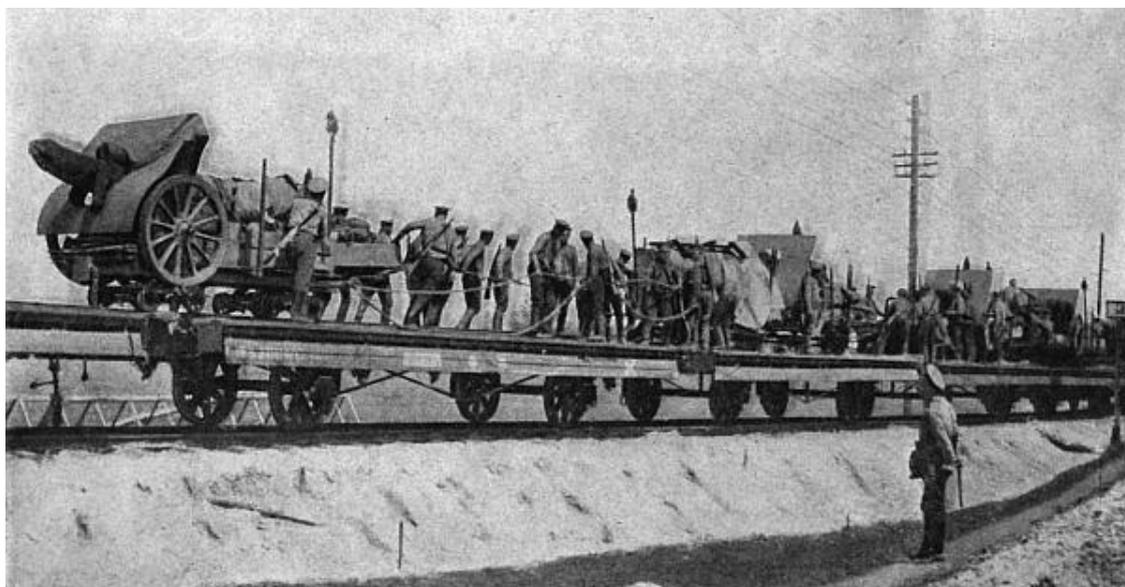
Нельзя также не заметить, что статья русского военного министра явилась ответом на пропагандистскую кампанию, развернутую Германией в европейской прессе, которая была направлена против Российской империи. Немцы были готовы к войне и теперь всеми силами старались спровоцировать континентальные державы Антанты на агрессию – пусть даже и видимую. Германские газеты кричали о неподготовленности России к войне и, следовательно, о необходимости превентивного удара, о русской опасности для Германии в частности и Европы в общем. Соответственно, немцы всеми силами старались внести разлад в отношения между Россией и ее союзниками – Францией и Великобританией, чтобы получить возможность бить своих врагов по очереди. Как видим, через двадцать семь лет Гитлер не придумает ничего нового, – провокация всегда есть оружие агрессора, старающегося наглым и беспардонным нажимом разделить своих противников, дабы не оказаться перед лицом единого фронта, противостоящего агрессору⁴³.

Тем не менее русские посчитали необходимым открыто заявить о своей готовности к войне. Вряд ли приходится сомневаться, что данным заявлением в заблуждение были введены не только союзники с противниками, но и собственная военная машина. Что пред-

⁴² Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники. М., 1996, с. 327.

⁴³ Сергеев Е.Ю., Улунян А.А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900—1914. М., 2003, с. 323—324.

полагал такой настрой высшего генералитета? Это означало радикальное несовпадение объективных условий участия Российской империи в Большой Европейской войне и субъективных устремлений в верхах армии. Так, Е.Ю. Сергеев справедливо еще пишет: «Представления о колоссальных ресурсах Российской империи, разделявшиеся не только ее властной элитой, но и правящими верхами других государств (отсюда миф о “русском паровом катке”, который способен перемолоть любую европейскую армию), создавали у автократического режима иллюзию неограниченных стратегических возможностей». В то же время Россия была не готова к такой войне, что прекрасно осознавалось теми же самыми генералами, с одной стороны занимавшимися реализацией Большой Программы усиления вооруженных сил, принятой незадолго до войны, а с другой – вводившими в заблуждение не только союзников, но и самих себя, а также, что, наверное, самое главное, – высшее политическое руководство государства во главе с императором Николаем II. Данный субъективный настрой противоречил объективному состоянию вещей. Именно вследствие своей неготовности, как в том же сборнике говорит О.С. Поршнева, «Россия принадлежала к числу держав, больше заинтересованных в сохранении уже произведенного раздела мира, чем в его переделе, и не входила в число инициаторов войны, до последнего пытаясь предотвратить ее»⁴⁴.

Перевозка артиллерии

Между тем значительная часть представителей российского истеблишмента придерживались той точки зрения, что дальнейшее расширение Российской империи стало уже бессмысленным. Русско-японская война, одной из причин которой стало желание императора Николая II и его окружения расширить пределы империи еще и на существенную часть Китая и Кореи, отчетливо показала пагубность такого расширения. Каждый новый шаг по пути территориального приращения только увеличивал количество нерусских и неправославных подданных российского императора. Это еще более убавляло бы процент русских (великороссы, малороссы, белорусы) в государстве. Наднациональный же характер Российской империи в эпоху воинствующего национализма не мог сохраняться в прежней статике.

Кроме того, уменьшение доли православного населения также не способствовало укреплению внутреннего положения страны. Кстати говоря, именно поэтому в России возлагали столь большие надежды на возвращение галицийских униатов в лоно православной

⁴⁴ Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2006, с. 82, 335.

церкви после присоединения Галиции. И, как известно, эти надежды бездарно провалились: уже в начале 1915 года галицийское население в большинстве своем (поляки, евреи, украинцы-униаты) ждало австро-венгерские войска как своих освободителей. Присоединение Западной Украины к Советскому Союзу в 1940 году лишь добавляет доказательств к данному выводу. Да и зачем вообще Российской империи, где не была решена земельная проблема, не хватало школ и больниц, а народное благосостояние находилось на весьма низком уровне, была нужна нищая Галиция? Чтобы добавить еще нищеты в полусредневековую российскую деревню? Это – при том, что своего освоения ждал тогда, и ждет до сих пор, богатейший по своим природным ресурсам неоспоримо русский Дальний Восток.

Земли в Галиции не хватало и для собственного населения, а стоило ли обладание «древним Львовом» потоков крови? Представляется, что именно Галиция в первую голову (а потом уже Восточная Пруссия) послужила приманкой для русского политического руководства, жаждавшего новых территориальных присоединений, а потому готовых на любую военную авантюру. Как будто бы было мало позорно проигранной войны с Японией всего лишь десять лет назад. Участник войны в своих «записках» приводит превосходную сентенцию по этому поводу, услышанную им от галицийского ксендза после начала войны: «Мне даже кажется, что Россия совсем не задумывалась над мыслью, зачем она воюет? Ну, скажем, вы, затратив миллиарды денег и миллионы жизней, получите наконец Галицию. К чему она вам? Мне говорили, что если поехать от австрийской границы до конца ваших владений на Камчатке, то путешествие это будет длиться сорок восемь дней и сорок восемь ночей. Россия... Какое же значение может иметь для вас прирезка Галиции? Это все равно, что второй носовой платок для моего костюма. Нет, вы просто игрушка в руках коварной Англии»⁴⁵.

Это – только то, что касается межнациональных отношений. Экономика же Российской империи вообще входила в противоречие с политикой дальнейшего территориального расширения государства. Экономическое развитие, при том что модернизационные процессы в сельском хозяйстве начались только с конца 1906 года, не успевало за внешнеполитическими амбициями ряда ответственных руководителей государства. Отечественный ученый справедливо говорит: «Прогресс российской экономики *в весьма малой степени* зависел от выхода на океанские просторы (через “черноморские” проливы, через получение незамерзающих портов на Тихом океане, через продвижение через Персию к океану Индийскому). “Поиграв в империализм” на Дальнем Востоке и ожегшись на войне с Японией, Россия обрела большой реализм внешней политики, но не могла перестать исполнять роль великой евразийской державы, не могла игнорировать этническую, конфессиональную и блоковую солидарность, не могла оставаться в стороне от мировой войны, хотя и не несла ответственность за ее развязывание»⁴⁶.

В любом случае, властные верхи Российской империи не особенно опасались вероятной войны с Германией и Австро-Венгрией. Во-первых, союзниками России были Великобритания и Франция. При этом русские наивно полагали, что эта «дружба» (по крайней мере с французами) «бескорыстна и свята». Совокупный потенциал государств Антанты превосходил коалицию Центральных держав даже при том условии, что германская армия была готова к войне лучше прочих. Тем не менее не все было так просто.

Откуда же эта уверенность в сравнительно легкой победе? Как справедливо показывает В.П. Булдаков, «в верхах к возможным военным тяготам относились более чем легкомысленно. Слишком соблазняли возможные “призы” побед: присоединение всей Польши, Галиции, Буковины, Восточной Пруссии, Турецкой Армении и, особенно, овладение Черно-

⁴⁵ Войтоловский Л.Н. Выходил кровавый Марс: По следам войны. М., 1998, с. 128.

⁴⁶ Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905—1917). Тула, 2000, с. 387.

морскими Проливами»⁴⁷. Точно так же, не менее легкомысленно, в 1903 году отнеслись к перспективе войны с Японией. Результат был более чем плачевен: стоило задуматься хотя бы о проблеме соотношения неудачной войны с революцией. А чем «больше» и тяжелее война, тем, разумеется, радикальнее и мощнее революция.

С другой стороны, все-таки немцы опасались численности русских вооруженных сил, могущей в случае войны свести на нет германское техническое превосходство. Как бы спохватившись, во время бедственного положения России, увязшей на Дальнем Востоке, кайзер Вильгельм II в 1905 году предложил русскому императору Николаю II оборонительный союз. Эти мысли оказались выраженными в уже упоминавшемся выше Бьеркском договоре 10 июля 1905 года. Согласно статьям договора, подписанного русским императором, Россия обязывалась защищать Францию от германской агрессии, и наоборот, Германию от французской агрессии. Как возможно было совместить несовместимое? Дело в том, что император Николай II рассчитывал на создание континентального союза, направленного в первую очередь против Великобритании, против которой, собственно говоря, Россия и сражалась в данный момент в Русско-японской войне.

Действительно, если взглянуть, Бьеркский договор означал, что у России в Европе более не осталось врагов: державы Тройственного блока никогда не выступили бы без санкции Германии, а с Францией у русских был свой собственный союзный договор. Взаимный же союзный договор между Францией и Германией исключал войну между ними. Но, разумеется, правительство и общественность Российской империи выступили против Бьеркского соглашения. И, главное, Франция, лелеявшая реваншизм в отношении Эльзаса и Лотарингии, отторгнутых немцами в 1871 году, категорически отказалась от присоединения к подобному соглашению, и Бьеркский договор не был ратифицирован, и не мог быть ратифицирован вообще.

Галиция. На привале

⁴⁷ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997, с. 16.

А между тем это соглашение в самом деле создавало единую Европу, но... под верховенством Германии. Император Николай II, отлично сознававший потенциал Российской империи, возможно, и был согласен на временное подчинение немецкому капиталу, однако все государственные и общественные деятели России предпочли подчинение капиталу французскому, что практически, на деле, вело к вооруженному столкновению с Германией. Договор в Бьерке по своей сути, как и конвенция 1892 года, носил оборонительный характер. Он создавал возможность для установления сравнительно прочного мира на континенте (в ближайшей перспективе), почему и был объективно направлен против Великобритании, заинтересованной в континентальной войне, чтобы подорвать позиции своего конкурента – Германии (ослабление Франции и России – также неплохо).

Поэтому Франция (а как же тогда реванш за 1870 год?), российская прозападная «общественность» (а где же тогда реформы по британскому образцу?), определенные властные круги (а где же тогда финансовые выгоды от совместных франко-русских предприятий?) встали против, и Бьеркский договор так и не вступил в силу. Между тем этот договор, скрывавший и Германию, и Францию, позволил бы русским играть на франко-германских противоречиях. Так что этот договор был прежде всего выгоден надломленной поражением на Дальнем Востоке и переживавшей Первую Русскую революцию Российской империи. Кроме того, по верному замечанию, «испарился (достаточно призрачный) шанс оздоровить обстановку в Европе и продолжать российское развитие на основе как французских инвестиций, так и германской технологии»⁴⁸.

Слишком многое и многие были против русско-германского сотрудничества, и сами же немцы поспешили разрушить тот хрупкий баланс, что подразумевал переход от «вооруженного нейтралитета» к жесткой и бескомпромиссной борьбе. «Мирное проникновение» германцев в российскую экономику, освоение русской территории и стремление к ее контролю вынуждали русских опасаться своего могущественного западного соседа. Исследователи справедливо подмечают: «...только в России иностранный капитал, причем в первую очередь именно немецкий, играл столь большую роль в экономике... только в России столь многочисленны были немецкие сельскохозяйственные колонисты. Между тем, Германия в начале XX века все более явно демонстрировала, что считает немецкие диаспоры частью немецкой нации, вне зависимости от их подданства»⁴⁹. Воинствующий национализм исподволь задолго до войны разрушал германскую монархию.

Зато в 1907 году Россия сумела заключить договоры о разделе сфер влияния с Англией, которые были выгодны больше англичанам, нежели русским. Отказ русских от продвижения в Азии означал, что континентальные владения Великобритании останутся вне угрозы сухопутного вторжения, которое могли предпринять только русские. Этот шаг стал окончательным отказом от попытки объединения континентальных держав в едином союзе. Как подчеркивает С.Ю. Рыбас, до 1907 года, подведшего последнюю черту под военно-политическим блокированием в Европе, «Россия соперничала с Англией везде, придерживалась терпимых отношений с Австро-Венгрией, имела союзный договор с Францией и добрые отношения с Германией»⁵⁰.

Но уже в 1908 году, после встречи русского императора Николая II и английского короля Эдуарда VII в русском порту Ревель, где они обменялись мнениями о предстоящей совместной войне с Германией, образование военно-политических блоков, по сути дела, было завершено. Антанта и Тройственный союз, где лидерами были соответственно Великобритания и Германия, стали активно готовиться к войне. Заключенные между держа-

⁴⁸ Уткин А.И. Русско-японская война. В начале всех бед. М., 2005, с. 396.

⁴⁹ Западные окраины Российской империи. М., 2006, с. 411.

⁵⁰ Рыбас С.Ю. Столыпин. М., 2003, с. 160.

вами Антанты соглашения подразумевали обязанность Российской империи военным путем защищать своих союзников от германской агрессии. Однако все это вовсе не подразумевало, что англо-французы будут беречь русские интересы в отдельных уголках Южной Европы. То есть, как справедливо подмечается учеными, «в осуществлении своей политики на Балканах и на Ближнем Востоке Россия фактически оказывалась в одиночестве, будучи в то же время обязанной спасать от Германии не только Францию, но в перспективе и Британию»⁵¹.

Безусловно, в начале XX столетия Россия в огромной степени зависела от Германии в экономической области. Почти половина русской торговли и импорта приходилась на Германию, немецкие колонисты осваивали русскую целину, германские денежные тузы вкладывали деньги в русскую промышленность. После 1905 года немцы навязали нашей стране неравноправный экономический договор. И так далее, и тому подобное. Как пишет А.И. Уткин: «Германия завладела половиной русской торговли. От нее зависела модернизация страны, от нее же исходила опасность превращения России в экономического сателлита. Германия приложила чрезвычайные усилия для занятия доминирующих позиций в России... То был уникальный случай, когда огромная страна, обладавшая неисчерпаемыми ресурсами, зависела от концентрированной мощи гораздо более развитого партнера»⁵².

Однако чему удивляться? Страна, претендующая на роль великой державы, но отставшая в своем социально-экономическом развитии, должна неизбежно расплачиваться за отсталость. Подобный путь прошла и продолжала в начале века проходить Япония, по этому пути двигались Австро-Венгрия и Италия, и лишь четыре экономических гиганта – Великобритания, Германия, Франция и Соединенные Штаты Америки – пока еще могли позволить себе быть скорее кредитором, а не должником. Здесь, разумеется, указаны только те государства, что считались великими державами.

Но ведь и та же Франция постепенно скатывалась к технической зависимости от Германии, с каждым годом неумолимо набиравшей индустриальную мощь. Надо помнить, что на рубеже столетий Германия пыталась навязать неравноправный договор даже Великобритании. Что же говорить о ближайших соседях – России и Франции?

Аннексия французских провинций Эльзаса и Лотарингии, передавшая в руки Германии не только стратегически важный пункт крепость Мец, но и контроль над крупнейшими в Европе железорудными месторождениями, позволяла немцам контролировать развитие французской тяжелой промышленности. Так что Франция, объективно говоря, также стремилась ликвидировать обозначившуюся зависимость военным путем, однако Россия так или иначе все равно оставалась в зависимости. Следовало выбирать, и этот выбор, вопреки ранее сложившейся традиции, был сделан в пользу Антанты.

Таким образом, Российской империи ничего не оставалось, как быть зависимой до тех пор, пока объективно не раскроется гигантский потенциал государства. И этот потенциал крылся в темпах экономического и социального развития страны, в численно растущем как на дрожжах народе, в громадной мощи русского села, только и ждущего твердого вступления страны на рельсы капитализма. Безусловно, этот капитализм неизбежно принимал бы в России национальную специфику: необходимость перевода развития Российской империи на буржуазный путь развития проистекала, прежде всего, из военно-политической необходимости. Та же самая военно-политическая необходимость двумя столетиями ранее подтолкнула к неоднозначной модернизации и Петра I Великого.

Но для перестройки народного хозяйства требовался длительный отрезок мирного развития. В противном случае – жесткий прессинг со стороны государства на общество и нацию в целом, по примеру все того же Петра I. Крупнейшие политические деятели России начала

⁵¹ Мировые войны XX века. Кн. 1: Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2003, с. 61.

⁵² Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2001, с. 27.

XX столетия, известные и как реформаторы, С.Ю. Витте и П.А. Столыпин, после поражения в Русско-японской войне 1904 – 1905 годов, когда отчетливо выявилась экономическая отсталость Российской империи, предупреждали, что новая война, тем более европейская, может стать последней для страны войной под эгидой династии Романовых.

Спустя полтора десятилетия после поражения Российской империи в Первой мировой войне и развала государства проблему индустриализации, дающей государству независимость, пришлось решать уже советской власти под руководством И.В. Сталина. Не желая внешней зависимости, сталинская власть опиралась исключительно на внутренние ресурсы. Дело кончилось большой кровью, раскрестьяниванием деревни и страданиями миллионов людей, но этих ресурсов хватило, чтобы Советский Союз стал мощнейшим гигантом международной политики, а в перспективе – и сверхдержавой (одной из двух), противостоявшей всему сытому и мало пострадавшему от войны (США и Великобритания) Западу, вместе взятому. Цель неизмеримо превзошла средства. Цена независимости всегда высока!

Конечно, монархический режим не мог позволить себе того, на что решилась советская власть. Поэтому, так или иначе, но Российской империи требовались время и чужие деньги, чтобы превзойти всех и каждого. Но и эта зависимость не могла быть вечной. Так, современным исследователем отмечается, что при росте объема зарубежных инвестиций в российскую экономику к десятым годам XX века удельный вес иностранного капитала по сравнению с капиталом национальным снизился. То есть происходил процесс вытеснения иностранного капитала из промышленного сектора и, ранее всего, из сферы производства средств производства⁵³.

Все это отлично сознавал Петр Аркадьевич Столыпин, который говорил: «Нам нужен мир: война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет губельна для России и династии. Напротив того, каждый год мира укрепляет Россию не только с военной и морской точки зрения, но и с финансовой и экономической». Последний выдающийся государственный деятель русской монархии знал, что говорил: впервые после становления централизованного государства русский крестьянин получил свою собственную землю.

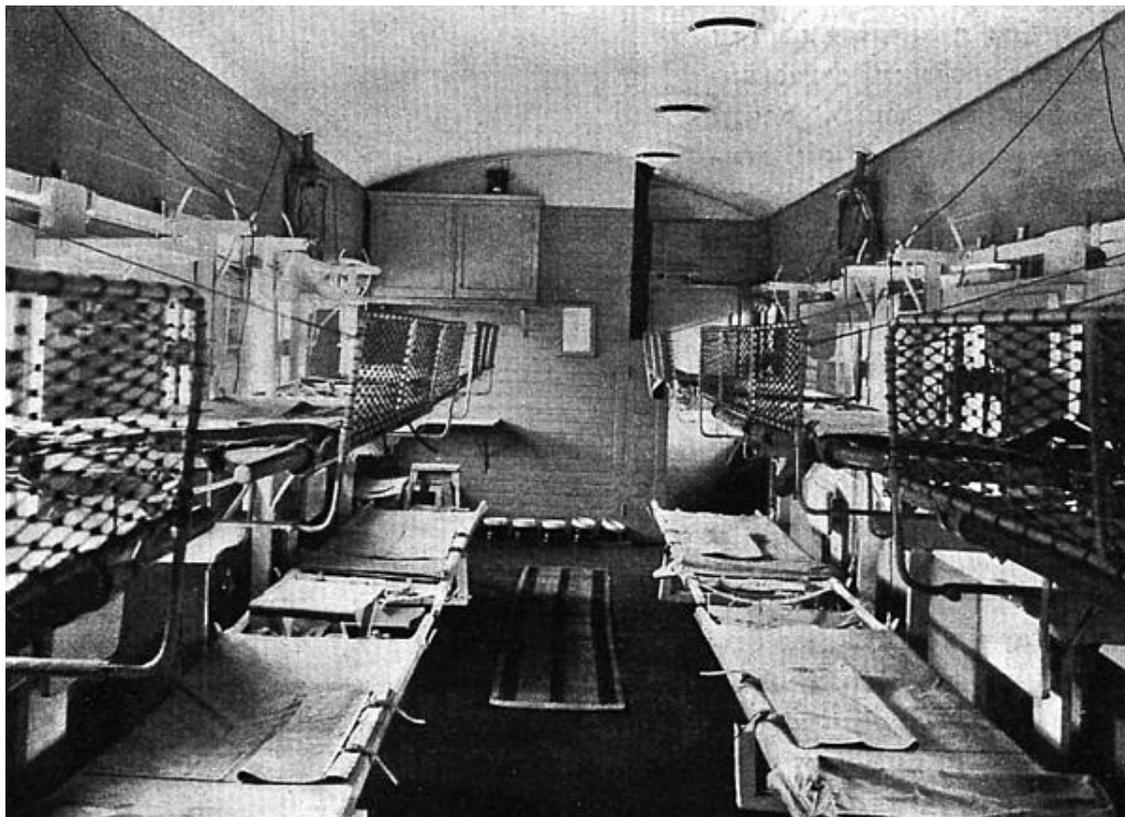
Сколько земли было отдано Крестьянскому банку императором Николаем II на Алтае – если исчислять в каких-нибудь бельгиях или голландиях? На этих землях в ходе переселения после объявления столыпинской аграрной реформы поселилось более миллиона крестьян. А насколько поднялся валовой сбор хлеба, если Российская империя, буквально только-только разоренная и просившая займы на подавление Первой Русской революции 1905 – 1907 годов, сумела вынести на своих плечах мировую бойню? Напомним, что в отличие от наших англо-французских союзников за плечами России не было многочисленных колоний, работавших на метрополию во имя победы над Германией.

К сожалению, все это отлично понимали и враги и друзья. Вчерашние друзья и завтрашние враги – как те, кто три с половиной года ломали Россию, так и те, что по окончании войны рванулись к дележке громадных пространств своего бывшего союзника, остановившего германскую агрессию в Европе. Как это удобно – объявлять врагом правящие режимы, чтобы издеваться над нациями. Немцы, к нашему огорчению, знали слишком много, чтобы позволить русским осознать свою силу в полной мере.

Что говорить, если всего лишь за шесть-семь лет столыпинской модернизации пережившая революцию и поражение в Маньчжурии Россия уже могла в одиночку поспорить с любым врагом, за исключением наиболее подготовленного к Большой Европейской войне агрессора – Германии. Как же можно было спокойно дожидаться того момента, когда русские смогли бы, как в 1812 году, вновь остановить любое вторжение в свою землю? В канун Первой мировой войны в России работала германская правительственная комиссия профес-

⁵³ Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне 1914—1917 гг. СПб., 2003, ч. 1, с. 22.

сора О. Аухагена, которая интересовалась ходом столыпинской аграрной реформы и ее ближайшими перспективами. Вывод комиссии категорично гласил: «По завершению земельной реформы война с Россией будет не под силу никакой другой державе». Эти сведения также послужили одним из факторов выбора Германией момента объявления России войны. Как справедливо отмечает отечественный ученый, «связь между форсированием Германией войны и срывом, таким образом, процесса социально-экономической перестройки России», несомненна. Германское правительство и кайзер Вильгельм II спешили с развязыванием европейской бойни, дабы не дать России возможности подготовиться к предстоящей схватке «не только в чисто военном, но и в общем политико-экономическом отношении»⁵⁴.

Вагон, оборудованный для тяжелораненых

Исходя из этого, нельзя не сказать, что мощь Российской империи крылась в русской деревне. Именно там проживало восемьдесят пять процентов россиян. Именно село, невзирая на бурно развивавшуюся промышленность, по-прежнему давало более половины всего государственного бюджета. Именно крестьяне должны были составить живую силу вооруженных сил в случае войны, а также предоставить государству свой труд (продовольствие и кадры для заводов) и кровь для победы.

15 июня 1914 года в Сараеве (столице австрийской Боснии, оккупированной в 1878 и аннексированной Австро-Венгрией в 1909 году) в день сербского национального праздника «Видов-дан» членом организации «Молодая Босния» Гаврилой Принципом был убит австрийский престолонаследник эрцгерцог Франц Фердинанд, племянник царствующего императора Франца-Иосифа. Столкновение австро-германских и русско-французских интересов на Балканах послужило непосредственным поводом для развязывания Первой миро-

⁵⁴ Щагин Э.М. Воздействие Первой мировой войны на народное хозяйство России // Россия в мировых войнах XX века: материалы научной конференции. М.—Курск, 2002, с. 27—35.

вой войны. Ведь острые международные конфликты в Европе бывали и раньше, однако до Большой Европейской войны дело не доходило, так как конфликтовавшие стороны в последний момент склонялись к взаимным компромиссам. Балканский кризис стал детонатором потому, что в данном случае отступить никто не мог – ни австрийцы, ни русские. А следовательно, ведущие центры предстоявшей мировой бойни – Германия и Великобритания – только подталкивали своих союзников к обострению отношений, дабы разрешить узел противоречий одним, но зато решительным, ударом.

Повторимся, что именно к 1914 году ведущие державы обоих блоков считали, что момент для войны настал – теперь или никогда. Немцы опасались усиления военной мощи Российской империи и постепенно подтягивавшейся Франции. Нельзя забывать, что по закону 1 августа 1913 года, введившему 3 летний срок действительной военной службы вместо 2 летнего, французская армия в 1913 году получила 450 тысяч новобранцев вместо обычного четверти миллиона. Такое усиление армии мирного времени не могло быть долгим, так как ослабляло народное хозяйство страны и повышало расходы, и потому Франция, так или иначе, подталкивала события, долженствовавшие разразиться мировой схваткой. Как и немцы, конечно. Просто, говоря об усилении германских вооруженных сил, как правило, почему-то забывают об усилении французском.

Англичане, в свою очередь, жаждали разрешить все внутренние проблемы, а также не допустить дальнейшего усиления германского Флота Открытого Моря. Для немцев не был секретом русский план реформирования военной машины к 1917 году. Англичане, в свою очередь, были превосходно осведомлены, что к 1917 – 1918 годам немецкий флот сумеет в одиночку бросить вызов могучему британскому Гранд-Флиту. Поэтому-то, как только выяснилось, что новый конфликт на Балканах столь серьезен, что отступить не сможет ни одна сторона, Германия и Великобритания обещали твердую поддержку своим союзникам. Западный исследователь четко отметил: «Вера в то, что национальное величие и благосостояние могут быть достигнуты лишь путем военных побед, значительно сузила возможность выбора европейских государств в предшествовавший 1914 году период. Когда к этой идее присоединились финансовые интересы, смесь стала поистине гремучей»⁵⁵.

Отклонения сербской стороной одного из восьми пунктов ультиматума оказалось достаточно, чтобы австрийцы объявили частичную мобилизацию своих вооруженных сил против Сербии. Характерно, что мобилизации австрийцев против русских 16 июля потребовал начальник германского Большого Генерального штаба – «мозга» немецкой военщины, ген. Х. Мольтке-младший, безусловно, опиравшийся на соответствующие указания от кайзера. Уже только одно это говорит о том, что за казалось бы локальным конфликтом между Австро-Венгрией и Сербией стояло стремление немцев развязать Большую Европейскую войну. Австро-Венгрия и Германия искусственно форсировали развязывание европейской войны, воспользовавшись убийством эрцгерцога Франца-Фердинанда.

Жаждавшая реванша Франция была «всегда готова». Россия, при позиции, занятой императором Николаем II, также обрекалась на вооруженную защиту Сербии, а следовательно, и на войну с Германией. Англичане, воздерживаясь от любых обязательств, тем не менее дали понять миру, что при определенных условиях Великобритания не останется в стороне: трезвому наблюдателю было ясно, что англичане в любом случае примут самое что ни на есть активное участие в войне, которая должна была сломать хребет ее первостепенному сопернику на континенте – Германии.

⁵⁵ Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI—XX веках. М., 2008, с. 349.

Мобилизация

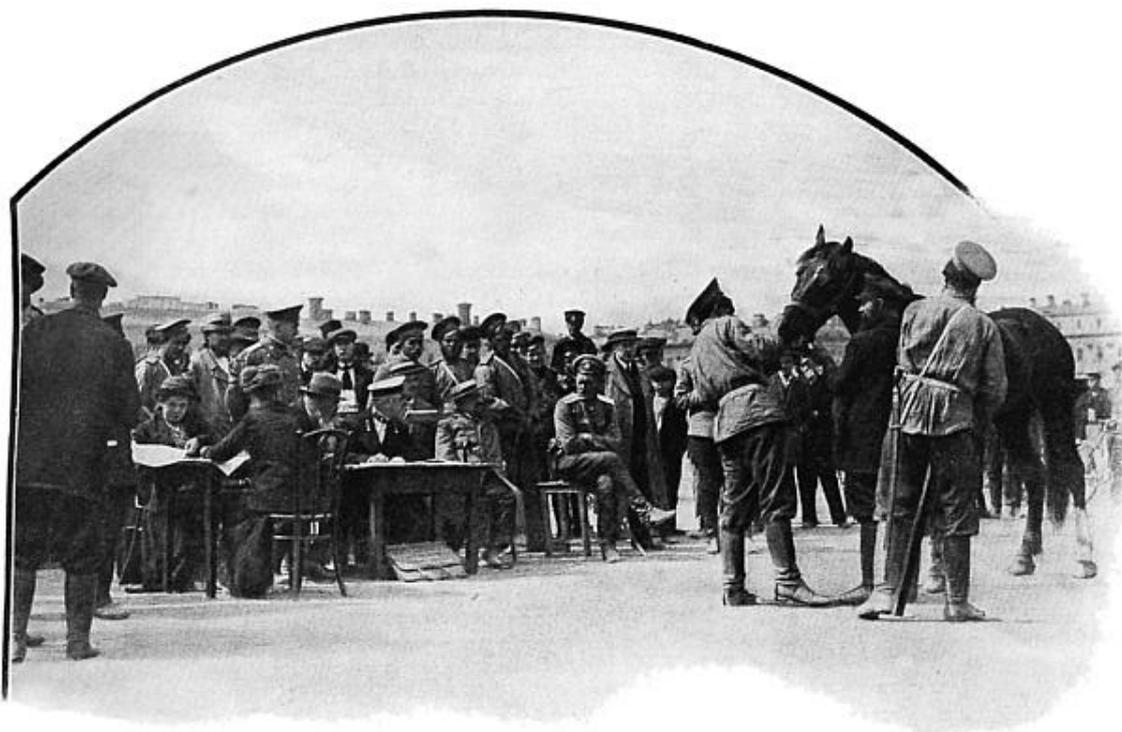
Намерение вступить в войну повлекло за собой и соответствующие приготовления чисто военного плана. Одновременно с начавшейся австрийской мобилизацией в Германии было введено предмобилизационное положение, при котором офицеры возвращались в свои части, а войска переводились из летних лагерей в казармы. Только через пять дней, 13 июля, предмобилизационное положение было объявлено и в России (обвинения немецких авторов в том, что русские стали раньше немцев скрытно готовиться к войне, беспочвенны). Правда, при этом генералитет был уверен в том, что война все-таки начнется. Так, ген. В.И. Гурко вспоминал, что уже 11 июля «стало общеизвестно, что конфликт неизбежен»⁵⁶. Подготовка русских к возможному объявлению мобилизации позволила германской печати обвинить Российскую империю в агрессии против стран Центрального блока.

Такая вещь, как предмобилизационное положение, позволяла встретить вероятную войну во всеоружии, не доводя в то же время вооруженное столкновение между государствами до неизбежности. Иначе говоря, с утверждением в 1913 году положения «О подготовительном периоде к войне» русская военная машина могла быть в значительной степени переведена на военное положение еще до объявления всеобщей мобилизации, по сути, подразумевавшей войну, оставляя мирное поле деятельности и маневрирования с целью сохранения мира для дипломатии.

Известна аксиома о том, что мобилизация уже сама по себе означает войну. Об этом прекрасно знали все, так как данная аксиома закладывалась уже в сами военно-политические договоренности между государствами каждого блока. Корень проблемы здесь – в факторе времени: допусти немцы возможность проведения русскими мобилизации до начала военных действий, и блицкриг не имел бы никаких шансов для своей реализации, а Германия – никаких шансов на выигрыш войны. Совершенно справедливо британский автор подметил это обстоятельство следующим образом: «Фактор времени, существенный для плана Шлиффена, делал германскую мобилизацию не оборонительным мероприятием, а решительным шагом к началу тотальной войны». Англичанину вторит и германский исследователь: «Так как мобилизация оказывала значительное влияние на хозяйственную деятельность страны, то всегда существовало стремление по возможности сократить сроки ее проведения, а решение о мобилизации принимать только в том случае, если война станет действительно неизбежной... Мобилизация, развертывание сил на границах и начало боевых действий так тесно переплетались друг с другом, что объявление мобилизации неизбежно влекло за собой начало военных действий. Поэтому, сама мобилизация стала значительным политическим актом, который мог поставить политику в зависимость от военно-технических условий проведения мобилизации»⁵⁷.

⁵⁶ Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914—1917. М., 2007, с. 13.

⁵⁷ Нилланс Р. Генералы Великой войны. Западный фронт 1914—1918. М., 2005, с. 557; Мюллер-Гиллебрандт Б. Сухопутная армия Германии. 1933—1945 гг. М., 1956, т. 1, с. 57.

Мобилизация в Петербурге. Прием лошадей

Мобилизация, в условиях раскола Европы на два военно-политических блока, находившихся в резком антагонизме друг с другом, действительно своим объявлением предполагала войну. В противном случае – к чему же тогда граф А. фон Шлиффен вообще составлял свое планирование? Так, Б.М. Шапошников писал, что мобилизация понималась в Германии, Франции и Австро-Венгрии как акт, неизбежно ведущий к войне: «В понимании как дипломатов, так и генеральных штабов западных государств мобилизация означала собой войну». В то же время в России и Великобритании под мобилизацией видели, прежде всего, дипломатическое средство, «акт, который должен подкрепить требования дипломатии». Причина такого расхождения в том, что русские и англичане меньше зависели от времени. Напротив, чем позже после начала объявления мобилизации начинались бы боевые действия, тем это было выгоднее Российской и Британской империям. Действительно, далее Б.М. Шапошников указывает: «Раньше мы знали, что объявление мобилизации есть объявление войны Германии и Австро-Венгрии. Теперь же объявлением войны считалось получение телеграммы из Петербурга за подписью военного министра или переход границы неприятельской вооруженной командой». Тем не менее, в общем же, мобилизация есть война: «Мобилизация на пороге мировой войны являлась преддверием войны, фактическим ее объявлением и только в таком смысле и могла быть понимаема»⁵⁸.

Именно из такого понимания исходил и кайзер Вильгельм II, когда лицемерно обвинял русские власти в подготовке агрессии против Центральных держав. О проведении скрытых мероприятий по подготовке собственных армии и флота к европейскому конфликту в самой Германии кайзер умалчивал, ссылаясь лишь на факт военной подготовки России и Франции. Впрочем, это естественно для агрессора, жаль только, что данный тезис о виновности русских за Первую мировую войну и по сей день можно встретить на страницах научных трудов. Некоторыми исследователями как-то забывается, что первая кровь в этой войне – сла-

⁵⁸ Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982, с. 223, 534, 537.

вянская (обстрел австрийцами Белграда), а первый разгромленный город – русско-польский (Калиш).

В качестве ответа на обвинения кайзера в агрессивности России, доказательством чего выдвигался факт русской мобилизации, можно было бы напомнить нашу историю конца 1912 года, когда Австро-Венгрия, жаждавшая воспользоваться плодами Первой Балканской войны, объявила мобилизацию против России и Сербии. К русским и сербским границам пошли эшелоны, набитые войсками. Тогда военный министр ген. В.А. Сухомлинов предложил провести частичную мобилизацию, с ним согласилось большинство членов правительства, однако премьер-министру В.Н. Коковцову удалось отговорить императора Николая II. И что же? «Мобилизационный кризис» вовсе не привел к европейской войне.

Так что сам по себе акт мобилизации еще не нес в себе неизбежности войны, тем более что Германия проводила свою мобилизацию вдвое быстрее русской. Повторимся, что Россия не была готова к войне в той мере, что позволяла бы воевать без фактора риска; что русским было выгодно, чтобы мобилизация так и не переросла в войну. Зато для немцев увеличение временного «провала» между мобилизацией и объявлением войны означало, что «План Шлиффена» стремится к своему краху.

Тем не менее высшие военные круги в Российской империи не желали отказываться от войны, как тогда казалось, сравнительно быстрой, легкой и непременно победоносной. Уже 15 июля, то есть до окончательного решения колебавшегося императора Николая II, начальник Генерального штаба ген. Н.Н. Янушкевич специальной телеграммой оповестил все военные округа, командующего гвардией, заместника на Кавказе и наказного атамана Войска Донского о том, что 17-е число будет объявлено первым днем *общей* мобилизации. Очевидно, что военная партия (большая часть этих людей в годы войны выкажет себя откровенными бездарностями в военном искусстве), столь могущественная в России, стремилась сделать все возможное, чтобы столкнуть империю в Большую войну.

И все-таки главы великих держав пытались что-то сделать. И здесь, что вполне логично, более прочих усердствовали русские, как представители страны, наиболее неготовой к войне. В отличие от генералитета, видевшего только армию, царь и его правительство сознавали, что российская экономика только-только начала свою широкомасштабную модернизацию по европейскому пути. Поэтому русское политическое руководство пыталось не допустить войны, что в дни Сараевского кризиса предполагало, разумеется, отказ австрийцев от продолжения агрессии против Сербии. Так, 16 июля император Николай II в телеграмме кайзеру предложил передать австро-сербский вопрос на урегулирование Гаагского международного суда. Подобный вариант предлагался и англичанами.

Понятно, что в таком случае неизбежно вскрылась бы весьма неблагоприятная роль Германии в провоцировании конфликта. Да вдобавок развязывание войны откладывалось на новый неопределенный срок; между тем немцы почему-то считали, что как только в России завершат военную реформу, то Германия тут же подвергнется агрессии со стороны держав Антанты. При такой ненормальной логике действительно надо бить первым, пока противник еще не готов.

Ответа не было: максимум, на что соглашались немцы, так это на «локализацию конфликта», что означало противоборство Сербии и Австро-Венгрии один на один. Исход этой борьбы был предсказуем еще до полной развязки. Так что в этот же день австро-венгры начали бомбардировку Белграда, а сам император Вильгельм II председательствовал на военном совете в Потсдаме, где и было решено вступление в войну. Немцы бросили свой жребий. Кайзер так и не ответил на эту умиротворяющую телеграмму российского императора Николая II, опубликованную лишь в январе 1915 года.

Колебания русского правительства в отношении мобилизации вылились в распоряжение императора Николая II об отмене всеобщей мобилизации и введении мобилизации

частичной поздно ночью 16 июля. Согласно такому проекту, мобилизовывались только Варшавский, Киевский, Одесский и Московский военные округа (то есть исключительно против Австро-Венгрии, дабы не провоцировать немцев). Причем частичная мобилизация полностью срывала общую мобилизацию. Странно, что русский Генеральный штаб за столько лет так и не удосужился разработать графики сосредоточения только против одного из противников на западной границе. Можно сказать, что война все равно предусматривалась против обоих противников, но ведь нельзя же просто так есть свой хлеб: разнообразие вариантов военного плана облегчает дипломатии ее и без того сложные задачи.

Наш соотечественник доктор Пастеровского института в Париже Д. Рудский, поступивший с самого начала войны в ряды французской армии

Правда, можно найти и какие-то оправдания для русских генштабистов. Еще во время Русско-японской войны 1904 – 1905 годов частная мобилизация совершенно расстроила всеобщую, и подорвала качество войск. С тех пор, каждый разрабатываемый в Генеральном штабе вариант мобилизации подразумевал всеобщую мобилизацию. К тому были и объективные причины. Во-первых, к этому вынуждало состояние железных дорог: во время Боснийского кризиса Варшавский и Виленский военные округа оказались беззащитными перед возможным германским вторжением, так как русские войска сосредотачивались в Киевском военном округе. Даже в случае мобилизации против Австрии железные дороги переходили на графики общей мобилизации, срывая сосредоточение на германской границе.

Во-вторых, Российская империя все равно готовилась воевать со всем Тройственным союзом, и вряд ли был возможен такой вариант развития событий, что Германия оставит Австро-Венгрию один на один с Россией, что грозило Двуетной монархии неизбежным крушением. Относительно Антанты Конвенцией 1892 года подразумевалась общая мобилизация даже при условии мобилизации только одной из держав Центрального блока. Так, статья 2 франко-русской конвенции гласила: «...В случае мобилизации сил Тройственного союза или одной из входящих в него держав Франция и Россия по поступлении этого известия и не ожидая никакого предварительного соглашения, мобилизуют немедленно и одно-

временно все свои силы и придвинут их как можно ближе к своим границам». Впрочем, к концу 1914 года предполагалось выработать мобилизационное расписание № 19, в котором достигалась возможность мобилизации каждого военного округа в отдельности своими запасными (за исключением Приамурского военного округа). Но в июле 1914 года мобилизация проводилась по расписанию № 18, то есть по схемам измененного расписания 1910 года⁵⁹.

Главный творец русского стратегического планирования и подготовительных мероприятий на случай войны генерал-квартирмейстер Генерального штаба ген. Ю.Н. Данилов также отрицает оценку мобилизации как первого акта военных действий. Он указывает, что «готовность русской армии значительно отставала от таковой же готовности наших западных соседей, почему для нас существенно важным являлось соображение о том, чтобы не опоздать с объявлением общей мобилизации, переход к которой в течение 30 июля (новый стиль. – *Авт.*) еще был возможен без больших потрясений. Никакой при этом непоправимой опасности произойти не могло, ибо у нас в России объявление общей мобилизации не было сопряжено с открытием военных действий. Акт мобилизации вел лишь к переводу армии на военное положение или, иначе говоря, являлся мерой предупредительного характера. Не то, как оказалось, было в Германии, где мобилизация была неотделима от акта открытия враждебных действий, что для нас делало особенно важным своевременный перевод армии на военное положение, которое служило лишь средством обеспечить в некоторой мере собственную территорию от нападения противника»⁶⁰.

Безусловно, Германия и Австро-Венгрия, связанные договором, воспринимались русскими как единое целое, однако ведь имела та же Австрия вариант частичной мобилизации только против Сербии. Такой вариант несколько срывал сосредоточение против России, но далеко не разрушал всю мобилизационную систему, подобно тому как это было у русских. Сосредоточение австрийцев на сербском фронте и нежелание генерала Конрада фон Гетцендорфа изменить графики перевозок, чтобы не нарушить отлаженной системы железнодорожных перевозок, имели следствием запаздывание австрийского сосредоточения в Галиции всего на пять дней.

Русский же Генеральный штаб вовсе не составлял плана частичной мобилизации только против одной Австро-Венгрии. Поэтому военный министр (ген. В.А. Сухомлинов), начальник Генерального штаба (ген. Н.Н. Янушкевич), министр иностранных дел (С.Д. Сазонов) все-таки сумели 17 июля убедить императора в проведении общей мобилизации. То есть те деятели, что с самого начала добивались от Николая II полнокровной работы русской военной машины, в конечном счете оказали на царя сильнейший нажим, дабы Россия не смогла остаться в стороне от назревавшего противостояния. Выше уже было указано, что именно эту информацию о введении с 18 го числа общей мобилизации военные округа получили от Генерального штаба еще два дня тому назад.

⁵⁹ Добровольский С. О мобилизации русской армии в 1914 году // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Белград, 1921, кн. 1, с. 98.

⁶⁰ Данилов Ю.Н. На пути к крушению. М., 2000, с. 302.

Начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич и генерал-квартирмейстер генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов

Очевидно, что «военные партии» всех стран отчетливо сознавали, что ситуация явно выходит из-под контроля. А потому следует упредить противника и встретить войну в наиболее выгодном положении: «В Германии, в России и даже в Австрии все стремления государственных деятелей мирно разрешить конфликт разбивались о противодействие генералов, стоявших за войну и предсказывавших всевозможные ужасы в случае пренебрежения их техническими советами. В Австрии генералы могли даже разделить вместе с Берхтольдом [австрийский премьер-министр] тяжелую ответственность и славу быть инициаторами войны»⁶¹.

На следующий день Австро-Венгрия начала всеобщую мобилизацию. В России же общая мобилизация была назначена на 18 июля, хотя фактически она уже началась на сутки раньше, так как первые мероприятия частичной мобилизации и мобилизации всеобщей являлись одними и теми же. В этот момент англичане, уже понимая фактическую неизбежность войны, приступили к мобилизации своего флота, сосредоточивая его на главных

⁶¹ Лиддел-Гарт Б. Правда о Первой мировой войне. М., 2009, с. 37.

военно-морских базах и готовясь к призыву резервистов. Британские эскадры во всех морях занимали свои места, согласно давным-давно выработанному расписанию.

Английская мощь являлась неоспоримой, а потому обе противоборствующие стороны ожидали официальных разъяснений со стороны английских властей. Немцы надеялись на британский нейтралитет, рассчитывая расправиться с Францией до того, как Великобритания соизволит открыть военные действия и перебросить на континент свой экспедиционный корпус (все-таки несколько десятков тысяч штыков и сабель, наряду с прикрытием северных морских границ самым могучим в мире флотом, что-нибудь да значат). Французы опасались, что англичане воздержатся от вступления в войну в первые несколько недель, когда должен был реализоваться на практике «План Шлиффена». Правда, эшелоны с войсками Британского Экспедиционного корпуса были готовы к сосредоточению в портах Ла-Манша, дабы быть переброшенными на континент по первому же сигналу.

Но в общем и целом в дни Сараевского кризиса, в период объявления мобилизации европейскими странами, британское руководство выжидало, не заявляя о своей позиции в предстоящей схватке. Невзирая на союзы и обещания, англичане к июлю 1914 года все-таки не связали себя жесткими условиями вступления в европейскую войну на стороне Антанты. В эти дни очень многое зависело от позиции Великобритании.

Кайзер Вильгельм II, превосходно сознавая, что германский флот пока еще не может померяться с англичанами на равных, старался удержать Англию от выступления. Вполне вероятно, что розыгрышем ирландской карты, а также неприязненным отношением британского общественного мнения к царской России, немцы с полной серьезностью рассчитывали, что Великобритания останется в стороне даже в случае нарушения нейтралитета Бельгии (а это последнее было неизбежно для воплощения в жизнь германского оперативно-стратегического планирования – «Плана Шлиффена»).

Кроме того, среди англичан было немало германофилов, а также общественность должна была быть уверена, что Англия вступает в войну во имя «правого дела». Поэтому в позднейшей историографии можно встретить такое мнение, что министр иностранных дел Великобритании сэр Э. Грей вообще не мог высказать отношения британского правительства к вероятной войне до ее начала. Дескать, английское общественное мнение могло поддержать вступление Великобритании в войну только в случае явной агрессии Германии в отношении британских интересов, вроде нарушения нейтралитета Бельгии и беспрепятственного выхода немцев к Ла-Маншу. Следуя этой логике, можно считать доказанным, что в случае движения немцев в Вогезы, а не в Бельгию, Англия вообще не вступила бы в войну.

Вряд ли это так – предлог нашелся бы в любом случае. Да и когда и где дипломатия действовала через так называемое «общественное мнение»? Конечно, в парламентской Великобритании общественность играла немаловажную роль, но ведь не до такой же степени, чтобы руководить внешней политикой страны. Кроме того, дипломатия вообще редко действует посредством громких декларативных и официальных заявлений: достаточно было прозрачным образом намекнуть германскому послу в Лондоне, что Англия ни в коем случае не останется в стороне... И тогда император Вильгельм II, не вполне понимавший сути мирового противостояния и потому отчего-то неправоммерно надевшийся на английский нейтралитет, еще десять раз подумал бы, чтобы начать европейскую войну.

Более того, брошенное в сердцах заявление кайзера о «лукавстве» англичан после объявления Великобританией войны Германии 22 июля 1914 года говорят скорее о том, что дело обстояло как раз наоборот: англичанами намекалось на предполагаемый нейтралитет Великобритании. Единственный гарант европейского равновесия, не связанный формальными союзами об оказании обязательной военной помощи ни с одной страной континента, умело спровоцировал войну, отстранившись от определения своей позиции в самый критический

момент и воспользовавшись дипломатическими просчетами континентальных государств. И имя этому гаранту – Британская империя.

Своей лукаво-двузначной позицией английское правительство пыталось уверить общественное мнение Великобритании в том, что Германия является единственным зачинщиком мировой войны. Это было тем более необходимо, что острые национальные проблемы внутри самой Англии расшатывали государство. Лондонскому кабинету следовало торопиться: «Никогда за последние сто лет Англия не была так близка к гражданской войне, как в период между мартом и июлем 1914 го»⁶².

В начале XX века Англия испытала на себе массовую силу волнений рабочего класса – как одна из наиболее индустриальных стран в мире. Если в России корень социальных проблем крылся в крестьянстве, составлявшем большинство населения страны, то в Великобритании, и без того обремененной колониальными проблемами, – в пролетариате. Наряду с высочайшим по меркам того времени уровнем развития промышленности, английское правительство, не торопившееся с проведением социальных реформ, являлось носителем одного из наиболее архаичных законодательств в рабочем вопросе. Привычка жить за счет колоний сыграла дурную шутку. И это при том, что именно в Англии рабочее движение давным-давно было превосходно организовано тред-юнионистской системой, а традиции чартизма еще не были забыты.

Мобилизация. Молебен перед выступлением в поход

Если во Франции перед войной господствовали идеи пацифизма и социализма, то Великобритания встала перед угрозой социального раскола, чреватого ростками гражданской войны. Как впоследствии писал об этом Д. Ллойд-Джордж: «Война вспыхнула как раз в то время, когда разброд в рядах британского рабочего класса принял такие серьезные и глубокие формы, каких мы не знали с тех пор, как в нашей стране образовались первые рабочие организации большого масштаба... Начиная с 1911 г. забастовочное движение беспрерывно росло, и летом 1914 года можно было предвидеть, что осенью по Англии прокатится волна грандиозных промышленных конфликтов. Назревали конфликты на железных дорогах, в горной промышленности, в машиностроительной и строительной. Борьба кипела не только между рабочими и работодателями, но и внутри рабочих организаций... К счастью для нас, нависшая над Англией национальная угроза вызвала быстрое и искреннее прими-

⁶² Террейн Дж. Великая война. Первая мировая – предпосылки и развитие. М., 2004, с. 13.

рение между воюющими группами. Лидеры тред-юнионов объявили промышленный мир на все время войны».

Вдобавок ко всему именно в 1914 году встал вопрос о предоставлении самоуправления Ирландии, и население Ольстера собиралось с оружием в руках противостоять вероятному биллю парламента об ирландском самоуправлении, которое должно было стать первым шагом к независимости старейшей английской колонии. Той самой колонии, что пережила обильное кровопускание при Кромвелле, «огораживание» и страшнейший голод середины XIX века. Упорство палаты лордов, не желавшей идти на уступки ирландцам, раскололо общественность. Все это только подливало масла в огонь борьбы тред-юнионов с правительством и капиталистами. Попытка английского короля на переговорах 8 – 11 июля примирить стороны Ольстерского конфликта провалилась.

Раскол страны и армии, ввиду рабочего движения и ирландского вопроса, вынуждал англичан предпринять все возможное, чтобы сплотить нацию. Мировой кризис июля 1914 года оказался как нельзя более на руку. И расчет этот – на высочайший патриотизм перед лицом внешней угрозы и гражданское самосознание – оказался как нельзя более верен. Действительно, если вспомнить статистику, то в Великобритании в годы Первой мировой войны не более полутора тысяч человек попыталось уклониться от воинской службы. Всего лишь *полутора тысяч*. И это тогда, когда Франция будет раскалываться от воинских бунтов (один поход восставших войск на Париж в 1917 году чего стоит), а в России до февраля 1917 года будет более двухсот тысяч только одних дезертиров (про сам 17 й год в данном контексте и говорить не хочется). В то же время британские вооруженные силы добровольно вступило более двух миллионов человек.

А тот же лорд Г. Китченер, возглавивший военную машину Великобритании, уже на седьмой день войны издал обращение к мужской половине нации с призывом вступить в ряды сухопутной армии на *три года*, так как он сразу был уверен, что начавшаяся Большая Европейская война, вне сомнения, будет долгой. Расчет на сплочение нации перед лицом внешней угрозы оказался абсолютно верным: к 1 января 1916 года на Европейском материке находилось сорок пять английских дивизий, которые полностью состояли из добровольцев.

Зачем же здесь говорить о «национальном примирении» или обвинять в непосредственном развязывании войны те страны, что занимали в соответствующем блоке подчиненное положение (австрийский ультиматум Сербии или русская мобилизация, якобы «втянувшие» в войну своих союзников)? На наш взгляд, совершенно правильно сорок лет назад писал И.В. Бестужев: «...царизм, преследуя собственные империалистические цели, вынужден был, так же как Франция и Япония, приспособиться к борьбе между претендентами на мировое господство. Вопрос о том, начинать или не начинать и когда начинать мировую войну, решался в последней инстанции – в Лондоне и Берлине, хотя поднимать его могли и в Париже, и в Петербурге, и в Вене»⁶³.

Но неужели же немцы и впрямь на полном серьезе полагали, что Англия останется нейтральной? В таком случае следует признать, что кайзер определенно находился под влиянием Большого Генерального штаба, сосредоточившего свой интеллектуальный потенциал на подготовке сухопутной войны: «План Шлиффена» должен был оправдать себя на континенте. Ход войны покажет, что без Великобритании победа Антанты была бы невозможна. То есть позиция Англии в канун развязывания мировой бойни и впрямь была ключевой, так как ее географическое положение всегда позволяло играть на противоречиях континентальных блоков.

Слабая надежда Германии на британское невмешательство давала практически стопроцентную гарантию на выигрыш войны посредством блицкрига. Другое дело, что сама

⁶³ Первая мировая война 1914—1918. Сборник статей. М., 1968, с. 72.

эта война носила на себе отчетливый отпечаток англо-германского соперничества, и потому такая надежда была просто-напросто бессмысленной и наивной. Соперничество на морях в борьбе за колонии и мировую торговлю было слишком бескомпромиссным и жестоким, чтобы позволить ведущим государствам противоборствовавших военно-политических блоков не скрестить друг с другом оружия в непосредственной схватке. После краха своих континентальных союзников в англо-германском противостоянии Великобритания была обречена – рано или поздно.

Тем не менее английское правительство не желало дать немцам и одного шанса на отсрочку развязывания войны, поэтому англичане и выжидали начала войны, чтобы только тогда заявить о своей истинной позиции, которая и не могла быть иной. Сам характер англо-французских соглашений и англо-германского противоборства говорил о том, что Великобритания не останется в стороне от общеевропейской войны. Опыт международных отношений 1910 – 1913 годов, политических кризисов, военных переговоров также свидетельствовал о твердом намерении англичан поддержать Антанту не только словом, но и делом.

Итак, война была решена во всех столицах, хотя бы уже только потому, что бессмертное «чеховское ружье», которое должно было в обязательном порядке выстрелить в последнем акте, было давным-давно повешено на стену и заряжено. Оставалось лишь обвинить противника в агрессии, чтобы обеспечить себе поддержку собственной нации. И здесь главный упор со стороны немцев был сделан на факт официального объявления мобилизации в России, хотя, как уже отмечалось, в самой Германии фактически приступили к мобилизации еще раньше русских.

28 июля 1914 г. у арки Главного штаба перед Зимним дворцом, на балкон которого выходил Его Величество Государь Император и отвечал поклоном на приветствие народа, собравшегося в огромном количестве

Как указывалось выше, предмобилизационный период был объявлен в Российской империи 13 июля, с началом австрийской мобилизации против Сербии. От скорости мобилизации зависят скорость сосредоточения армейских группировок на государственной границе и скорость вступления войск в боевые действия. Чрезвычайная скорость мобилизации, предпринятая всеми государствами, втянувшимися в Первую мировую войну в первые же дни, явилась следствием характера предстоящей войны – расчета на блицкриг и недолговременность военных действий, проводимых до полной победы. Б.М. Шапошников говорит: «Стратегия сокрушения требовала быстрого изготовления возможно большего числа боевых сил, быстрого их сосредоточения и почти одновременного введения в дело для достижения столь же быстрого и решительного успеха. Иными словами, стратегия молниеносного действия требовала и крайнего напряжения в развертывании вооруженных сил для войны. Эти требования служили отправными для мобилизации, и клались в основу всех работ в этой области. Чем больше росли армии в своем численном составе, тем более усложнялась мобилизация, и тем сильнее возрастало ее значение как акта, требующего большого напряжения сил и спокойной бесперебойной работы»⁶⁴.

Объявление предмобилизационного периода предполагало проведение в жизнь ряд тех мер, что в последующем облегчат проведение уже самой мобилизации. К числу мер данного периода относятся такие мероприятия, как:

- подготовка железнодорожной сети к предстоящим воинским перевозкам;
- пополнение материальной части и тыловых запасов воинских подразделений до норм военного времени;
- работы по непосредственной подготовке мобилизации во всех частях войск;
- принятие надлежащих мер по усиленной охране пограничной полосы;

⁶⁴ Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982, с. 524.

– возвращение частей кадровой армии из летних лагерей и командировок в места постоянного расположения;

– выдвижение кавалерии и пехотных подразделений, расположенных в приграничных районах, под видом маневров, в намеченные для прикрытия мобилизации и сосредоточения районы⁶⁵.

В течение предмобилизационного периода проводились те мероприятия, что ранее обычно проводились уже в ходе войны. Уже в это время производился частичный призыв резервистов, что фактически явилось началом общей мобилизации; скрытый перевод части кадровых войск (сосредоточенной в приграничной полосе кавалерии) на военное положение, а также их выдвижение в пограничные районы с целью прикрытия дальнейшего развертывания. Были пополнены запасы вооружения, переведен на военное положение ряд стратегических железных дорог, усиливалась пограничная охрана. Именно поэтому Б.М. Шапошников и писал впоследствии, что мобилизация на деле означает войну.

Не теряли времени и немцы. В тот же день германский военный министр ген. Э. фон Фалькенгайн также отдал необходимые распоряжения о возвращении войск из лагерей, об усилении охраны железных дорог, о производстве закупок зерна в районах сосредоточения армий. В последующие дни эти мероприятия дополнялись новыми, присущими предмобилизационному периоду распоряжениями, вплоть до призыва части резервистов – особенно в приграничных областях и крепостных районах. В итоге *к моменту официального объявления мобилизации германская армия уже была готова к проведению первых приграничных операций*. На границе с Бельгией и Люксембургом уже были сосредоточены войска, предназначенные для оккупации Люксембурга (4 й кавалерийский корпус) и для захвата бельгийской крепости Льеж (1 й кавалерийский корпус и шесть пехотных бригад), прикрывавшей переправы через реку Маас, что были необходимы для движения основной германской группировки ударного правого крыла.

Мобилизация и сосредоточение русских войск вдоль западной границы прикрывались двенадцатью кавалерийскими дивизиями и пограничными частями. По окончании мобилизации (нельзя забывать, что полностью русская армия отмобилизовывалась на шестидесятый день со дня объявления мобилизации (львиная доля – на сороковой день), а потому нижеприведенные цифры русской военной мощи отнюдь не являются приводимыми к моменту первых операций на Восточном фронте) русская действующая армия имела в своем составе:

1. Перволинейные войска: семьдесят пехотных дивизий и восемнадцать стрелковых бригад, сведенные в тридцать семь армейских корпусов; двадцать четыре кавалерийские дивизии, восемь отдельных конных бригад;

2. Второочередные войска: тридцать пять пехотных дивизий, большое число казачьих отдельных полков и сотен 2 й и 3 й очереди, составивших корпусную и дивизионную конницу в составе армейских корпусов.

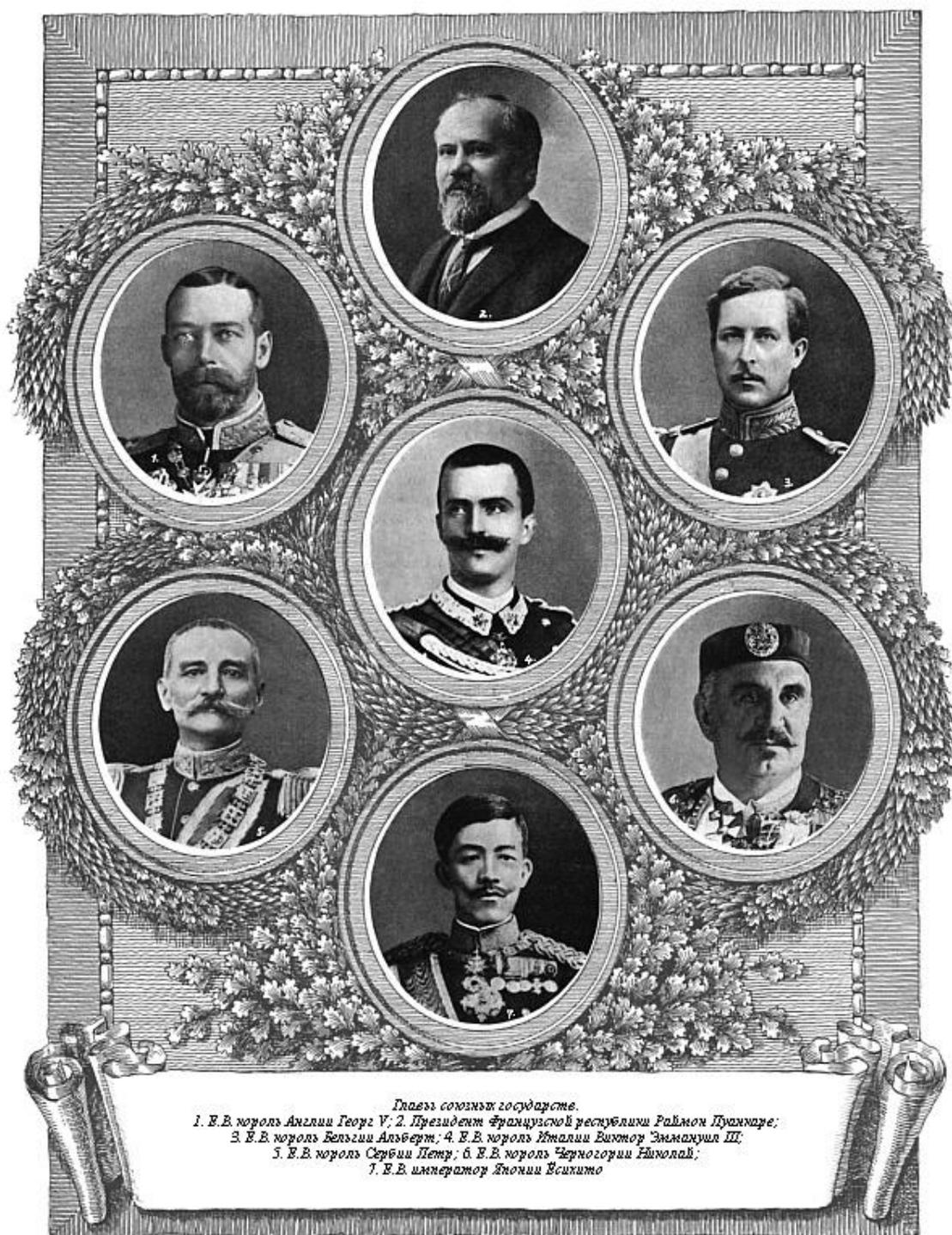
Главную ударную мощь русской действующей армии, которая, по замыслу русского военно-политического руководства, должна была в короткие сроки решить судьбу войны победой, составляли как раз вот эти перволинейные части. Это – кадровая армия мирного времени, разбавленная обученным запасом. Именно этими людьми русский Генеральный штаб предполагал выиграть войну, совершенно не рассчитывая ни на досрочные призывы новобранцев, ни тем более на ополчение 2 го разряда, к чему придется прибегнуть в 1915 – 1916 годах. Поэтому-то в Российской империи и не проводилось идеологической подготовки к войне, так как считалось, что и наличных войск, обученных в мирное время, будет более чем достаточно для достижения победы.

⁶⁵ Коленковский А. Маневренный период Первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940, с. 70.

Подобные же заблуждения были свойственны всем воюющим государствам. Однако в Германии и Франции все население в моральном отношении готовилось к вооруженному противоборству, и потому адекватно воспринимало дополнительные тяготы военного времени, когда выяснилось, что война непредвиденно затягивается, то есть воспринимало как должное. В свою очередь, высокопатриотичное население Великобритании, где военному министерству придется создавать массовую армию, также было готово к Большой Европейской войне. И только в России, где малограмотность и незаинтересованность политикой со стороны львиной доли населения страны накладывались на громадные расстояния и вековую неприязнь к государственной власти, массовое сознание не было готово к тяжелой войне. Примерно то же положение вещей существовало и в Австро-Венгрии, раскалываемой национальными конфликтами немцев и славян, Транслейтании и Цислейтании, католиков и протестантов и проч.

Именно поэтому для русских и австрийцев наиболее было свойственно решить исход войны одним кровопролитнейшим, но недолгим во временном отношении ударом не в силу экономического потенциала, но еще и в силу ставки исключительно на перволинейные войска. Таким образом, в России влитые в действующие части унтер-офицеры запаса, в силу заполнения унтер-офицерских вакансий, ставились в строй рядовыми, а второочередные дивизии в первое время, как правило, использовались в качестве войск прикрытия растянутых коммуникаций и гарнизонов крепостных районов. Участник войны писал: «...царская армия... представляла из себя подлинно цвет России. В армию отбиралось все самое здоровое, все самое лучшее и в возрасте, когда мужик не успел еще закоснеть ни физически, ни умственно. Царская армия была поистине самым лучшим, что могла дать Россия. Это, мне кажется, имеет куда большее значение, нежели кадровое офицерство и “блестящее обучение” солдат. Но есть еще одно: начало войны ознаменовалось необычным подъемом. Не приходится ли кое-что и на счет этого подъема? Сытые, здоровые, воодушевленные войска, состоящие из цвета нации, какими они были в первые месяцы войны... не ударили бы в грязь лицом»⁶⁶.

⁶⁶ Военно-исторический журнал, 2006, № 1, с. 60.

Невзирая на уже начавшуюся мобилизацию в большинстве великих держав Европы (скрытая она была ли открытая, не имеет значения для оправдания своего лицемерного «миролюбия»), между главами государств продолжались переговоры. Так, 18 июля германский кайзер Вильгельм II сообщил русскому императору Николаю II: «Европейский мир все еще может быть сохранен тобой, если Россия согласится приостановить военные мероприятия, угрожающие Германии и Австро-Венгрии». Николай II отвечал: «Наша долгая испытанная дружба должна с Божьей помощью предотвратить кровопролитие. С нетерпением и надеждой жду твоего ответа». Русский император настаивал на продолжении переговоров по урегулированию конфликта с помощью международных органов.

Однако ничего не вышло: не для того военные партии всех держав готовились к Большой Европейской войне, чтобы просто так отказаться от нее в наиболее благоприятный момент. И здесь следует сразу сказать, что если с объективной точки зрения война была невыгодна всей Европе (а для многонациональных империй – России и Австро-Венгрии – и просто самоубийственна), то субъективный фактор жажды войны господствовал повсюду. Слишком многое было поставлено на карту, и все без исключения были уверены в своей быстрой и неизбежной победе. Повторимся, что каждая сторона надеялась победить задолго до того, как война разрушит монархическую Европу.

В тот же день в Германии было объявлено «состояние военной опасности», предшествующее объявлению общей мобилизации, а вечером к проведению общей мобилизации приступила Франция. Кайзер в категорическом тоне потребовал от России прекращения мобилизации как залога для проведения переговорного процесса. В полночь на 19 июля русский царь получил немецкий ультиматум, в котором Германия угрожала войной в случае отказа русских от свертывания мобилизационных мероприятий. Остановить свою военную машину император Николай II уже не мог: разница в сроках сосредоточения (германские армии заканчивали свою мобилизацию всего за две недели) оставляла беззащитной русскую границу, а вдобавок русские не успевали своевременно помочь французам в случае броска германских армий на Париж, как то подразумевалось «Планом Шлиффена». Точно так же не мог остановить мобилизационные мероприятия и кайзер, понимавший, что объявление мобилизации неизбежно предполагает войну.

Поэтому русский император попробовал воззвать к логике разума кайзера. Однако теперь уже не мог отступить Вильгельм II: беспрепятственное проведение русской мобилизации означало, что германский план войны, построенный на разгроме Франции до того момента, как русские успеют развернуть свои войска на восточных границах Германии, проваливается в самом начале. Не получив ответа из Санкт-Петербурга на свой ультиматум, кайзер распорядился приступить к официальной мобилизации немецких вооруженных сил, кадровая часть которых уже была приведена в полную боевую готовность во время предмобилизационного периода. Отметим, что в этот момент австрийцы уже сосредоточивались на сербской границе, а Белград подвергался бомбардировкам батареями австрийской крепости Землин и военных судов австрийской Дунайской флотилии.

Итак, несмотря на русскую мирную инициативу, державы Центрального блока не пожелали внять голосу разума. Уклонение Великобритании от прямой поддержки французов и русских также вселяло в немцев надежду. Ответом на русские предложения о переговорах при международном посредничестве стала нота об объявлении войны, врученная в 7.10 вечера 19 июля германским послом Ф. Пурталесом министру иностранных дел С.Д. Сазонову: «Его Величество Император, мой Августейший Повелитель, от имени Империи принимая вызов, считает себя в состоянии войны с Россией».

Известен курьез о том, что Пурталес вручил Сазонову сразу две ноты различного содержания: и о начале конфликта, и о его приостановке. Каждая из нот предназначалась для различной реакции русских политиков на германский ультиматум: немецкий посол был так растерян, что по ошибке отдал все сразу.

Впрочем, это уже ничего не решало. В период Сараевского кризиса судьбы войны и мира решались в Берлине, а не в Санкт-Петербурге (правда, возможно, еще и в Лондоне). Объявив войну, Германия начала первый в новой истории Европы и всей планеты всемирный военный конфликт: «Россия была втянута в войну с Германией логикой вещей... Берлин, решившись на поддержку дунайской союзницы, подал сигнал к решению глобальных противоречий»⁶⁷.

⁶⁷ За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002, с. 77.

Верховный главнокомандующий и его помощники.
1. В. М. В. великий князь Николай Николаевич, Верховный главнокомандующий;
2. Генерал от инфантерии М. В. Алексеев; 3. Генерал-адъютант Н. И. Иванов;
4. Начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Н. Янукевич;
5. Генерал от инфантерии Ю. Данилов; 6. Генерал-адъютант Н. Рузский

Немцы активно и с громадным удовольствием поддержали инициативу своей верховной власти в развязывании Первой мировой войны. Да, война готовилась всеми, и все нации поддержали свои правительства, но именно Германия явилась агрессором, и именно эту Германию, как и в 1939 году, поддержит большинство немецкого населения. Этого нельзя забывать.

Дата 19 июля 1914 года показала иллюзорность и зыбкость братства рабочего класса Европы и всего мира и надежды социал-демократических лидеров на солидарность рабочих разных стран. Германское правительство, объявив войну сначала Российской империи, умело сыграло на антирусских и антисамодержавных настроениях в рейхстаге: «Поход против республиканской Франции, будь он преподнесен общественности в чистом, не замутненном демагогией виде, мог посеять сомнения в умах. Следовало придать предстоящей схватке благопристойный прогрессивный облик. С этой целью был мобилизован “антицаристский эффект”, обратились к теням К. Маркса и Ф. Энгельса с их священной ненавистью к самодержавию»⁶⁸. В свое время именно Энгельс призывал к войне с царской Россией и любыми ее союзниками, даже если это будет Франция.

Наиболее многочисленная и наиболее весомая социал-демократическая партия II Интернационала – СДПГ – в день вступления в войну Великобритании практически единогласно проголосовала за предоставление милитаристскому правительству военных кредитов. При этом депутаты говорили, что Германия и ее союзники якобы ведут оборонительную войну (особенно ярко этот тезис, наверное, проявился в оккупации Люксембурга и сожженных деревнях Бельгии, в уничтоженной библиотеке Лувена, оправдание чему давали такие ученые как Макс Планк или Вильгельм Рентген), а главным врагом был объявлен российский царизм. Факт того, что семь восьмых германской армии, где треть личного состава являлась членами СДПГ⁶⁹, в начале конфликта разрушали Бельгию и Францию, а вовсе не Россию, как бы канул втуне.

Социал-демократия Германии вполне справедливо видела в русском царизме своего основного врага, стоящего на пути торжества марксистских идей. Российская монархия неизменно твердо встречала грудью любую революцию. Ссылка на русское «варварство» вкупе с «деспотизмом» должна была завуалировать именно это опасение. Вероятно, именно поэтому немцы поспешили сначала объявить войну как раз России, нежели Франции, чтобы рейхстаг охотнее проголосовал за военные кредиты, хотя любой понимал, что Большая Европейская война не может вестись между двумя государствами и вступление в войну Франции и Великобритании на стороне противников Центрального блока есть лишь дело времени.

Как представляется, союз немецкого милитаризма и германской социал-демократии, видевшей главное препятствие на дороге к европейской гегемонии в Российской империи, от века в век встававшей на пути любого европейского агрессора, складывался полюбовно, а не в якобы имевшем место противостоянии монархистов и марксистов. Немецкий исследователь П. Ян отмечает по этому поводу: «Эта страна считалась опасной и угрожающей. К непредсказуемому взрывному характеру ее народа приплюсовывались неизменное стремление государства к экспансии и постоянно растущая современная армия, становившаяся все опаснее для Германии. А на какие разрушения способен “русский”, показала, как считалось, революция 1905 года»⁷⁰. О собственной агрессии, имевшей целью ни много ни мало, как господство в Европе, ни кайзеровское правительство, ни социал-демократы, ввергая нацию в войну, старались не вспоминать.

Разумеется, старшие партнеры в коалиции немедленно поддерживались своими сателлитами. Но и здесь не все так просто. Надо сказать, что в какой-то степени великие державы оказались привязанными к деятельности своих младших партнеров по коалициям и союзническим отношениям. Как считает один из исследователей, «можно сказать, что обе державы стали в какой-то мере жертвами заключенных ими союзов с третьими странами: Германия – с Австро-Венгрией, Россия – с Сербией и Францией. После сараевского убийства, когда

⁶⁸ Виноградов В.Н. 1914 год: быть войне или не быть // Новая и новейшая история, 2004, № 6, с. 21—22.

⁶⁹ Последняя война Российской империи. М., 2006, с. 175.

⁷⁰ Родина, 2002, № 10, с. 38—39.

стало ясно, что в Вене намерены во что бы то ни стало примерно наказать Сербию, Германия была вынуждена поддержать своего союзника, так как разрыв с дунайской монархией грозил бы Берлину политической изоляцией. В свою очередь, Россия, оставаясь на протяжении четверти века верной союзу с Францией, обрекла себя на неприятельские отношения с Германией, поскольку разрешение германо-французских противоречий мирным путем после 1870 г. не представлялось возможным»⁷¹.

Русская артиллерия: переправа через реку

В тот же день, когда началась Первая мировая война, император Вильгельм II стал сомневаться: в принципе он не хуже других понимал, что проигрыш Большой войны будет стоить короны ему лично, а немецкому народу – массы испытаний и крови. Кайзер запросил Генеральный штаб о возможности переноса главного удара на Восток, против России, чтобы удержать Францию и Великобританию от вступления в войну. Этот факт также означает, что германский император плохо понимал суть предстоящего противоборства и геополитического расклада сил на Европейском континенте.

Несмотря на то что такой вариант технически был возможен, он напрочь ломал единственный шанс Германии победить в войне на два фронта – тот самый блицкриг графа А. фон Шлиффена, который мог быть осуществлен только против Франции. Кроме того, было сразу ясно, что французы не смогут остаться в стороне уже хотя бы потому, что в случае разгрома Российской империи они оставались бы с Германией один на один. В этом случае у Франции не было ни малейшего шанса на победу. В конце-то концов, разве для того так тщательно создавался военный союз Франции с Россией ради французских реваншистских устремлений, чтобы ломать его в самый ответственный момент? Да и миллиарды франков, данные русским в долг, также пропадут?

Немцы все это превосходно понимали: граф Шлиффен и не рассматривал войну против Франции отдельно от войны с Россией, и наоборот. Поэтому начальник Генерального

⁷¹ Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003, с. 445—446.

штаба ген. Х. Мольтке-младший, еще в 1913 году отменивший даже теоретическую подготовку войны против России один на один, так отвечал колебавшемуся кайзеру, неожиданно для всех пожелавшему перенести удар на Восток: «Сосредоточение милиционной (то есть не постоянной кадровой. – *Авт.*) армии нельзя импровизировать, оно – результат огромного, многолетнего тяжелого труда и... будучи раз установлено, не может быть изменено. Если его величество настаивает на том, чтобы вести всю армию на Восток, то он не будет иметь бое-способной армии, а дикое скопище недисциплинированных вооруженных людей»⁷². Эмоциональное преувеличение здесь не слишком велико.

Последующие события нарастали лавинообразно. Казалось, что предельно милитаризованные государственные машины всех европейских стран вышли из-под контроля собственной верховной власти. С 16 июля Австро-Венгрия находилась в состоянии войны с Сербией, а Германия с 19 го числа – с Россией. Требования Германии к Франции (передача под немецкий контроль пограничных крепостей в качестве «мирного залога» наряду с отводом французских войск от границы) и ультиматум Бельгии (о беспрепятственном пропуске германских армий через бельгийскую территорию) теперь были уже не чем иным, как стремлением сохранить хорошую мину при плохой игре. Агрессия стран Центрального блока была налицо: как ни крути, но именно они выступили инициаторами развязывания войны в июле 1914 года.

Как отмечает большинство ученых, все европейцы готовились к войне, но никто не желал ее теперь же, в данный конкретно взятый момент, и потому никто и не мог ожидать, что война начнется именно в июле 1914 года: главы всех стран к началу Сараевского кризиса преспокойно отдыхали от государственных забот. Но многолетняя подготовка к «Большой войне» всех европейских государств, соответствующая предварительная обработка массового сознания населения, мощь и влияние «военных партий» во всех без исключения государствах – великих державах – все это не могло наконец когда-нибудь не сказаться. Агрессивный германский милитаризм, упрямый французский реваншизм, несомненное британское господство практически на всех континентах, полудикие русский и австрийский национализмы стали движущими силами войны.

В первый день войны немцами было занято великое герцогство Люксембургское. 21 июля Германия объявила войну Франции, 22 го числа немцы вторглись в Бельгию, после чего Великобритания объявила войну Германии. 24 июля Австро-Венгрия наконец-то объявила войну России, после чего сама оказалась в состоянии войны с Францией (28 июля) и Великобританией (30 июля). Также вскоре в войну на стороне Антанты вступили Черногория и Япония. Первая мировая война началась...

⁷² Цит. по: Мировые войны XX века. Кн. 1: Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002, с. 116.

Император Вильгельм и начальник Генерального штаба фон Мольтке на передовых позициях

Глава 2

Россия на фронтах войны

Развертывание

В начале XX века среди всех стран мира, Российская империя имела самую большую армию мирного времени. К началу Первой мировой войны численность русской армии определялась в 1 423 000 чел. (Германия – 760 000 чел., Франция – 863 000 чел.). С объявлением мобилизации в вооруженные силы Российской империи было призвано 3 115 000 запасных и 800 000 ратников 1 го разряда. Таким образом, в начале войны Россия выставляла около 5 340 000 чел.

Разумеется, что вся эта махина живой силы отнюдь не попадала немедленно на передовую в действующую армию, как назывались войска, находящиеся на театре военных действий и непосредственно ведущие борьбу с врагом. Тщательно укомплектовывались тылы, а часть призывников отправлялась на переподготовку в запасные батальоны пехоты, разбросанные внутри страны. Да и не все эти люди сразу могли попасть на западную границу: эшелоны шли через всю Россию далеко не один день.

Непосредственно армаду первого эшелона вторжения (русское военно-политическое руководство, как и противники и союзники, намеревалось вести только наступательную войну, дабы окончить войну за шесть-восемь месяцев с начала открытия военных действий) составляли перволинейные части (войска мирного времени), пополненные мобилизованными запасными. Именно эти дивизии и корпуса немедленно распределялись между фронтами и армиями, разворачиваемыми против неприятеля.

Характерно, что при укомплектовании дивизий и корпусов, следующих на театр войны, русское военное ведомство совершенно не учитывало того обстоятельства, что на войне, как и везде, «кадры решают все». Те люди, что прежде прочих прибывали на пункты сбора запасных внутри Империи, соответственно и первыми отправлялись в войска: не разделяли военного опыта рядовых и унтер-офицеров. Напротив, усиление рядового состава перволинейных дивизий унтер-офицерским составом запаса должно было повысить ударную мощь русского кулака в первых операциях. Также вся без исключения масса призванных в начале мобилизации людей состояла из запасных, то есть уже ранее служила в армии (не служившие зачислялись в ополчение II-го разряда, призыв коего на фронт вообще не предусматривался).

Объявивший страну патриотический подъем был столь велик, что явка на призывные пункты не падала ниже девяноста процентов, а во многих местах для прохождения военной службы явилась масса добровольцев, превысив тем самым запланированный военным ведомством лимит. Такое положение наблюдалось даже в Польше, где русские военные власти рассчитывали на большой недобор призывников-поляков. В связи с тем, что перед военными властями оказался выбор, первыми в действующую армию отправлялись лица, еще недавно служившие в армии (то есть в последние годы перед войной), и «кадры»: унтер-офицеры запаса.

Подразумевалось, что эта мера до возможного максимума усилит перволинейные войска, «разбавляемые» запасными. Озаботиться сохранением унтер-офицерского (сержантского) и фельдфебельского (старшинского) состава русское военное ведомство не удосужилось. В итоге в тех полках, что 7–12 августа перешли государственную границу с Германией

и Австро-Венгрией, огромное количество унтер-офицеров оказалось на должностях рядовых.

Подобный момент наблюдался во всех государствах. Однако в Германии значительное количество унтер-офицеров запаса отправлялось в резервные корпуса и в запасные части, предназначенные для подготовки резервов. Но в любом случае, надо сказать, что процент унтер-офицеров и фельдфебелей (что запаса, что сверхсрочнослужащих) в Российской империи всегда был гораздо ниже, нежели в прочих великих державах Европы. Так, по сравнению, например, с Германией, число сверхсрочнослужащих в России было меньшим в шесть-восемь раз. Это обуславливалось как более низким уровнем дохода в армии, так и положением военных в российском обществе, которое сильно пошатнулось после 1905 года.

Пехота выдвигается к границе

Понятно, что именно те люди, что должны были бы составить костяк вооруженных сил в солдатском составе и были выбиты в первые же полгода войны (в 1914 году, еще до периода тяжелейших поражений 1915 года, русская армия потеряла более миллиона человек). В то же время в Германии и под ее влиянием в Австро-Венгрии часть унтер-офицеров запаса сразу отправлялась в тыловые части, дабы готовить пополнения для войск на передовой. В России же обошлись тем штатом, что предусматривался для запасных батальонов пехоты, согласно военному законодательству. В результате уже в ноябре 1914 года действующая армия будет получать отвратительно подготовленные пополнения, которые явятся скорее балластом, нежели усилением сражающихся войск.

Причина такого положения дел, когда русские сразу выставили в поле всю массу уже подготовленных людей, не оставляя почти ничего «про запас», объясняется, во-первых, тем, что русское командование жаждало раздавить неприятеля в первых же сражениях, несколько забыв о том, что помимо доблести войск требуется еще и воинское искусство их командиров. Во-вторых, как уже говорилось, в России полагали, что война продлится сравнительно недолго, а значит, фактически хватит и тех людей, что были призваны в вооруженные силы по мобилизации. В-третьих, действующая армия в пять миллионов штыков и сабель, пусть даже не выставленная в поле вся разом, а постепенно подходившая из глубины империи, представлялась столь чудовищной, что, как казалось, ее просто не могло не хватить для безусловной победы.

Между тем русские второочередные дивизии (то есть составленные в подавляющем большинстве из запасных военнослужащих), как правило, расплылись по крепостям и важным пунктам. Сделав один шаг, русские генералы позабыли о втором: вместо того, чтобы, согласно собственному же планированию, бросить в бой все, что только будет под рукой, часть войск заведомо исключалась из борьбы, позволяя, следовательно, противнику добиваться равенства в силах на большинстве участков военных действий, а то и превосходства на решающих направлениях. А ведь именно такие дивизии, действительно уступающие в своей боеспособности перволинейным частям, должны были прикрывать коммуникации, охранять тылы, служить ближайшим источником пополнения для понесших большие потери подразделений. Лишь в одной только 3 й армии Юго-Западного фронта перволинейные армейские корпуса сразу же получили по третьей второочередной дивизии (всего в начале августа на российской западной границе оперировало шесть, а затем семь армий). Эта армия и одержала первую победу против австрийцев.

Конечно, придача лишних людей не могла повысить артиллерийской мощи армейских корпусов (артиллерийские батареи и даже пулеметные команды во второочередных дивизиях в начале войны, как правило, отсутствовали), но во встречных боях, которыми изобиловали первые операции, каждый штык был на счету. Кроме того, второочередные дивизии могли быть вполне использованы на пассивных участках, либо же при блокаде укрепленных пунктов неприятеля, для штурма которых не было или сил, или времени. Об этом также не подумали. Итог – в первых наступательных операциях русская действующая армия потеряла то, что невозполнимо в короткие сроки времени и, как правило, вообще вряд ли восполнимо в ходе самой войны – *кадры*.

Его Императорское Высочество Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич

Вследствие медленности русского сосредоточения последовательная готовность русской действующей армии определялась в пятьдесят процентов всех сил и средств на 15 – 20-й день мобилизации, семьдесят пять процентов – на 20 – 27-й день, сто процентов – на 36 – 40-й день. Войска с Дальнего Востока и из Восточной Сибири подходили на 60 й день. Между тем требовалось оказать помощь Франции как можно быстрее: немцам требовалось всего полтора месяца, чтобы разгромить Францию. Таким образом, русские были обречены на начало военных действий и наступление в неприятельские пределы, не дожидаясь окончания развертывания. Как видим, в первых операциях первоначально должна была принять участие не более половины предполагаемой численности русской действующей армии, и еще четверть могла быть влита в сражающиеся войска уже в ходе этих операций.

Развертывание русских армий против Германии и Австро-Венгрии предусматривало создание двух групп армий – называемых в России фронтами, – сосредотачиваемых для вторжения в германскую Восточную Пруссию (Северо-Западный фронт) и австрийскую Галицию (Юго-Западный фронт). Сосредоточение русских армий близ государственной границы прикрывалось войсками прикрытия. А именно – пехотными дивизиями тех армейских корпусов, что дислоцировались близ границы, а также конницей. Русские кавалерийские дивизии в мирное время содержались в полном составе, то есть конница вышла в поход практически без пополнения ее запасными. Это и обусловило высокие боевые качества русских кавалерийских дивизий. Участник войны говорит, что прикрытия сосредоточения – это «работа двадцать четыре часа в сутки; десяти- и двенадцатичасовые передышки – лишь исключения, случавшиеся разве в неделю раз»⁷³.

Борьба с двумя противниками сразу и география западной российской границы (Полесье, разделявшее театр военных действий на две части) позволили русскому военному руководству еще задолго до июля 1914 года предусмотреть более удобную и управляемую организацию – фронты. Именно этой организации не хватит немцам в августе 1914 года в период вторжения во Францию, так как германская Ставка, располагавшаяся в 250 км от правофланговых армий, не сумеет скоординировать организационно разобщенные действия сразу семи германских армий, действовавших на Западном фронте. Итогом станет проигрыш битвы на Марне и всего шлиффеновского блицкрига.

⁷³ Цит. по: Суворов А.Н. Тактика в примерах. М., 1926, с. 325.

Походная кухня

Организация русских армий в два фронта в связи со слабостью рокадной (меридиональной) железнодорожной инфраструктуры на театре военных действий предполагала, что фронты будут действовать изолированно друг от друга и разрозненно. Поэтому каждый из фронтов, полагаясь на расчеты Генерального штаба, должен был иметь превосходство над противником. Линия Средней Вислы при этом совершенно оголялась, так как признавалось, что неприятель не сможет провести здесь контрудар, будучи скован боями в своих восточных провинциях.

Приоритетной целью ставился удар по австрийцам, наряду с мощным вторжением в германские пределы. Таким образом, русские военачальники преследовали сразу обе цели: и разгром австрийцев, и оказание помощи французам посредством сильного удара по немцам. Силы расплылись, но, так или иначе, все равно русская западная граница разделяла Российскую империю сразу с двумя врагами – великими державами.

Соответственно поставленным задачам распределялась и живая сила. Группировку частей русской действующей армии с началом войны составили восемь армейских объединений, в том числе два – в составе Северо-Западного фронта (1 я и 2 я армии), четыре – в составе Юго-Западного фронта (3 я, 4 я, 5 я, 8 я армии), и два – «обсервационные» (6 я армия на побережье Балтийского моря и 7 я армия на румынской границе). Использование армейских управлений 6 й и 7 й армий на театре военных действий не предусматривалось, только лишь живая сила, влитая по мобилизации в эти армии (как правило – второочередные дивизии), в случае необходимости должна была быть переброшена в действующие армии.

Боевой состав русской действующей армии с началом открытия военных действий составил тридцать армейских и три кавалерийских корпуса (кавкорпуса в начале войны явились импровизацией, так как такая организация была уничтожена еще в 1906 году): шестьдесят пехотных и двадцать две кавалерийские дивизии, четыре отдельные стрелковые бригады. Общая численность в августе 1914 года – 2 700 000 штыков и сабель.

Верховным главнокомандующим русскими армиями был назначен дядя императора – великий князь Николай Николаевич. Несмотря на то что законодательная база русской военной машины предполагала, что главноверхом должен стать сам император, Николай II

не решился занять этот пост (напомним, что война по своей длительности предполагалась в течение не более года). Как говорилось выше, выбор императора был невелик: лишь три лица могли занять должность Верховного главнокомандующего – сам царь, великий князь Николай Николаевич и военный министр ген. В.А. Сухомлинов.

Себя Николай II пока еще исключал. Назначение же генерала Сухомлинова могло быть встречено «в штыки» многими генералами, связанными своеобразным «местничеством» и старшинством. Возникало опасение, что в таком случае главнокомандующие фронтами не станут подчиняться ген. В.А. Сухомлинову в той мере, в какой это необходимо для должности Верховного главнокомандующего (память о том, как в 1904 – 1905 годах командармы покидали театр военных действий вопреки воле командующего ген. А.Н. Куропаткина, была еще жива). Поэтому выбор императора не мог не остановиться на фигуре великого князя Николая Николаевича – человека, весьма популярного в армии, и вдобавок лица императорской фамилии, что в Российской империи являлось обстоятельством большой важности.

Ближайшими сотрудниками великого князя стали начальник Штаба Верховного главнокомандующего ген. Н.Н. Янушкевич, занимавший перед войной должность начальника Генерального штаба. При этом генерал Янушкевич совершенно не соответствовал своей должности, но зато по своим личным качествам нравился великому князю и царю. Поэтому действительным «мозгом» русской Ставки ВГК в первом периоде войны стал генерал-квартирмейстер Генерального штаба ген. Ю.Н. Данилов, бывший фактическим составителем русского плана войны в течение многих лет, вследствие частой смены начальников Генерального штаба. Эти люди предлагались военным министром, и сменить их великий князь Николай Николаевич (по крайней мере, в самом начале войны) не мог. О подоплеке такого положения дел будет сказано несколько ниже.

Согласно русскому плану развертывания, сосредоточение основной массы войск могло быть произведено либо против Германии, либо против Австро-Венгрии. В первом случае («вариант Г») ожидалось, что немцы перенесут свои основные усилия на Восток. Тогда уже не французы должны были бы ожидать помощи от русских, а наоборот. Во втором случае («вариант А»), напротив, в неприятельские пределы наступали именно русские. В ходе наступления русским командованием преследовались две основные цели: оттянуть на себя германские корпуса из Франции (согласно дополненным и уточненным за прошедшее десятилетие условиям франко-русской конвенции 1892 года), а также разгромить армию Австро-Венгрии. Конечным результатом первых операций должно было стать занятие сплошной географической линии по Висле, Сану и Карпатам, что создавало предпосылки для дальнейшего удара по столицам противника – Берлину, Будапешту и Вене.

В случае принятия «Варианта Г», подразумевающего перенос главного удара противника на Восточный фронт, развертывание русских армий относилось назад. В соответствии с оборонительным планом войны, семьдесят пять процентов всех сил отправлялось к северу от Полесья против Германии, в то время как прикрытие операционных путей к Днепру против всех австрийских вооруженных сил возлагалось только на 3 ю и 8 ю армии. В случае наступательного характера действий более половины русских сухопутных сил отправлялось против Австро-Венгрии, пока две армии (1 я и 2 я) будут наступать в немецкую Восточную Пруссию, дабы оттянуть на себя войска противника из Франции.

Наблюдают

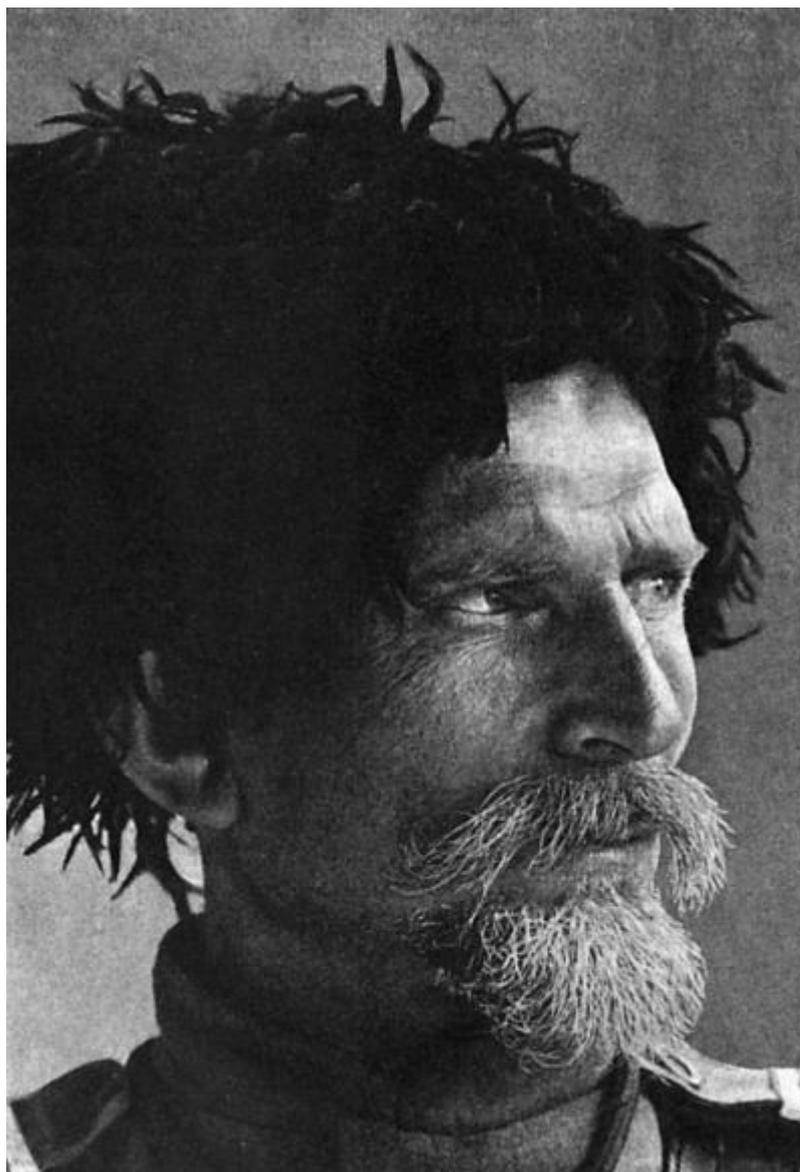
Окончательный выбор между вариантами «А» и «Г» должен был быть сделан не позже 14.30 девятого дня мобилизации, когда определялось направление главного удара германских армий. Именно к этому сроку к поворотным железнодорожным станциям подходили головные части корпусов первого эшелона сосредоточения, имевших различное назначение, в зависимости от избранного варианта.

Как известно, в июле 1914 года русские армии разворачивались по «варианту А», ибо главный удар германского кулака был нанесен против Франции. Следовательно, первоочередная задача Российской империи заключалась в возможно скорейшем переходе в наступление против Германии, чтобы вынудить немцев ослабить свою главную группировку, действующую во Франции и Бельгии.

В то же время усиливать фронт, действующий против немцев, за счет войск фронта, направляемого против Австро-Венгрии, никто не собирался. Помимо общесоюзных интересов русские намеревались преследовать и свои собственные цели, о которых, впрочем, французский союзник был извещен задолго перед войной: «Центр интересов русской стратегии лежал в Восточной Пруссии – германское наступление против Франции предоставляло России возможность использовать несколько недель для исправления ситуации на северном фланге Царства Польского. В то же время центр тяжести мобилизованной русской армии находился на австрийском направлении»⁷⁴.

Австро-германцы, готовясь к разгрому своих противников, большое значение отводили медленности русского сосредоточения. Огромные пространства Российской империи, малое по своим необходимым масштабам развитие стратегических железнодорожных магистралей, известная инертность и неповоротливость русской военной машины – все это должно было сыграть в пользу немцев. Однако что-то, но как раз мобилизационные мероприятия были в России разработаны с особой тщательностью: повторимся, что, по представлениям Генеральных штабов, скорость сосредоточения становилась залогом победы.

⁷⁴ Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи 1801—1914 гг. М., 2006, с. 610.

Из запасных

В итоге самоотверженной и тщательно просчитанной работы мобилизационного отдела Генерального штаба и железнодорожников быстрота русской мобилизации значительно опередила предположения Генеральных штабов Германии и Австро-Венгрии. Главными причинами этого стали предмобилизационный период, начавшийся за неделю до объявления мобилизации, и учет опыта Русско-японской войны 1904 – 1905 годов, что позволило соответствующим ведомствам отлаживать необходимые мероприятия до совершенства. Таким образом, стратегическое развертывание русской действующей армии на западной границе прошло в точно установленные сроки.

Итак, русское стратегическое развертывание с началом военных действий предполагало образование двух фронтов, долженствовавших действовать против двух противников – Германии и Австро-Венгрии. При этом австро-венгры отправляли против русских львиную долю своих войск, немцы же ограничивались сильным заслоном в Восточной Пруссии. Следовательно, русское командование должно было ожидать от противника оборонительных действий на германской границе и встречных сражений на австрийской границе.

Элементами стратегического развертывания армий на театре военных действий являются:

1. Перевод вооруженных сил на военное положение путем усиления их боевого и численного состава;
2. Сосредоточение войск на избранных направлениях;
3. Оперативное развертывание войск: выдвижение их в назначенные исходные районы; занятие и оборудование рубежей, полос, участков и районов, заранее намеченных планами первых операций; развертывание системы связи, тылов, средств технического обеспечения⁷⁵.

Германский кронпринц со своим начальником штаба

Запоздалое по сравнению с противником сосредоточение основной массы русских сил и средств вынуждало русское командование начинать первые операции с первым и максимум вторым (подходил уже в ходе первых сражений на государственной границе) эшелонами развертывания, не дожидаясь прочих войск, подходивших из глубины империи. К тому же свою негативную роль играл и такой фактор, как неустройство тылов русских армий в первые две недели войны. Поэтому первый советский главнокомандующий И.И. Вацетис впоследствии

⁷⁵ Михалев С.Н. Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003, с. 590.

справедливо писал: «Русская армия 1914 года представляла из себя вооруженную силу однолинейного могущества, подготовленную как бы для одного генерального сражения»⁷⁶.

Собственно говоря, русское командование и рассчитывало на достижение решительной победы в приграничных боях, чтобы затем, после поражения войск врага, перенести военные действия в глубь неприятельских пределов. В таком случае австрийская территория оказывалась фактически беззащитной, а немцы максимально ослабляли бы свою группировку во Франции, дабы прикрыть от русского удара Берлин. Именно данный расчет и был положен в основу представлений о скоротечности войны.

Длительность мобилизационного периода, а, следовательно, и сосредоточения и развертывания, ставила русскую сторону в невыгодное положение: росла вероятность разгрома русских группировок по частям. Поэтому перед войной военным министерством была выдвинута идея отнесения развертывания в глубь страны, под прикрытие мощных крепостных районов. Рубеж развертывания намечался на линии Вильно – Белосток – Брест-Литовск – Ровно – Каменец-Подольск. Соответственно, крепости по Средней Висле упразднились за ненадобностью, а возводились и укреплялись Ковно, Осовец, Брест-Литовск, Новогеоргиевск, Гродно. Когда же в 1912 году под давлением как западных союзников, так и командующих войсками военных округов оборонительные тенденции русского военного министерства пошатнулись, и русское развертывание вновь было приближено к государственной границе, то в 1914 году оказалось, что театр предстоящих военных действий не подготовлен ни в оперативном, ни в хозяйственном отношении. Это последнее пагубно отразилось на ведении первых операций кампании 1914 года.

Для сосредоточения русских армий были выбраны следующие рубежи:

1. Против Германии: Шавли – крепость Ковно – течение реки Неман – река Бобр – река Нарев – река Западный Буг. Эта линия была удалена от границы почти на пять переходов и прикрыта крепостной системой, развернутой на естественных рубежах, способствующих оборонительным действиям;

2. Против Австро-Венгрии: крепость Ивангород – Люблин – Холм – Дубно – Проскуров. Так как качество австрийских вооруженных сил справедливо расценивалось русским Генеральным штабом гораздо ниже германских, то линия развертывания находилась вблизи от австро-русской границы.

Согласно планам развертывания, составленным задолго до войны в Генеральном штабе, русские старались прикрыть все возможные направления угрозы. Помимо двух фронтов, направлявшихся против Германии и Австро-Венгрии, создавалась небольшая армия на Кавказе (вступление Турции в войну на стороне Германии после 1912 года, когда к власти в Османской империи пришел прогерманский младотурецкий кабинет, не исключалось) и две отдельные армии на крайних фасах Восточного фронта. Из этих последних 6 я армия прикрывала балтийское побережье от возможной угрозы Швеции и (или) германского морского десанта на Санкт-Петербург, и 7 я армия – сосредоточивалась против Румынии. Это исключало использование небольшой части сил в первых боях.

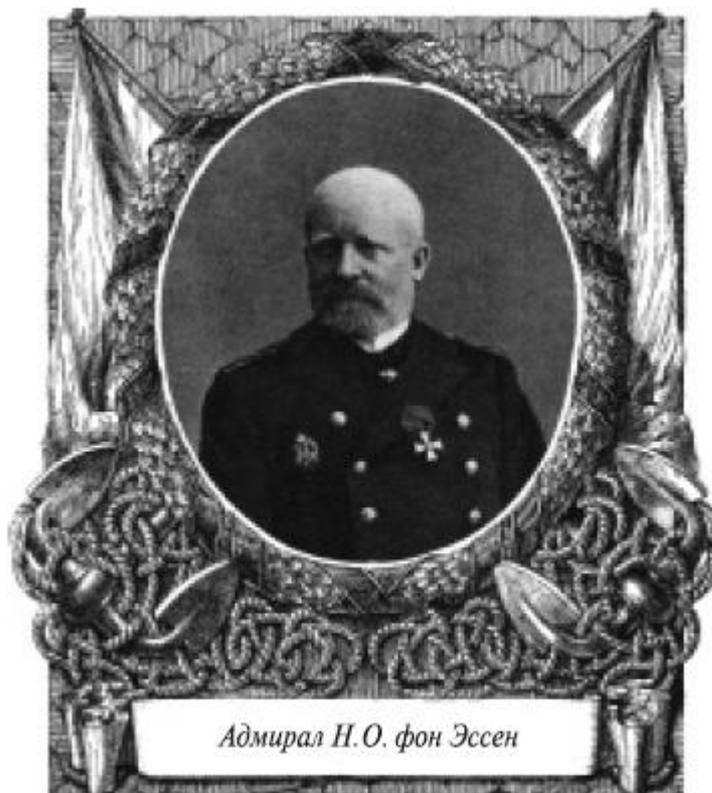
Таким образом, две армии (пусть и слабого состава) сразу же выключались из борьбы, так как нападение Швеции и Румынии на Россию уже в начале войны, до выяснения международной обстановки, было возможно только в представлении ген. Ю.Н. Данилова и его сотрудников, отвечавших за планы развертывания. Как метко отмечал современник событий (А.А. Свечин), образование обсервационных армий в век железных дорог и чрезвычайно быстрого сосредоточения было бессмысленным. Бессмысленным хотя бы уже потому, что даже в случае втягивания в войну указанных стран на стороне Центрального блока против

⁷⁶ Вацетис И.И. Операции на Восточной границе Германии в 1914 г. М.—Л., 1929, ч. 1, с. 10.

них вполне успевали сосредоточиться второй и третий эшелоны русских войск, подходившие из внутренних округов Российской империи.

Для достижения победы в первых операциях, долженствовавших в своей совокупности носить характер генерального сражения, требовалось иметь под рукой максимум сил. Все то, что могло быть брошено в бой против Германии сразу, должно было в самом начале военных действий принять участие в пограничных сражениях. Русские же, стремясь прикрыть все, что только возможно, задерживали часть войск вдали от районов вероятного столкновения. При этом, если турецкая угроза была действительно весьма ощутима, то в отношении Швеции и Румынии этого никак нельзя было сказать с должной уверенностью.

Правда, здесь нельзя не заметить, что шведская угроза всегда усердно проводилась в жизнь моряками-балтийцами, желавшими максимально усилить русский Балтийский флот, большая часть которого погибла в Цусимском сражении 1905 года. В разработках Морского Генерального штаба наряду с Германией, как наиболее вероятным противником на Балтийском театре, постоянно фигурировала и Швеция, в качестве наиболее вероятного союзника немцев. Поэтому русские моряки, особенно будущий командующий Балтийским флотом вице-адмирал Н.О. фон Эссен, разрабатывали и планы действий против шведского флота, который предполагалось разбить еще до его соединения с немцами. Морской Генеральный штаб считал при планировании в качестве вероятных противников Германию и Швецию, возможно, и Норвегию. Н.О. Эссен считал, что противник – это германский флот 2 й линии и шведы. Эссен предлагал даже «угрозой бомбардировки Карлскруны заставить Швецию отказаться от участия в войне на стороне Германии»⁷⁷.

Следовательно, разработки генерал-квартирмейстера Генерального штаба ген. Ю.Н. Данилова, непосредственно занимавшегося оперативно-стратегическим планированием

⁷⁷ Золотарев В.А. Три столетия Российского флота, XIX – начало XX века. М., 2004, с. 652, 654—655.

будущей войны, на которого порой столь критически обрушиваются ученые (особенно А.А. Керсновский), в действительности учитывали мнение моряков. Впрочем, генерал Данилов должен был бы тверже проводить курс на решительный первый удар, раз уж на таковой политическим руководством делалась несоразмерно большая ставка. Так, по замечанию исследователя, при обороне Санкт-Петербурга с моря «предполагалось, что на рубеже центральной минно-артиллерийской позиции Балтийский флот сможет задержать германский флот открытого моря на 12 – 14 суток, достаточных для развертывания 6 й армии, назначенной для обороны столицы Российской империи»⁷⁸.

Позиция Швеции в предстоящем европейском конфликте определялась позицией, занимаемой Великобританией. Останься англичане нейтральными, и шведы вполне могли поддержать немцев в войне против России. Соответственно, и наоборот: вступление Великобритании в войну автоматически предполагало и шведский нейтралитет. Да и для самих немцев в случае войны с Англией нейтралитет Скандинавских стран был более предпочтителен, нежели непрочный союз с ними или оккупация.

Передвижение войск на автомобилях

Таким образом, военные разработки русских штабов учитывали возможность того, что Англия на первом этапе останется в стороне от противоборства, и, значит, русский флот будет обречен на столкновение с главными силами немецкого флота. А соотношение сил в этом случае не позволяло русским надеяться на победу (именно поэтому моряки еще до

⁷⁸ Козлов Д.Ю. Утрата флота на Балтийском море... отзывается расстройством самого государственного организма // Военно-исторический журнал, 2004, № 8, с. 15.

официального объявления войны в период «военной тревоги» выставили минные поля на подступах в русские Финский и Рижский заливы). В случае главного удара по морю на Санкт-Петербург русские могли лишиться не только Балтийского флота и Кронштадта, но и столицы. Следовательно, в Морском Генеральном штабе старались учесть все возможное, чтобы не допустить такого поворота событий.

Именно поэтому, хотя Балтийский флот и был самым сильным в сравнении с другими русскими флотами, но в оперативном отношении подчинялся сухопутному командованию 6 й армии, на которую возлагались задачи обороны Петрограда (Санкт-Петербург был «патриотически» переименован в Петроград) и побережья Балтийского моря. В то же время Черноморский флот почти с самого начала подчинялся Ставке Верховного главнокомандования. Балтийский флот был жестко подчинен Ставке только с созданием Морского штаба 25 января 1916 года под руководством адмирала А.И. Русина.

Соответственно, при таком повороте событий вовсе не исключалось, что и Швеция выступит на стороне Германии и ее союзников: зависимость Швеции от Великобритании, на что справедливо указал А.А. Керсновский, вовсе не означала, что шведы не примут участия в войне против России, если англичане будут придерживаться нейтралитета. Не зря шведский флот учитывался в качестве вероятного противника вплоть до 1917 года. Действительно, новый Балтийский флот стал строиться, когда Великобритания еще ясно не выказала своего намерения окончательно стать на сторону франко-русского союза. Поэтому нельзя было исключать, что Швеция может стать союзником Германии в предстоящей войне. Так, в 1910 году известный военно-морской теоретик Н.Л. Кладо писал: «Швеция также находится в лагере наших противников, и мы должны подсчитать шансы борьбы и с нею. Она может явиться союзницей Германии и может выступить против нас самостоятельно... Ясно, что для того, чтобы не позволить Швеции принять участие в нашей войне с Германией, чтобы не дать ей возможности обессилить нашу армию на главном театре – западном, мы должны владеть морем. И опять-таки, главный участок моря, на котором мы должны быть хозяевами, будет пространство между Аландскими островами и островами Эзель и Даго»⁷⁹.

Таким образом, суть проблемы лежит не столько в оперативных ошибках Ю.Н. Данилова накануне войны в области определения развертывания армий Восточного фронта, сколько в негибкости русского развертывания (причем как в материальном воплощении замыслов, так и в умах начальников), не позволившей тотчас же перебросить войска 6 й армии на Вислу. Данная переброска должна была начаться тотчас же, как обнаружилось, что Великобритания выступила на стороне противников Германии (22 июля), а следовательно, немецкий флот будет неизбежно скован в Северном море. Ведь немцы ни в коем случае не могли позволить себе потерять часть своего линейного флота при взломе русской обороны на Балтике, даже если в качестве трофея и выступила бы русская столица. В России – три столицы, что знал еще Наполеон.

Войска 6 й армии (не такие уж и большие – всего четыре второочередных пехотных дивизии) должны были быть переброшены на Северо-Западный фронт уже в течение третьей недели августа, а то и еще раньше. Более того. Представляется, что если бы заранее существовал план такой переброски на Вислу, то Ставке Верховного главнокомандования и не пришлось бы ослаблять Северо-Западный фронт и 4 ю армию Юго-Западного фронта, образуя третье операционное направление от Варшавы.

Войск в Российской империи было вполне достаточно, но, к сожалению, высшее военное руководство не сумело обеспечить перевеса сил там, где это требовалось. Это – просчет Генерального штаба, усугубленный ошибками Верховного главнокомандования в первые недели войны. Впрочем, если вспомнить, что и предвоенное планирование, и опе-

⁷⁹ Помни войну! М., 1911, с. 54—55.

ративно-стратегические разработки в Ставке осуществлялись, как правило, одним и тем же человеком – генералом Ю.Н. Даниловым, то в какой-то мере здесь можно говорить и о персональной ответственности генерала Данилова.

Примечательно, что перед войной Верховный главнокомандующий не принимал участия в составлении плана войны и стратегическом планировании развертывания русских фронтов и мобилизационных мероприятий. Подразумевалось, что великий князь Николай Николаевич займет пост командующего 6 й армией, выделенной из войск Санкт-Петербургского военного округа и предназначенной для прикрытия балтийского побережья на случай вступления в войну Швеции. Следовательно, пост Верховного главнокомандующего оказался для дяди царя в некоторой степени неожиданным. Главное же заключалось в том, что великий князь Николай Николаевич даже сам по себе последовательно не готовился к этой должности, а значит, во многом зависел от своих ближайших сотрудников.

Впрочем, великий князь разделял мнение Генерального штаба о решительном наступлении в глубь Германии на левом (западном) берегу Вислы при одновременном ударе по Восточной Пруссии. Будучи убежден в скором и победоносном исходе войны, лидер русской «военной партии» жаждал наступать на всех направлениях во что бы то ни стало, лишь бы как можно скорее добиться победы. Такой подход, к сожалению, обыкновенно подразумевает, что противная сторона занимает роль статистов, обычных чучел, предназначенных для учебной рубки на полном скаку. Князь и был кавалеристом, с 1885 года заведующим русской кавалерией.

Кроме того, великий князь Николай Николаевич до такой степени сочувствовал нашим союзникам французам, что порой забывал, что он, в сущности, главверх русской армии, а значит, должен, прежде всего, блюсти интересы своей страны. Все эти личностные качества Верховного главнокомандующего накладывались на сильнейшее давление союзников после проигранного Пограничного сражения. Натиск германских армий на Париж казался столь неудержимым, что французы буквально умоляли русские власти о помощи. Этот единственный за всю войну момент, когда французы вели себя соответственно действительному значению Восточного фронта, превосходно отражен в мемуарах посла Франции в России М. Палеолога.

Директивами 29 и 31 июля Верховный главнокомандующий указал обоим русским фронтам свой план первоначальных операций:

– «Северо-Западный фронт должен перейти 1 августа в наступление 1 й армией в Восточную Пруссию, которое должно развиваться к 4 августа в общую операцию 1 й и 2 й армий в обход Мазурских озер с севера и запада...

– «[Юго-Западному фронту] перейти в наступление 3 й и 8 й армиями соответственно 6 и 5 августа, не дожидаясь сосредоточения 3 го Кавказского и 24 го корпусов, чтобы в связи с намеченным наступлением 1 й и 2 й армий приковать к себе вторжением в Галицию возможно большие силы австрийцев. И тем самым воспрепятствовать им развить наступательные действия по левому берегу р. Висла и против запаздывающих в своем развертывании 4 й и 5 й армий»⁸⁰.

⁸⁰ Цит. по: Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002, с. 80—81.

Неожиданное нападение кавалерийского отряда на деревню, занимаемую немецкими егерями

Как видно из этих указаний, Ставка ВГК отлично понимала суть предстоящих операций. Во-первых, армии Северо-Западного фронта должны были проводить общесреднюю операцию (в действительности командующий армиями фронта ген. Я.Г. Жилинский станет проводить две разрозненные армейские операции, что и приведет к тяжелейшему поражению). Во-вторых, четыре армии Юго-Западного фронта также должны были взаимодействовать друг с другом в общем плане, и при этом армии южного фланга (3-я и 8-я армии) переходили в наступление, дабы облегчить развертывание армий северного фланга фронта (4-я и 5-я армии).

Однако в самом начале военных действий, после просьб французской стороны, последовавших после поражения французов в Пограничном сражении, великий князь Николай Николаевич, подчиняясь императору Николаю II, союзникам и собственным побуждениям, решил составить третью ударную группировку около Варшавы. Эта группа должна была быть направлена также против Германии, так как основным смыслом французских просьб становилось ослабление германского удара по Франции посредством оттягивания на Восточный фронт немецких войск с Запада. То ли Верховный главнокомандующий не понимал, что русские силы недостаточны и для полноценного наступления на двух направлениях (в Восточную Пруссию и Галицию), а тут добавилось еще и третье. То ли, как это было характерно для него вообще, надеялся на слепую удачу.

По мысли авторов дополнительного сосредоточения на Средней Висле, 9-я армия, составляемая из трех армейских корпусов, выдернутых из состава уже сосредоточивающихся на государственной границе армий, должна была действовать на левом берегу Вислы. При этом действия новой 9-й армии, оказывавшейся между фронтовыми группировками, должны были вестись, в зависимости от обстановки, на северном (для Юго-Западного фронта) или южном (для Северо-Западного фронта) стратегических направлениях. Следо-

вательно, войска 9 й армии должны были послужить своеобразным стратегическим резервом, предназначенным для развития наступления на том направлении, где оно удастся.

Однако в связи с тем, что часть пехотных дивизий и без того оставалась в обсервационных армиях, а еще часть не успевала с сосредоточением к началу первых операций, русские силы в первый месяц войны были и без того ограничены. Создание стратегического резерва в таких условиях только ослабляло фронтовые группировки. И при этом, как на грех, корпуса для 9 й армии были «выдернуты» с наиболее ответственных направлений (из 4 й и 1 й армий). Так, успех 3 й и 8 й армий Юго-Западного фронта в сражении на Двух Липах был предопределен и без одного корпуса. Наступление 2 й армии Северо-Западного фронта также вполне могло обойтись без одного корпуса (2 й корпус был отправлен на осаду Летцена, а так бы остался в составе наступающей армии). Иными словами, Ставке было где взять «лишние» корпуса, но взяты они оказались совсем не там, где было можно.

Ю.Н. Данилов впоследствии так характеризовал значение 9 й армии: «Эта армия должна была оставаться временно в руках Верховного Главнокомандующего, который пророчливо предвидел, что в условиях современной войны, войска, уже введенные в операцию, быстро теряют свою наступательную энергию и легко поддаются изнашиванию. Нужны новые силы для развития операции и доведения ее до конца. Названные корпуса и позволили Верховному Главнокомандованию регулировать ход первых боев»⁸¹. Но является неоспоримым фактом, что 1 я и 4 я русская армия были ослаблены на два корпуса (Гвардейский и 1 й армейский), по корпусу на каждую армию. В итоге, по справедливому замечанию А.А. Керсновского, «первое повлекло за собой тактически нерешительный исход Гумбиненского сражения, второе едва не привело под Красником к катастрофе всего Юго-Западного фронта».

Следовало бы решительно притянуть на передовой театр войска 6 й и 7 й армий, прикрывающих, соответственно, псевдовероятную угрозу со стороны Швеции и Румынии, но великий князь Николай Николаевич взял из них лишь часть соединений, предпочитая ослабить уже нацелившиеся против неприятеля фронты в самой преддверии общего решающего наступления. Кроме того, дальневосточные и сибирские корпуса стали отправляться на запад только после того, как окончательно определилась позиция Японии, объявившей 12 августа войну Германии. Представляется, что с выступлением Великобритании на стороне Антанты 22 июля японцы никоим образом не могли уже угрожать Российской империи.

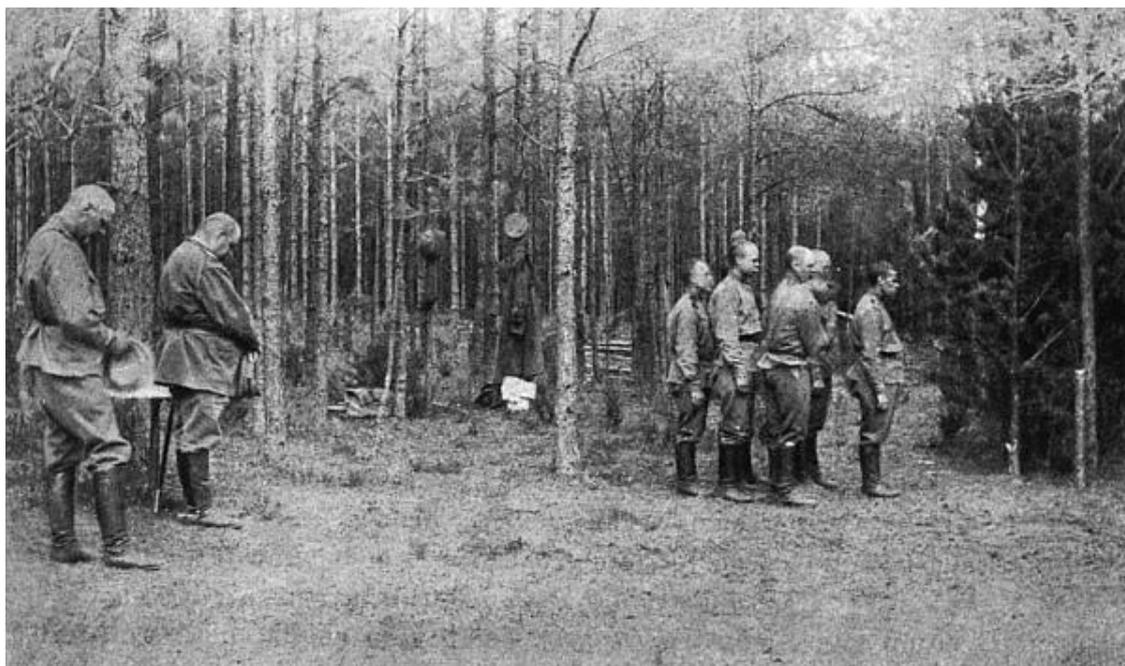
⁸¹ Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Белград, 1923, кн. 4, с. 96—97.

Генерал от кавалерии Александр Васильевич Самсонов. Убит 18 августа 1914 г.

В свою очередь, второочередные дивизии в основной своей массе оставались в тылах фронтов, обеспечивая коммуникации, и были призваны на передовую лишь после первых сражений, исход которых для русской стороны в основном был неудачен. Получилось, что 52 % вооруженных сил Российской империи отправлялось против Австро-Венгрии, 33 % – против Германии, и целых 15 % простаивали зря в наблюдательных 6 й и 7 й армиях. Эти войска были переброшены на фронт, но с опозданием на несколько недель.

В результате распыления сил и средств русские нигде не имели необходимого для решительной победы перевеса над противником, несмотря на то, что главные силы немцев отправлялись на Запад, а Австрия держала три армии против Сербии. Только в ночь на 24 июля австрийцы стали перебрасывать свои войска (2 я армия ген. Э. фон Бем-Эрмолли) из Сербии в Галицию по семи железнодорожным линиям. Поэтому Австро-Венгрия объявила России войну лишь в этот день, 24 июля. В итоге высаженные на Дунае австро-венгерские 4 й и 7 й армейские корпуса, а также 20 я и 23 я пехотные дивизии опоздали к началу Галицийской битвы, позволив русским одержать верх в Галич-Львовской наступательной операции и удержать оборонительный фронт в Люблин-Холмском сражении.

Молебен в лесу в четырех верстах от противника

Помимо прочего, своеобразный план развертывания привел к «перетасовке» корпусов между армиями, затеянной великим князем Николаем Николаевичем, занявшим 20 июля пост Верховного главнокомандующего. В результате австрийцы едва-едва не разгромили северный фас Юго-Западного фронта, а русская победа в Галицийской битве оказалась неполной; в Восточной же Пруссии наступление 1 й и 2 й армий закончилось тяжелейшим поражением, тем более обидным, что мы имели небольшой численный перевес и превосходили противника в качестве войск. Видно, что предвоенные предположения русских военных деятелей не выдержали испытания с самого начала войны.

План русского безоглядного наступления в Восточную Пруссию был принят под давлением французов, отказавшихся от ведения стратегической обороны на первом этапе кампании, что подразумевало генштабистское окружение генерала В.-К. Мишеля до 1911 года. Понятно, что именно французы подтолкнули русскую сторону к самоубийственному броску вперед, еще не закончив сосредоточения.

Перед войной, когда зависимость Российской империи от Франции в финансовом отношении была налицо и даже усугублялась, русский Генеральный штаб до предела снизил сроки готовности русских армий вторжения. Так, начальник Генерального штаба в 1911 – начале 1914 года ген. Я.Г. Жилинский на военной игре 1914 года в Киеве вообще перешел в наступление на десятый день с объявления общей мобилизации, что было просто технически невозможно. В итоге войска 1 й русской армии на данной игре вступали в бой с неприятелем на двенадцатый день с начала мобилизации, а войска 2 й армии – на четырнадцатый.

Таким образом, тесная взаимосвязь первых операций союзников в коалиционной войне должна была остановить победный бег германской военной машины. Впрочем, существуют и иные точки зрения. Так, ген. Н.Н. Головин считает, что ясная позиция русской стороны о невозможности быстрого наступления в Германию вынудила бы французов отказаться от идеи встречного наступления в Эльзас-Лотарингию и сквозь Вогезы. Таким образом, по Головину получается, что русские могли решающим образом повлиять на выбор

метода ведения первых операций у французской стороны – наступление или оборона⁸². Представляется, что мы ничего не могли сделать в этом вопросе.

Другое дело, что, возможно, не стоило столь безоглядно соглашаться с французскими планами. Но, раз уж мы согласились, то, возможно, следовало бы обороняться против австрийцев, передав главную группировку на Северо-Западный фронт. Однако В.А. Сухомлинов и Ю.Н. Данилов, по извечной российской привычке искать компромисс в бескомпромиссной ситуации, попытались совместить условия франко-русских договоренностей с решениями совещания 1912 года, которое проходило в русле идей конца XIX столетия – то есть нанесения приоритетного удара по Австро-Венгрии. В итоге русские армии были достаточно равномерно распылены для наступления на всех фронтах, пусть и с небольшим уклоном против Австрии.

Однако и подразумевалось, что австрийцы большую часть своих сил бросят против России, а немцы – против Франции. В итоге русские везде имели примерно равное с противником соотношение сил и средств, не имея преимуществ ни на одном из стратегических направлений. Результат такого планирования – разрешение исхода первых операций в зависимости от качества войск и воинского искусства командования высших степеней. Нелогичное поражение в Восточной Пруссии и «вымученная» победа в Галиции стали вполне закономерным итогом подобного шатания военной мысли Генерального штаба и военного министерства перед войной.

Русское развертывание было гибким, так как в него заранее включался железнодорожный маневр. В отличие от плана 1900 года, когда части жестко привязывались к пунктам развертывания, теперь русские могли усилить удар на избранном направлении, хотя в нем и участвовали бы те же самые сорок пять процентов всех русских сил и средств, что были намечены и в 1900 году. Основными факторами, определившими специфику развертывания русской действующей армии, стали:

1. Характер начертания западной границы Российской империи с выдвинутым передовым театром («Польским балконом»);
2. Низкие темпы мобилизации и сосредоточения войск;
3. Коалиционный характер войны⁸³.

Размеры перевозок по сосредоточению на государственной границе достигали цифры в 4531 эшелон, без учета запасных частей, ополчения и артиллерийских тыловых учреждений, которые требовали под себя еще 4170 эшелонов. Из этого количества 2562 эшелона (около шестидесяти процентов) располагались западнее линии Санкт-Петербург – Москва – Харьков – Севастополь. Еще 1608 эшелонов – восточнее (16 й, 24 й, 5 й армейские, и 3 й Кавказский корпуса). Из местностей восточнее данной линии должны были подойти 18 % регулярной пехоты, 33 % второочередных дивизий, 30 % кавалерии⁸⁴.

Долговременность русского сосредоточения вынудила невольно применить эшелонированную систему боевых порядков в первых операциях на Висле. Подходившие из глубины страны армейские корпуса включались в уже проводимые операции, придавая военным действиям новый импульс. Но в последующем опыт 1914 года так и не был учтен: до конца Первой мировой войны русские делали ставку на массовый удар максимумом сил в избранном направлении, практически не задействуя своевременное маневрирование силами и средствами между фронтами.

Германия могла рассчитывать на успех военных действий лишь при долгой заблаговременной подготовке войны во всех отношениях: собственно военном в первую голову.

⁸² Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Прага, 1926, с. 72.

⁸³ Алексеев Ю.Г., Флоринский М.Ф. Последняя война императорской России // Вопросы истории, 2003, № 9, с. 161.

⁸⁴ Васильев Н. Транспорт России в войне 1914—1918 гг. М., 1939, с. 31—32.

При этом, следуя элементарной логике, необходимым представлялось условие выбора того момента для развязывания агрессии, когда сама Германия максимально готова к войне, а противники – по возможности не готовы. Речь идет, разумеется, не только о преимуществе в вооружении и силах армии, но и о чрезвычайно благоприятной внутри– и внешнеполитической обстановке, подготовке военной промышленности, организации усилий страны на войну, готовности союзников, потенциально возможного усиления союзников и вероятного ослабления вооруженных сил противников. Исследователи так оценивают эту проблему: «При ограниченных ресурсах стратегического сырья и продовольствия Германия обладала неоспоримым преимуществом перед странами Антанты в индустриальном развитии, особенно в машиностроении, которое играло ведущую роль в производстве оружия и других средств вооруженной борьбы. В этой области перед войной Германия превосходила страны Антанты почти на двадцать процентов, а совместно с Австро-Венгрией – в полтора раза. Это давало возможность с самого начала войны значительно опередить противника не только по темпам, но и по масштабам производства оружия и сразу же создать превосходство в средствах уничтожения его живой силы – основы боеспособности армии. Таким образом, проигрыш в объеме экономического потенциала Германия и ее союзники планировали компенсировать высокими темпами и мобильностью использования тех материальных средств и возможностей, которые имелись у коалиции»⁸⁵.

⁸⁵ Лютов И.С., Носков А.М. Коалиционное взаимодействие союзников: по опыту Первой и Второй мировых войн. М., 1988, с. 13.

Отступление немцев в Восточной Пруссии

Агрессивная и жадная политика Берлина, желавшего в одиночку главенствовать в Европе, вразрез с многовековой практикой принципа «баланса сил», к которому все давно привыкли и считали правильным, сделала мировую войну практически неизбежной. Под-

готовка к Большой войне, начавшаяся еще в XIX столетии и принявшая фактически открытые формы в начале XX века, почти наверняка должна была получить по своему окончании эту самую Большую войну в Европе. И чем дальше, тем больше немецкая верховная власть оказывалась заложницей собственной политики: колебания кайзера 15 – 18 июля 1914 года были с негодованием отвергнуты германской военщиной, а предостережения адмирала А. фон Тирпица, единственного, кто рассуждал здраво и указывал на настоящего германского врага, предписываемого логикой экономической и геополитической борьбы, пропали втуне.

Поэтому и инициатива ведения собственно боевых действий находилась в руках Германии: во-первых, потому, что именно она собиралась развязать войну и пересмотреть результаты колониального раздела мира. Во-вторых, вследствие своего географического положения, которое давало возможность переноса центра тяжести военных усилий с Запада на Восток и обратно, от чего зависели действия стран Антанты на континенте. Именно исходя из неизбежности ведения войны на два фронта и строилось оперативно-стратегическое планирование немецкого Большого Генерального штаба на протяжении десятилетий.

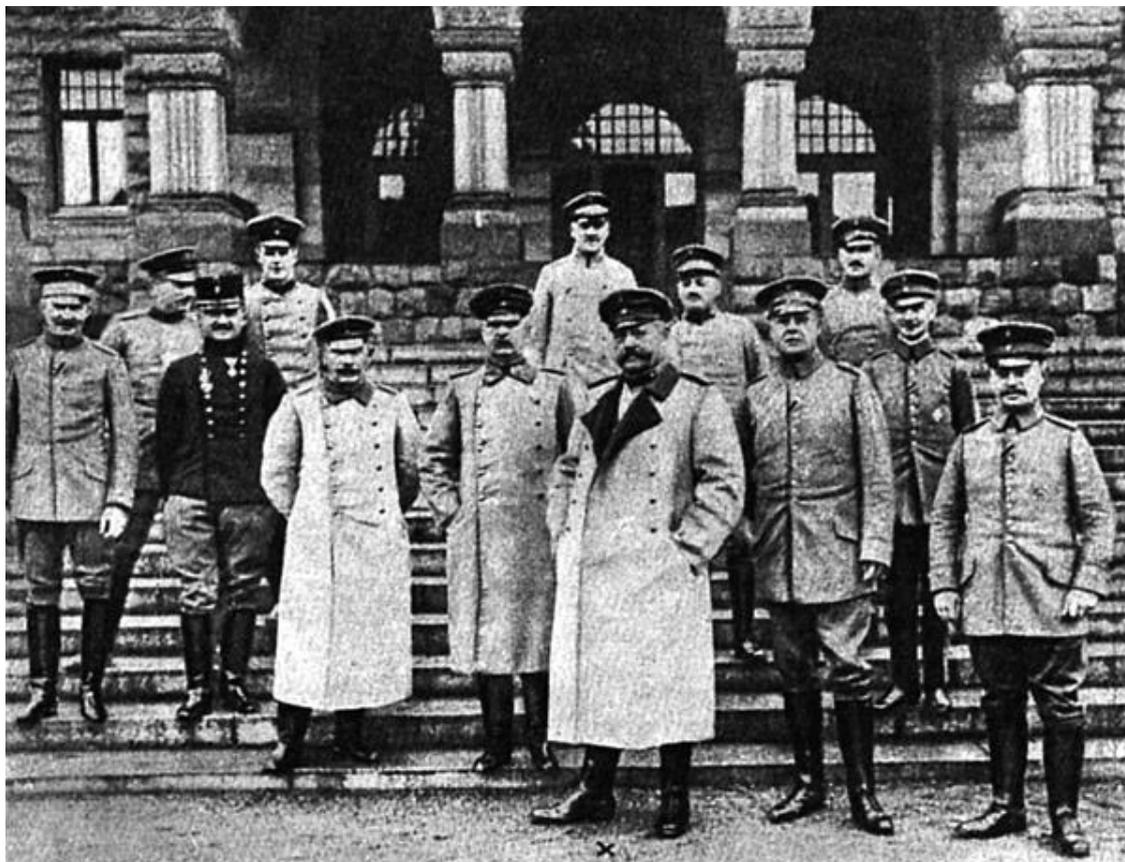
В свое время фельдмаршал Х. Мольтке-старший предполагал вести войну «на измор», не надеясь покончить ни с Россией, ни с Францией в короткие сроки. Такой подход диктовался относительно низкой мобильностью сил и невысоким уничтожающим действием средств ведения войны. Но уже его преемник на посту начальника Большого Генерального штаба граф А. фон Шлиффен, опираясь на многократно возросшую мощь германской индустрии и вооруженных сил по сравнению с концом XIX столетия, принял на вооружение наполеоновскую стратегию сокрушения, чтобы за сорок дней вывести Францию из войны. После быстрой победы над Францией предполагалось перенести основные усилия на Восток и совместно с австро-венгерскими армиями разгромить русских.

Поэтому свою деятельность на посту начальника германского Генерального штаба ген. А. фон Шлиффен всецело посвятил разработке кампании на Западе, справедливо полагая, что в случае победы над Францией исход Восточной кампании будет решен уже только простым соотношением сил. Даже в период Русско-японской войны и последовавшего после Первой Русской революции ослабления российских вооруженных сил генерал Шлиффен не изменил своего оперативно-стратегического планирования, заключавшегося в обходе французских армий сильным правым крылом через Бельгию, отбрасывание французов за Париж к германской границе и их полное уничтожение в грандиозном Приграничном сражении за срок, не превышавший шести недель со дня вступления в войну. Военно-политическое руководство Германии превосходно сознавало, что в случае войны с Россией союзница русских – Франция – будет вынуждена в любом случае выступить против Германии, так как в случае разгрома Российской империи французы оказались бы один на один против коалиции Центральных держав, не имея ни единого шанса на победу.

Однако определенные военные, придворные, финансовые, помещичьи круги не желали пожертвовать чем-либо, чтобы выиграть всю войну. Дело в том, что «План Шлиффена» во имя достижения решительной победы во Франции предполагал оставление в Эльзас-Лотарингии (той самой области, которая и являлась «яблоком раздора» между Германией и Францией) и в Восточной Пруссии лишь небольших заслонов, долженствовавших вести активную оборону, по сути, без надежды на успех. То есть временная оккупация этих областей допускалась Шлиффеном как своеобразный «подкидной», как жертва, чтобы выиграть войну. Но, ослепленные мощью германского сухопутного меча, оппоненты А. фон Шлиффена не желали замечать, что блицкриг есть дело тщательно выверенное и рассчитанное, – тем более в условиях войны на два фронта.

В итоге давление прусских помещиков-юнкеров и промышленников Рура вынудило кайзера Вильгельма II 1 января 1906 года отправить графа Шлиффена в отставку. Бесспорно, что обстановка несколько изменилась: существенное развитие получила железнодорожная

сеть, увеличилась огневая мощь войск, возросло значение промышленной базы Рура и т.д. Но все-таки за шесть недель ни французы не успевали выйти в тыл германских армий через Эльзас-Лотарингию, ни русские – испепелить Восточную Пруссию и дойти до Берлина.

Генерал Гинденбург (в центре). Слева от него начальник его штаба генерал Людендорф

Тем не менее после отставки графа А. фон Шлиффена «План Шлиффена» претерпел кардинальные изменения в том отношении, что теперь немцы стремились закрыть все бреши и не допустить врага на свою территорию. Поэтому, как говорит А.А. Свечин, преемники генерала Шлиффена – прежде всего его непосредственный преемник ген. Х. Мольтке-младший – «стремились и осуществить план Шлиффена, и уберечь каждую пядь германской земли от неприятельского вторжения. Они являлись в одно и то же время представителями идеи стратегии сокрушения и стратегии измора, несовместимых по самой природе своей»⁸⁶.

Отныне задачей германского Большого Генерального штаба после отставки графа А. фон Шлиффена стала разработка такого планирования военных действий, чтобы враг нигде не мог вступить на немецкую землю. Именно поэтому восточнопрусская и лотарингская группировки получали существенное приращение сил по новому планированию. Ясно, что такой подход не только лишал все-таки оставленный на вооружении «План Шлиффена» главных козырей, но и не позволял германскому руководству использовать шлиффеновское планирование в должной мере. Ведь тем самым ослаблялась главная группировка сил в Бельгии, сосредотачиваемых для сокрушительного удара по Франции, ибо невозможно быть сильными повсюду. Погоня же за двумя зайцами привела к проигрышу войны.

⁸⁶ Постижение военного искусства. Идеиное наследие А. Свечина. М., 2000, с. 237—239.

Восточно-Прусская наступательная операция 4.08 – 2.09.1914

Оперативно-стратегическое планирование начала войны в Российской империи носило активный наступательный характер. Признавалось необходимым одновременно наступать и против Австро-Венгрии, и против Германии. При этом полагалось предпочтительным вести наступление в Галицию и держать оборону на русско-германской границе вплоть до окончания русской мобилизации. Противодействие союзников германскому «Плану Шлиффена» заключалось как раз в том, чтобы оттянуть на Восток возможно большее количество немецких войск, дабы не допустить поражения Франции. Поэтому российский план войны предусматривал вторжение двух русских армий в пределы Восточной Пруссии. Характерно, что русские планы были жестко детерминированы операциями на франко-германском фронте, а сроки начала операций на Востоке являлись производными от сроков развертывания боевых действий на Западе.

Задачу наступления в Восточную Пруссию с целью ее очищения от противника и дальнейшего продвижения до Нижней Вислы получил Северо-Западный фронт ген. Я.Г. Жилинского. В состав фронта входили 1 я армия ген. П.К. Ренненкампа (около ста тысяч пехоты и сабель при четырехстах орудиях) и 2 я армия ген. А.В. Самсонова (до ста сорока тысяч человек при семистах орудиях). Со стороны немцев Восточную Пруссию прикрывала 8 я армия ген. М. фон Притвица унд Гаффрона и крепостные гарнизоны. Общая численность германских войск вместе с гарнизонами – около двухсот тысяч человек при тысяче с небольшим орудий.

Русские армии наступали порознь, в обход Мазурских озер (1 я армия от линии реки Неман, с востока; 2 я армия от линии реки Нарев, с юга), где немцами был создан сильный крепостной район. Наступление русских армий на различных направлениях в итоге означило вторжение русских в Восточную Пруссию не как фронтовую операцию, в которой армии связаны общностью цели и взаимной поддержкой, а как две разрозненные армейские операции⁸⁷.

С утра 4 августа, на шестнадцатый день с объявления войны, войска 1 й армии стали переходить государственную границу. Против генерала Ренненкампа были развернуты основные силы германской 8 й армии. В этот же день 1 й германский корпус был отброшен от Сталлупенена, и воодушевленные первым успехом русские бросились вперед. 7 августа развернулось первое значительное сражение на Восточном фронте – под Гумбинненом, где 8 я германская армия потерпела первое поражение. Известие о выдвигении 2 й русской армии к государственной границе побудило командарма-8 начать отход в глубь Восточной Пруссии.

В 21 час 7 августа генерал Притвиц, ошеломленный результатами Гумбинненского сражения, отдал приказ об отступлении за Вислу – то есть об очищении Восточной Пруссии. Поздно вечером 8 августа, когда под давлением собственного штаба опомнившийся от первоначальной паники генерал Притвиц уже переменял свое решение и приступил к разработке операции против 2 й русской армии, начальник германского Генерального штаба ген. Х. Мольтке-младший предложил кайзеру сменить командование 8 й армией.

В итоге 10 августа на Восточный фронт прибывает новое командование – ген. П. фон Гинденбург и его начальник штаба ген. Э. Людендорф. Этим людям предстоит командовать Восточным фронтом до середины 1916 года, после чего они возглавят Верховное командование Германии, а значит, и всего Центрального блока. Впоследствии оба генерала сыграют

⁸⁷ Строков А.А. История военного искусства. М., 1994, т. 5, с. 323—324.

чрезвычайно важную роль в передаче высшей власти в Германии национал-социалистскому режиму А. Гитлера.

Само по себе назначение Гинденбурга и Людендорфа уже означало, что они обязаны наступать во что бы то ни стало и отразить русское вторжение в Восточную Пруссию. А так как единственным наработанным шаблоном для действий германских войск в этом районе были данные предвоенных полевых игр графа Шлиффена, то действия Гинденбурга во многом были заранее запрограммированы данным обстоятельством: после отхода немцев перед 1 й русской армией операция на окружение предполагалась против 2 й русской армии. То есть в результате неудачи под Гумбинненом и последовавшего вслед за этим отступления перенести удар на русскую 1 ю армию уже не представлялось возможным: в этом случае русские действительно брали немцев в клещи.

Генерал-адъютант Н.И. Иванов

Между тем медленно двигавшаяся к германской границе 2 я армия ген. А.В. Самсонова официально включала в себя шесть армейских корпусов (из которых один вскоре убыл в 1 ю армию (2 й корпус)) и три кавалерийские дивизии. Таким образом, на бумаге 2 я армия

представляла собой внушительную силу, способную если и не разбить в одиночку 8 ю германскую армию, то как минимум успешно ей противостоять. На деле перспективы наступления 2 й армии выглядели вовсе не так радужно.

Во-первых, 1 й армейский корпус находился в непосредственном подчинении Ставки Верховного главнокомандования. Назначенный главкомверхом, дядя царя, великий князь Николай Николаевич, рассчитывая открыть третье операционное направление (на Берлин), категорически запретил продвижение 1 го армейского корпуса севернее городка Сольдау, находившегося на левом фланге наступавшей 2 й армии. Верховный главнокомандующий посчитал, что, располагаясь в Сольдау, 1 й корпус и так сумеет прикрыть фланг 2 й армии ген. А.М. Самсонова.

Во-вторых, 6 й армейский корпус также выпадал из распоряжения генерала Самсонова, подчиняясь напрямую главнокомандующему армиями фронта ген. Я.Г. Жилинскому, который двигал войска комкора-6 ген. А.А. Благовещенского на север, на Бишофсбург, рассчитывая где-то там соединиться с частями 1 й армии. А так как конница, в свою очередь, обеспечивала фланги фактически не подчинявшихся генералу Самсонову корпусов, то ясно, что командарм-2 не мог руководить действиями своей кавалерии в должном объеме. Центральные же корпуса почти не имели корпусной конницы, а следовательно, не имели и разведки.

В итоге выходит, что фактически ген. А.М. Самсонов командовал только центральными корпусами (23 м (в составе одной пехотной дивизии), 15 м и 13 м), стремившимися перерезать железную дорогу Кенигсберг – Алленштейн – Остероде – Торн, чтобы совместно с 1 й армией окружить всю германскую восточнопрусскую группировку. Итого – пять пехотных дивизий вместо тех девяти пехотных и трех кавалерийских дивизий, что числились «на бумаге». В таком варианте численность войск А.В. Самсонова резко уступала неприятелю, не говоря уже об артиллерии. И чем дальше на север двигались войска генерала Самсонов, тем больше «провисали» их фланги, подставляя свои тылы под удар противника, задолго до войны подготовившегося к проведению как раз такой операции по разгрому русской Наревской армии.

В свою очередь, генерал Людендорф, фактически руководивший действиями немцев, превосходно сознавая мощь русских перволинейных дивизий, сразу же понял, что сражение с обеими русскими армиями одновременно грозит ему поражением. Таким образом, следовало бить русских поодиночке, пользуясь тем преимуществом в маневре, что предоставляла в руки немцев заблаговременно подготовленная оборонительная система Восточной Пруссии: железнодорожная сеть, система складов, укрепленные районы.

Полковник князь Эристов и ротмистр барон Врангель после взятия батареи у деревни Каушен, в Восточной Пруссии. Оба награждены орденом Св. Георгия 4 й степени

Генерал-адъютант Н.В. Рузский

План штаба 8 й армии устанавливал: 17 й армейский и 1 й резервный корпуса сдерживают продвижение русской 1 й армии, в то время как 20 й армейский, 1 й армейский и Сводный (части гарнизонов крепостей Торна, Кульма, Грауденца и Мариенбурга) корпуса готовятся обойти 2 ю русскую армию с левого фланга. При этом 20 й и Сводный корпуса непосредственно противостоят центральным русским частям, а 1 й корпус производит обходной маневр через район Сольдау – Уздау с последующим выходом в тыл 2 й русской армии. В случае же если 1 я армия русских не озаботится быстрым преследованием отходящей главной немецкой группировки, то 2 я русская армия берется в кольцо двойным охватом. Именно так эту операцию разрабатывал еще граф А. фон Шлиффен, и именно здесь немцам с русской стороны «подыграли» Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич и главкосевзап ген. Я.Г. Жилинский, подчинившие самим себе фланговые корпуса 2 й армии.

Обеспокоенное обозначившейся возможностью очищения Восточной Пруссии, Верховное германское командование 8 августа, одновременно с назначением Гинденбурга и Людендорфа, распорядилось о первых перебросках с Запада на Восток. Главной причиной этого решения стали колебания германского военно-политического руководства в связи с

успешным вторжением русских в немецкие пределы. Поражение под Гумбинненом от 1 й русской армии, подкрепленное успехами 2 й русской армии у Орлау – Франкенау, побудили ген. Х. Мольтке-младшего перестраховаться. Три армейских корпуса были изъяты из группировки, дравшейся во Франции (при этом два корпуса – из ударного правого крыла), и двинуты для посадки в эшелоны. Гвардейский резервный и 11 й армейский корпуса прибыли к Гинденбургу уже после поражения 2 й русской армии, но при их активном участии из Восточной Пруссии была выбита 1 я армия. 5 й армейский корпус был затем возвращен на французский фронт, но опоздал к началу битвы на Марне.

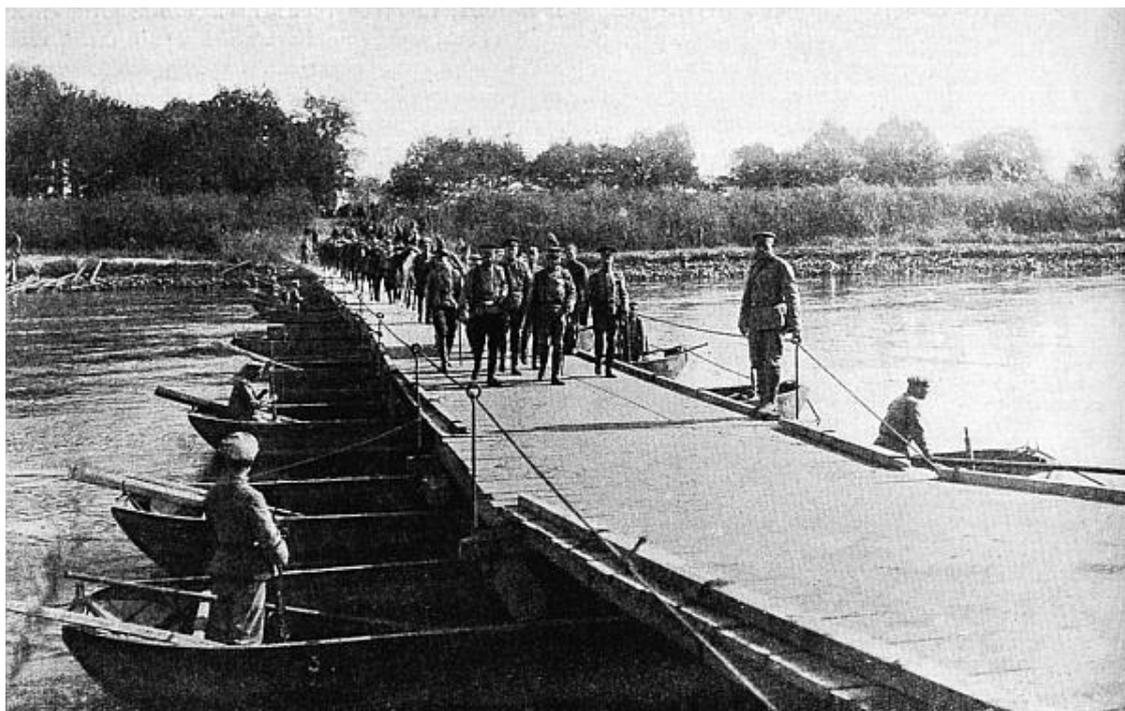
Таким образом, наступление русских в Восточную Пруссию ослабило германцев на Западном фронте накануне решительного сражения и в самом ответственном участке фронта. Генерал Людендорф – один из наиболее верных и последовательных учеников графа Шлиффена – больше своего главнокомандования опасался за судьбу решающего сражения, отказываясь от помощи. Но наплыв беженцев в Берлин и давление определенных политических, финансовых и придворных кругов вынудили ген. Х. Мольтке-младшего послать на Восток подкрепления с Запада. По иронии судьбы, эти войска были взяты с главного направления, на котором решалась судьба всей войны, ибо выигрыш битвы на Марне отдавал немцам Париж и Францию⁸⁸.

11 августа 1 я русская армия, подчиняясь директивам штаба Северо-Западного фронта, начала свое движение на крепость Кенигсберг по обоим берегам реки Прегель, тем самым еще более отдаляясь от 2 й армии. П.К. Ренненкампф донес Я.Г. Жилинскому, что 1 й и 17 й германские корпуса, скорее всего, отступают в крепость: командарм-1 стал инициатором движения на Кенигсберг, а главнокомандующий войсками фронта поддержал его. В итоге на юг из состава многочисленной кавалерии 1 й армии (до двадцати тысяч сабель) отправился только слабый конный отряд ген. В.И. Гурко.

Как только выяснилось движение войск генерала Ренненкампфа на Кенигсберг, Э. Людендорф приступил к организации маневра по двойному охвату армии Самсонова. На направлении движения войск 1 й русской армии были оставлены всего-навсего кенигсбергская ландверная дивизия с северного фланга и две кавалерийские бригады, отступавшие завесой по фронту. Все прочие силы были брошены на юг, против 2 й русской армии. 10 августа Гинденбург отдал директиву по производству необходимой перегруппировки для нового сосредоточения, которая должна была происходить на ходу, еще до выхода войск в район операции. В этот же день, 10 августа, штаб 2 й армии, встревожившись упорным сопротивлением противника в бою у Орлау – Франкенау, запросил штаб фронта о подкреплении левого фланга армии. Пока подкреплений не было, ген. А.М. Самсонов попросил поддержать темпы наступления. Ответом главкосоэвапа ген. Я.Г. Жилинского стало обвинение Самсонова в трусости: «Видеть неприятеля там, где его нет – трусость, а генералу Самсонову быть трусом я не позволю!»⁸⁹

⁸⁸ См. Оськин М.В. Крушение германского блицкрига в 1914 году. Марна – Гумбиннен. М.: Цейхгауз, 2007.

⁸⁹ Цит. по: Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994, т. 3, с. 190.

Переправа через реку Сан. 2 сентября 1914 г.

Теперь 2-я армия, подстегиваемая своим оскорбленным начальником, бросилась вперед без оглядки, навстречу гибели. 20-й германский корпус отходил перед 2-й армией на северо-запад, по направлению к Остероде. Центральные русские корпуса бросились за ним, полагая, что настигают главные силы противника, и тем самым подставили свой правый фланг и тыл подходившим с северо-востока неприятельским 17-му и 1-му резервному армейским корпусам. Левый же фланг, куда выходил германский 1-й армейский корпус, «провисал» вследствие распоряжения Ставки не продвигать 1-й корпус севернее Сольдау.

Пока русские надеялись организовать разгром неприятеля, немцы уже приступили к проведению маневра на окружение, пропагандировавшегося графом А. фон Шлиффеном под наименованием «Канн». Германский 1-й армейский корпус ген. Г. фон Франсуа 13 августа перешел в наступление против русского 1-го корпуса в районе Уздау. Франсуа намеревался отбросить русских за Сольдау, чтобы открыть себе прямую дорогу в тыл всей русской 2-й армии. Кроме комкора-1 ген. Л.К. Артамонова, сейчас никто другой не мог прикрыть фланг, оголившийся в ходе погони за германским 20-м корпусом к Остероде. И именно поэтому 1-й армейский корпус должен был удерживать свои позиции во что бы то ни стало, вплоть до того момента, как решится успех в центре.

Сражение 1-го корпуса у Уздау – Сольдау стало ключом ко всей операции: владение этой позицией давало победу. Но здесь свою роковую роль сыграла сама личность комкора-1, который приказал отступить за Сольдау, не исчерпав всех своих возможностей для сопротивления, за пять минут до того доложив командарму, что «держится как скала». Командир корпуса был немедленно отрешен от должности, и ген. А.М. Самсонов приказал 1-му корпусу «во что бы то ни стало удерживать позиции впереди Сольдау». Запоздалая попытка контр-удара, организованная сменившим Артамонова генералом Душкевичем и представителем штаба армии полковником Крымовым, провалилась. И тут же генерал Самсонов, решивший, что в такой момент его место в войсках, сообщил штабу фронта, что 1-й армейский корпус

отступил, а сам командарм-2 выезжает в центр, снимая аппарат Юза, служивший для связи с Я.Г. Жилинским⁹⁰.

В это время на правом крыле 2 й армии 6 й армейский корпус и приданная ему 4 я кавалерийская дивизия потерпели поражение севернее Бишофсбурга от германских 17 го и 1 го резервного корпусов. При этом комкор-6 ввел в дело только половину сил, а после их отхода под давлением неприятеля приказал отступать всему корпусу. Итак, русское фланговое прикрытие, вследствие малодушия корпусных командиров, рухнуло. Теперь немцы получили возможность двойного охвата русских флангов, что создавало им условия для полного уничтожения центральных корпусов 2 й русской армии.

Пока 15 й армейский корпус генерала Мартоса и 23 й армейский корпус генерала Кондратовича в упорных боях теснили германский 20 й корпус, 13 й армейский корпус генерала Ключева спокойно продвигался вперед, занял Алленштейн и только теперь был остановлен для оказания поддержки соседям. Поздно вечером 14 августа Гинденбург, убедившись в невозможности окружения всей русской армии, приказал окружить только 13 й и 15 й русские корпуса.

И лишь теперь русское командование, не сумев пробиться к железной дороге, прорезавшей всю Восточную Пруссию с запада на восток, и зная, что в тыл армии с обоих флангов заходят германские группировки, было вынуждено приступить к возможно более быстрому отступлению, чтобы спасти войска. Вечером 15 августа общее командование отступавшими корпусами было возложено на комкора-15 ген. Н.Н. Мартоса, но тот попал в плен с оружием в руках в самом начале общего отхода. 16 августа, уже не имея возможности пробиться на юг, через Нейденбург, русские корпуса отступали на юго-восток, к Вилленбергу. К сожалению, отрезанный от главных сил командарм-2 ген. А.М. Самсонов не сделал попытки объединить действия всех трех корпусов для массивного прорыва. Вместо этого он пытался проскользнуть из окружения только со штабом, через леса, где, страдая от болезни, и застрелился, не вынеся позора поражения (штаб вышел из «котла»).

Комкор-13 генерал Ключев во главе четырехтысячного авангарда, за которым следовало еще пятнадцать тысяч штыков, сдался перед последней линией германского кольца. К вечеру 17 августа немцы замкнули кольцо окружения, а Людендорф приступил к частичной перегруппировке сил против 1 й русской армии. 17 й германский корпус запер все выходы из Грюнфлиссского леса, где и капитулировали остатки трех русских армейских корпусов. Как впоследствии писал сам П. фон Гинденбург, «надо было одержать над Самсоновым не простую победу, а уничтожить его, чтобы иметь свободные руки против Ренненкампа. Только таким образом мы могли очистить Восточную Пруссию и получить свободу для дальнейших действий по оказанию помощи австрийцам в решительных битвах в Галиции и Польше».

Как пишет исследователь сражения, «вся операция 2 й армии разыгрывалась без непосредственного влияния на нее русского командования, узнававшего о происходящих оперативных событиях задним числом и поэтому лишенного возможности быть действующим фактором, вызывающим события своими оперативными распоряжениями»⁹¹. Действительно, практически в ходе всей операции против Самсонова немцы владели инициативой действий, навязывая их русским. Но порыв русских войск был столь велик, что судьба сражения 13 – 14 числа висела на волоске, и лишь поведение генералов Артамонова и Благовещенского, не сумевших стоять и умирать, дало победу немцам. Общие потери 2 й армии составили около восьми тысяч человек убитыми, двадцать пять тысяч ранеными и до восьмидесяти тысяч пленными (в это число вошли почти все раненые). Противник захватил

⁹⁰ Восточно-Прусская операция. Сборник документов империалистической войны. М., 1938, с. 296.

⁹¹ Иссерсон Г. Канны мировой войны (гибель армии Самсонова). М., 1926, с. 89.

также до пятисот орудий и двести пулеметов. Потери немцев составили всего-навсего около тринадцати тысяч человек.

Известие о поражении в Восточной Пруссии произвело «крайне тяжелое впечатление» в тылу: «первое серьезное столкновение наших войск с германской армией окончилось такой крупной неудачей... а мы все так были уверены в нашей победе»⁹². Разгром в первой операции против немцев породил «германобоязнь» не только на фронте, но и в тылу. Но гибель русской армии не была напрасной.

Главной задачей армий Северо-Западного фронта стояло оттягивание германских войск из Франции на Восток. Единственная реальная поддержка французов заключалась в *скорейшем* и *безостановочном* продвижении русских в глубь германской территории, чтобы вынудить германское Верховное командование потерять голову и начать переброски с Запада. Ген. А.В. Самсонов был обречен на наступление, отлично понимая, что противник, если захочет, все равно успеет уйти, воспользовавшись железнодорожным фактором. Поэтому генерал Самсонов был одновременно обречен и на вполне вероятное поражение, в случае перегруппировки германцев против 2 й армии, как это подразумевалось отработанным до войны оперативным планированием ген. А. фон Шлиффена.

Конечно, тяжелого поражения было возможно избежать. Русский Генеральный штаб недооценил силу и масштабы сопротивления немцев в сражениях за Восточную Пруссию. Оперативное планирование ген. Ю.Н. Данилова, перед войной разрабатывавшего первые операции русских армий, имело массу изъянов и недостатков. Неслучайно многие русские военачальники (в том числе и ген. М.В. Алексеев) высказывались против этой операции, справедливо считая ее авантюристической.

Многие предлагали сосредоточить главную массу сил против Австро-Венгрии, чтобы вывести ее из войны, однако поражение австро-венгерских армий в Галиции никоим образом не может быть приравнено к капитуляции Франции под Парижем. Русские *не могли не наступать* в Восточную Пруссию крупными силами: к этому русскую армию вынуждала общесоюзная стратегия, ибо мировая война неизбежно носила общекоалиционный характер. Так что совершенно прав А.А. Керсновский: «Идея удара по Германии была правильна. Для общего хода войны важно было облегчить французов как можно скорее, а этой срочности можно было добиться лишь непосредственным ударом войсками Северо-Западного фронта... Историческое оправдание поспешного восточнопрусского похода именно в том, что он заставил Германию ослабить армии Бюлова и фон Гаузена уже на 21 й день мобилизации. Действия Северо-Западного фронта должны были быть энергичными и должны были создать у немцев впечатление о колоссальном перевесе наших сил».

Но еще оставалась 1 я русская армия, и немцы, вместо обещанной австрийцам помощи, продолжают вытеснять русских из Восточной Пруссии. Это – несмотря на то, что в Галиции судьба сражения повисла на волоске. 22 августа немцы (напомним, что Гинденбург получил два корпуса и кавалерийскую дивизию из Франции) начали наступление против 1 й русской армии по обеим сторонам Мазурских озер. Превосходство в силах позволило Гинденбургу несколько раздробить свои силы, чтобы осуществить охват русских с юга. Частными, но непрерывными ударами немцы стали поочередно сбивать корпуса 1 й русской армии, отбрасывая их к северу, чтобы окружить и войска ген. П.К. Ренненкампа.

Противник легко обошел левый фланг русских вокруг Мазурских озер и отрезал 1 ю армию от Среднего Немана, где в это время формировалась 10 я русская армия. В ночь на 27 августа, по приказу командарма, 1 я армия стала медленно, с боями, отступать перед противником. И только теперь главнокомандующий фронтом разрешил безостановочный отход к Среднему Неману. К 30 августа 1 я армия окончательно выскользнула из намечавшегося

⁹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р-5956, оп. 1, д. 357, л. 32

окружения. К 6 сентября ген. П.К. Ренненкампф отступил за Неман. Потеряв практически все склады и обозы, генерал Ренненкампф успел вытащить большую часть людей: Э. Людендорфу не удалось создать ни одного «мешка» для войск 1 й армии.

Ивангород. 1. Великий князь Николай Михайлович. 2. Генерал-майор фон Шварц. 3—4. Ординарцы коменданта. 5. Адъютант великого князя. 6. Офицер, охраняющий мост. 7. Генерал-майор Попов

Но потери войск все равно были огромными: при отступлении из Восточной Пруссии 1 я армия потеряла более ста тысяч человек, большую часть из которых – пленными. Как справедливо замечает отечественный исследователь, «провал Восточно-Прусской операции был обусловлен издержками военной теории, характерной для всей Первой мировой войны и всех ее участников. Это был крах исходных представлений о войне, проявившийся у немцев в “Плане Шлиффена”, у французов – в “Плане № 17”, у русских – в расчетах на обязательную скорую победу. Следствием этого стали события на Марне, в Восточной Пруссии, Галиции. Ни один из стратегических расчетов воюющих держав не оправдался»⁹³.

Но главное было сделано. Провал германского блицкрига, вследствие отсутствия нескольких десятков тысяч штыков и сабель на Марне в критический фазис битвы за Францию, стал решающим итогом Восточно-Прусской наступательной операции русских армий Северо-Западного фронта. Именно в этом и состоит главное значение Восточно-Прусской операции.

⁹³ Золотарев В.А. Уроки прибалтийской драмы //Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998, с. 577.

Галицийская битва 5.08 – 8.09.1914⁹⁴

Русское развертывание армий Юго-Западного фронта, которым командовал ген. Н.И. Иванов при начальнике штаба ген. М.В. Алексееве, направляемое против Австро-Венгрии, заключалось в образовании двух крыльев по две армии каждое:

Северное крыло: 4 я армия ген. А.Е. Зальца (109 000 чел. при 426 орудиях) и 5 я армия ген. П.А. Плеве (147 000 чел. при 456 орудиях) располагались на северном фланге, на Люблин-Холмском направлении;

Южное крыло: 3 я армия ген. Н.В. Рузского (215 000 чел. при 685 орудиях) и 8 я армия ген. А.А. Брусилова (139 000 чел. при 472 орудиях) располагались на южном фланге, на Галич-Львовском направлении.

Генерал-майор фон Шварц раздает Георгиевские кресты и медали гарнизону крепости Ивангорода 17 октября, на 4 й день после отступления германцев

⁹⁴ См. также: Оськин М.В. Галицийская битва. Август 1914. М.: Цейхгауз, 2006.

Оба русских крыла вступили в бой порознь, лишь через десять дней объединив свои усилия воедино. В качестве задач на первые операции фронтам было поставлено безоговорочное наступление, так как, во-первых, требовалось помочь союзникам; во-вторых, стратегическая оборона в Генеральных штабах всех стран считалась мерой, с неизбежностью ведущей к катастрофе.

Согласно предвоенному планированию, крылья Юго-Западного фронта, сходясь внутренними флангами к столице австрийской Галиции Львову, должны были сжать противника, который, как предполагало русское командование, сосредоточивался к востоку от реки Сан, в Галиции. Маневр на окружение осуществляли 3 я и 5 я армии из районов Холм и Дубно, а 8 я и 4 я армии обеспечивали главный маневр с флангов. Главные силы сковывали противника возле Львова, проводя фланговый маневр, а 4 я и 8 я армии обходили неприятеля на всю глубину расположения и замыкали второе окружение. Таким образом, армии Юго-Западного фронта должны были взять главные силы неприятеля в кольцо, после чего уничтожить их.

Между тем оперативное планирование для Юго-Западного фронта имело в своей основе данные о стратегическом развертывании противника, полученные в 1912 году. Тогда русская разведка получила эти сведения от завербованного ею полковника австрийского Генерального штаба А. Редля. Вскоре Редль был раскрыт и застрелился, но русские продолжали считать данные 1912 года неизменными. Между тем в 1914 году, незадолго до начала войны, начальник австрийского Генерального штаба ген. Ф. Конрад фон Гетцендорф изменил план развертывания. Теперь главные силы противника располагались севернее Карпат, между Вислой и крепостью Перемышль. В Галиции же находилась только одна армия прикрытия (3 я). Конрад рассчитывал разбить русскую правофланговую группировку прежде, чем его 3 я армия будет разбита в Галиции. После этого он готовился наступать на Средней Висле на незащищенную Варшаву, для соединения с немцами.

Согласно измененным планам австрийской стороны, главный удар наносился на Люблин силами 1 й армии ген. В. фон Данкля (228 000 чел. при 468 орудиях) и 4 й армии ген. М. фон Ауффенберга (250 000 чел. при 462 орудиях) при поддержке армейской группы ген. Г.-Р. Куммера (50 000 чел. при 106 орудиях) и германского ландверного корпуса ген. Р. фон Войрша (30 000 чел. при 72 орудиях). Таким образом, здесь неприятель имел более чем двойной перевес над русскими.

Со стороны Галиции правый фланг главных сил обеспечивался 3 й армией ген. Р. фон Брудермана (160 000 чел. при 482 орудиях) и армейской группой ген. Г. Кевесса фон Кевессага (с 10 августа – 2 я армия ген. Э. Бем-Эрмолли) (70 000 чел. при 448 орудиях).

То есть русские ждали удара из Галиции, где и планировали окружить двойным охватом главные силы неприятеля, а в действительности австрийцы наступали основной группировкой на Средней Висле, имея решающее превосходство на направлении главного удара. В связи с этим напомним, что, согласно предвоенной договоренности германского и австро-венгерского Генеральных штабов, австрийцы обязывались отвлечь на себя возможно большее количество русских сил, чтобы предоставить немцам возможность осуществления блицкрига на Западе.

Таким образом, наступление русских армий Юго-Западного фронта, исходившее из измененного плана противника (об этих изменениях русская разведка узнать не смогла), с самого начала было впустую. Теперь уже противник намеревался диктовать условия борьбы. Русская конница Юго-Западного фронта, несмотря на свое подавляющее превосходство в силах, также не сумела вскрыть новой дислокации австро-венгерских армий.

Николай II в ставке Верховного главнокомандующего. 22 сентября 1914 года

В окопах

Действия противостоящих сторон в Галиции привели к встречным сражениям по всему фронту, в своей совокупности получившим название Галицийской битвы. На первом

этапе битвы общее сражение разделилось на две операции на фасах фронта. Затем, после преодоления русскими войсками кризиса в сражении, битва вновь стала единым целым.

В связи с тем что в начале войны часть австро-венгерских сил увязла в Сербии, 2 я австрийская армия была переброшена в Галицию с запозданием. В противном случае Конрад имел возможность начать операцию на пять суток раньше, имея при этом на семь пехотных дивизий больше. Это обстоятельство позволяло ему отбросить русских к 18 – 19 августа (разгром 2 й русской армии ген. А.В. Самсонова) с линии Люблин – Холм на Средний Буг, с учетом того, что русский Северо-Западный фронт перешел к обороне в Восточной Пруссии и также требовал подкреплений.

Австрийцы решительно пошли вперед, на Люблин. В бою 9 – 10 августа 1 я австрийская армия генерала Данкля разбила правый фланг русской 4 й армии в районе Красника и затем стала теснить ее по всему фронту, совершая непрерывное захождение своим левым крылом. Русский 14 й армейский корпус, понеся в сражении 10 августа большие потери, был отброшен назад на тридцать верст. Теперь его удаление от Вислы вместо десяти верст возросло до двадцати пяти. Именно сюда, в образовавшийся разрыв в оборонительном фронте, и бросились 12 я австрийская пехотная дивизия, армейский корпус Куммера и ландверный корпус Войрша.

Русские 4 я и 5 я армии, стремясь сохранить единство обороны, растягивали свои фланги, что позволяло неприятелю вклиниваться в расположение русских и вынуждать их отступать все дальше на северо-восток, чтобы не дать себя окружить. Идущая на выручку соседу русская 5 я армия попала под удар 4 й австрийской армии и оказалась втянутой во встречное сражение, в ходе которого потерпела поражение и также стала отступать. Переоценив свой успех, Конрад, вместо того, чтобы добить русских, взяв их в «клещи», поспешил приступить к перегруппировке на Краноставское направление. Между тем 4 я русская армия сжалась к Люблину, но сменивший барона Зальца ген. А.Е. Эверт наносил постоянные контрудары на своем правом фланге, чтобы не дать неприятелю возможности разорвать общий фронт обороны северного фаса Юго-Западного фронта и тем самым разъединить русские 4 ю и 5 ю армии.

Тем временем 1 я австрийская армия приступила к санкционированной Конрадом перегруппировке: австрийское командование, после неудачных для русских боев при Краснике и Томашове, намеревалось сосредоточить часть высвобождаемых войск против наступающей на Львов 3 й русской армии. Удар во фланг русским должен был защитить Галицию от захвата противником. То есть 4 я русская армия получила столь необходимую для нее передышку, чтобы восстановить боеспособность частей.

В это время часть русских сил была отвлечена под Варшаву. Снизойдя к мольбам французов, чьи армии стремительно откатывались к Парижу, Ставка принимает решение о формировании новой (9 й) армии ген. П.А. Лечицкого. Эта армия образуется под Варшавой, на левом берегу Вислы, с тем чтобы наступать в Познань и далее – на Берлин. Таким образом, к двум расходящимся между собой операционным направлениям добавляется третье.

Когда в Ставке наконец осознали (в том числе и под давлением начальника штаба Юго-Западного фронта ген. М.В. Алексева) грозящее полным разгромом поражение правого фланга 4 й армии (14 й армейский корпус и конница князя Туманова), туда пошли подкрепления из варшавской группировки. Как раз это обстоятельство вынудило генерала Алексева развернуть 5 ю армию на помощь 4 й, что подставило под удар уже левый фланг 5 й армии под Комаровом, где австрийцы сумели добиться частной победы. Только теперь, 17 го числа, Гвардейский корпус был брошен на ликвидацию прорыва между русскими 4 й и 5 й армиями, к востоку от Люблина. Вслед за гвардейцами на помощь северному крылу Юго-Западного фронта была переброшена и вся 9 я армия.

Кавалерия 5 й армии прикрыла отход, не дав противнику понять замысел русского маневра. В итоге австрийский генерал Ауффенберг расценил отход русских как бегство и приступил к перегруппировке против 3 й русской армии, стремительно выдвигавшейся ко Львову. Считая, что русская 4 я армия уже не способна к сопротивлению, Ф. Конрад фон Гетцендорф отказался от преследования и окончательного разгрома русских. Теперь основная масса австрийцев разворачивалась на львовское направление, где русские 3 я и 8 я армии гнали перед собой бегущего неприятеля. Ввиду недостатка сил Конрад старался, во-первых, разгромить как можно больше русских войск по частям и, во-вторых, тем самым приковать к себе основную массу русских сил Восточного фронта, выполняя предвоенные обязательства перед немцами.

Действительно, если на северном фасе Юго-Западного фронта русские потерпели поражение и отступили, то на южном фасе, напротив, русские армии быстро двигались в глубь австрийской Галиции. Разворачиваемые в пределах Киевского военного округа на Львовско-Днестровском направлении 3 я и 8 я армии по условиям своих сообщений могли действовать только наступательно. Но ввиду того что враг также перешел в наступление на северном фасе, и сражение носило характер встречного столкновения, победа могла быть только лишь ординарной: о «Больших Каннах», замышлявшихся обеими сторонами, теперь не могло быть и речи.

Первые георгиевские кавалеры 2 й роты Сибирского стрелкового полка с командиром Н.В. Павловским во главе, награжденным Георгиевским оружием

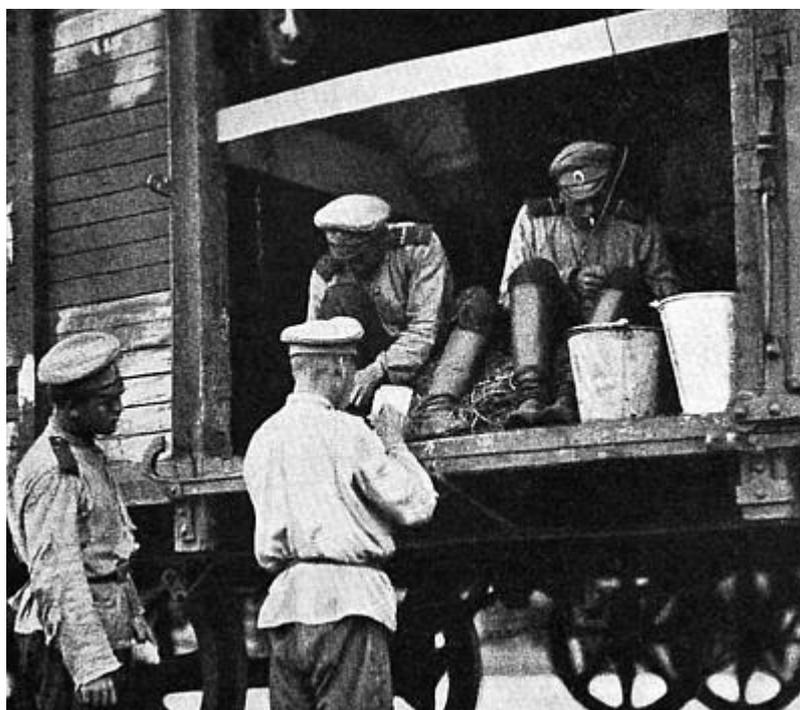
3 я австрийская армия имела задачи прикрытия Галиции и обеспечения наступления главных сил. Однако Конрад, после отступления русских 4 й и 5 й армий на север, разрешил командарму-3 генералу Брудерману наступать, так как перед войной во всех европейских армиях целиком и полностью господствовали наступательные тенденции. Генерал Брудерман не замедлил воспользоваться разрешением, и 3 я австрийская армия, еще до наступле-

ния критического момента в общем сражении, была разбита во встречном Золочевском сражении, на Двух Липах – реках Гнилая Липа и Золотая Липа.

Войска Рузского и Брусилова, разбив врага в сражении на Двух Липах, ввели в прорыв у Перемышля и Рогатина кавалерию. Это совершенно расстроило стремление Брудермана собраться с силами, чтобы не допустить русских к Львову. Вплоть до сражения на Золотой Липе Конрад полагал, что ему удалось разбить под Красником и Томашовом главные силы русских. Убедившись в своей ошибке, он приступает к перегруппировке сил и средств для переброски их против 3 й и 8 й русских армий.

17 августа главнокомандующий ген. Н.И. Иванов приказал обеим армиям южного фланга наступать на Львов. Целью продвижения ставилось сковывание противника в районе Львов – Миколаев – Городокская позиция. Однако на следующий день обстановка переменилась. Теперь 3 я армия требуется под Люблином. М.В. Алексеев разработал план окружения главных сил австро-венгров (до шестисот тысяч человек). Роль завязки должна была сыграть 3 я армия, выходящая в тыл противника. Для этого 8 я армия ген. А.А. Брусилова должна была сдерживать противника немного восточнее Львова, сам Львов пока оставался бы в руках австрийцев, зато 3 я армия должна была ворваться в тыл главной австрийской группировки. Но 18 августа генерал Рузский отдает приказ по армии о подготовке штурма Львова.

19 августа штаб фронта приказал генералу Рузскому немедленно приступить к подготовке движения на север. Рузский не подчинился. К этому дню командарм-3 уже получил сведения, что крепостных укреплений в Львове нет, а следовательно, город беззащитен. Здесь находились лишь одиночные укрепления полевого типа, призванные противодействовать кавалерии противника, пожелавшей взять город с ходу. Но против артиллерии и пехотных корпусов Львов не мог выставить ничего существенного в плане своей обороны. Тем не менее ген. Н.В. Рузский приступил к методичному обложению Львова, чтобы решить дело наверняка: данным разведки он не поверил (или, что вернее, не захотел поверить).

Галиция. Перепись вагона

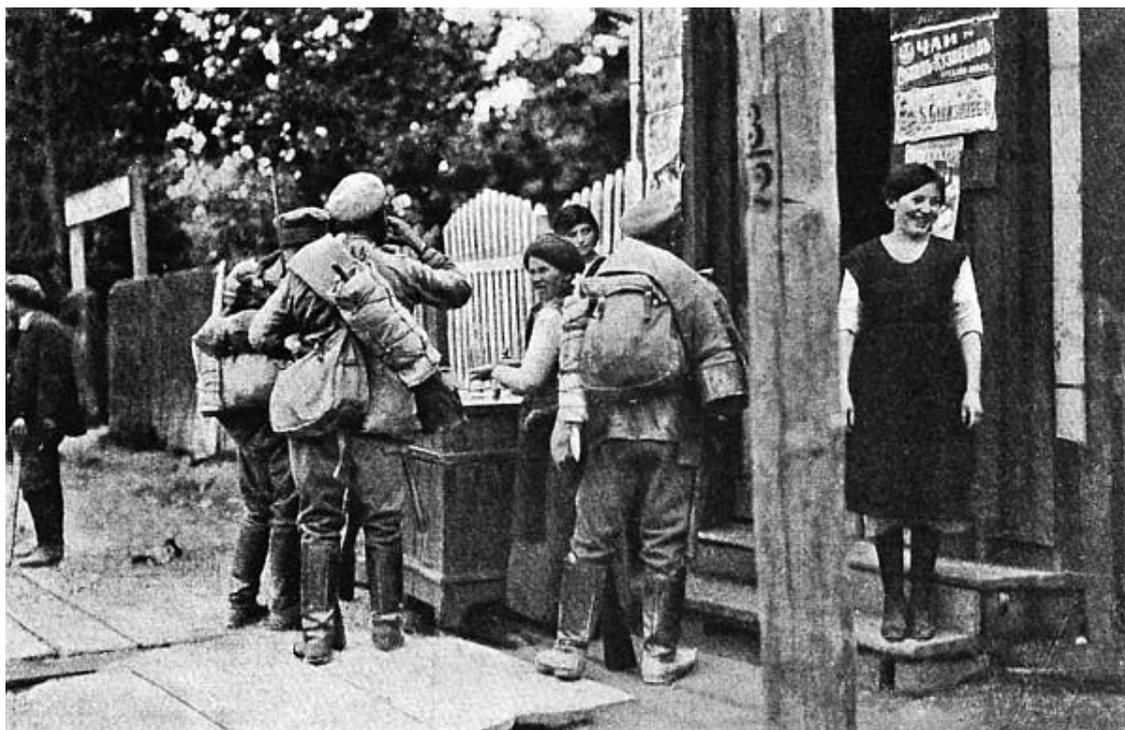
Утром 20 августа ген. Ф. Конрад фон Гетцендорф отдал приказ об оставлении Львова, дабы избежать вероятного окружения и уничтожения своей 3 й армией. Противник начал

отступление в ночь на 21 августа. Последняя колонна австрийцев очистила город только в пять часов утра, а в штабе русской 3 й армии по-прежнему были уверены, что Львов не будет сдан без боя. Ранним утром войска 9 го армейского корпуса вошли в пустой город.

Интересно, что генерал Рузский не только не пострадал за самоуправство, позволившее сорвать план окружения полумиллионной австрийской группировки северо-западнее Львова, но, напротив, был выставлен героем. «Победа» под необороняемым Львовом была сознательно раздута русской Ставкой и лично Верховным главнокомандующим в собственных интересах. Ведь занятие русскими войсками столицы Галиции позволило частично затушевать то неблагоприятное впечатление в тылу, что оставила гибель 2 й армии в Восточной Пруссии.

Инициированная Ставкой лживая печать утверждала, что сильно укрепленный город был взят в результате семидневных упорных боев. За это дело генерал Рузский стал первым военачальником – кавалером ордена Св. Георгия в Первую мировую войну, причем последовательно получив одновременно за одно и то же орден и 3 й, и 2 й степени. А в начале сентября ген. Н.В. Рузский сменил ген. Я.Г. Жилинского на посту главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта.

Галич-Львовская операция завершилась 22 августа взятием Галича частями 24 го армейского корпуса ген. А.А. Цурикова. Около сорока орудий стали трофеями победоносных войск. 24 го числа 8 й армейский корпус ген. Р.Д. Радко-Дмитриева вошел в Миколаев.

Галиция. Еврейки – продавщицы воды

21 августа русские были уже уверены в предстоящей победе: соотношение сил и их положение на поле операции были в пользу русских. Войска 4 й и 5 й армий получили подкрепления, а между Вислой и 4 й армией была развернута еще одна армия – 9 я армия ген. П.А. Лечицкого. Штаб Юго-Западного фронта предписал всем пяти армиям наступать.

Первой в наступление перешла 4 я армия, сумевшая разбить противника под Суходолами. Вслед за ней – 5 я и 9 я армии. Единственным шансом для австрийцев представляется разгром 3 й и 8 й русских армий до подхода к ним северного крыла. Как раз в этот момент к

австрийцам подошли подкрепления из Сербии (2 я армия), которые надо было использовать для поражения армии А.А. Брусилова, пока главные силы русских теснили 1 ю австрийскую армию. Выиграть такие темпы Конрад уже не успевал. Русские, имея практически всюду (кроме 8 й армии) превосходство в силах и средствах, начинают фронтальное наступление, отбрасывая противника к Карпатам и Сану.

После 24 августа медленный отход австро-венгров на северном фазе Галицийской битвы превратился в быстрое отступление. В сражении под Тарнавкой 26 – 27 августа три русские армии смяли 1 ю австрийскую армию и группу эрцгерцога Иосифа-Фердинанда. А 25-го числа 8 я армия ген. А.А. Брусилова удержалась против напора двух австрийских армий в Городокском сражении, чем была обеспечена общая победа. Теперь Конраду следовало уже подумать о спасении своих войск, так как незначительное превосходство австрийцев в силах в первые дни Городокского сражения против русской 8 й армии сменилось громадным преимуществом русских.

Неприятель прикрыл свое общее отступление интенсивной артиллерийской канонадой, не жалея снарядов, и частыми контрударами по выдвигавшимся русским авангардам. Ген. Ф. Конрад фон Гетцендорф, отступая, сосредоточил 1 ю, 3 ю и 4 ю армии на узком 80 километровом фронте от Вислы до Гладышева. Отход главных сил закрыла завеса из пяти кавалерийских дивизий. 2 я армия растянулась на широком фронте, заперев карпатские перевалы.

Конрад предполагал задержаться на укрепленном рубеже реки Сан, закрывшись в центре фронта сильной крепостью Перемышль, и дожидаться там германских подкреплений. Но уже 1 сентября австрийское командование отдает приказ о дальнейшем отходе на рубеж реки Дунаец, с производством на ходу перегруппировки для подготовки контрнаступления совместно с немцами. Русские же не сумели вскрыть начавшейся в ходе отступления австрийской перегруппировки на ивангородское направление и, столкнувшись с проблемами расстройств тыла и трудностью питания армий, прервали преследование, тем самым прекратив развитие операции.

Вялое русское преследование (8 – 10 километров в день для пехоты) 8 сентября застопорилось, упершись в австрийскую крепость Перемышль (крепость была осаждена), а на следующий день армии Юго-Западного фронта приступили к новому оперативному развертыванию, которое уже приняло скорее оборонительный характер. Только 9 я армия пошла вслед за отступавшим врагом. Еще одна (5 я) готовилась к переброске на линию Средней Вислы. 3 я армия осадила Перемышль, а все прочие оставшиеся армии (4 я и 8 я) прикрывали эту осаду.

Варшавско-Ивангородская операция 15.09 – 26.10.1914

В ходе боев в Восточной Пруссии и Галиции русские фронты еще больше разделили свои наступательные усилия по расходящимся операционным направлениям. 9 я русская армия, сосредоточиваемая под Варшавой, была переброшена на северный фас Юго-Западного фронта и приняла участие в Галицийской битве, облегчив переход 4 й и 5 й армий в контрнаступление. Новая, 10 я, армия ген. В.Е. Флуга закрыла русскую Польшу от угрозы из Восточной Пруссии. Фронты сосредоточились по флангам общей линии, на время отказавшись от наступления на Берлин по прямой.

Австро-германцы же, отбиваясь в Галиции и вытесняя русских из Восточной Пруссии, также оставили без внимания центр наметившегося в ходе первых операций Восточного фронта. Понимая, что удар в тыл русской Польше, на Седлец, имевшимися силами неосуществим, а австрийцам необходимо помочь уже теперь, штаб Гинденбурга решает перейти в контрнаступление на Варшаву, чтобы опрокинуть слабые русские заслоны и спасти союзников от разгрома. Именно эта идея стала определяющей для немцев при проведении новой операции, принявшей на первом этапе характер контрнаступления⁹⁵.

Э. Людендорф, разрабатывавший план предстоящей операции, предложил ударить в тыл Юго-Западного фронта русских, который по-прежнему теснил австрийцев к Карпатам. Согласно намеченному планированию, германцы перебросили на юг основные силы своей 8 й армии (теперь получившей наименование 9 й армии), оставив против всего Северо-Западного фронта лишь заслоны, за которыми сохранилась нумерация крупных подразделений 8 й армии. Костяк 9 й германской армии составила группа комкора-17 ген. А. фон Макензена, которая почти целиком была составлена из частей, переброшенных из Восточной Пруссии, – 11 й, 17 й и 20 й армейские корпуса, Гвардейский резервный корпус, 8 я кавалерийская дивизия.

Австрийцы же, в свою очередь, обязывались перейти во фронтальное наступление на армии русского Юго-Западного фронта, охватывая левый фланг русских. В этот момент все русские свободные резервы отправлялись Ставкой как раз на Юго-Западный фронт, пытавшийся взять крепости Краков и Перемышль. Использование русских резервов в Галиции позволило Людендорфу перехватить инициативу на Варшавском направлении и своим контрнаступлением сорвать предполагавшееся наступление русских на левом берегу Вислы. Однако эта операция отвлекла на себя более половины всех сил австро-германцев, а потом и русских, став самой крупной операцией на Восточном фронте в 1914 году.

В это же время русская Ставка, воодушевившись победой Юго-Западного фронта и остановив немцев на Северо-Западном фронте, принимает план продолжения общего наступления. Как и в начале боевых действий, великий князь Николай Николаевич ставит приоритетной целью вторжение в германскую Силезию, то есть предполагает перейти в наступление как раз от Варшавы. Штабом Ставки предусматривалось сосредоточение основной массы сил и средств на левом берегу Вислы: 4 я, 5 я и 9 я армии Юго-Западного фронта перебрасывались с реки Сан к Ивангороду и Варшаве; 2 я армия Северо-Западного фронта – также к польской столице. Эта перегруппировка, вследствие хаоса в транспорте, производилась преимущественно походным порядком, что изматывало войска. Но, главное, русские теряли темпы сосредоточения, что и позволило противнику не только первым осуществить сосредоточение для наступления, но и первым броситься вперед в условиях, когда русские армии еще только выдвигались к назначенным местам развертывания.

⁹⁵ Корольков Г. Варшавско-Ивангородская операция. М., 1923, с. 138.

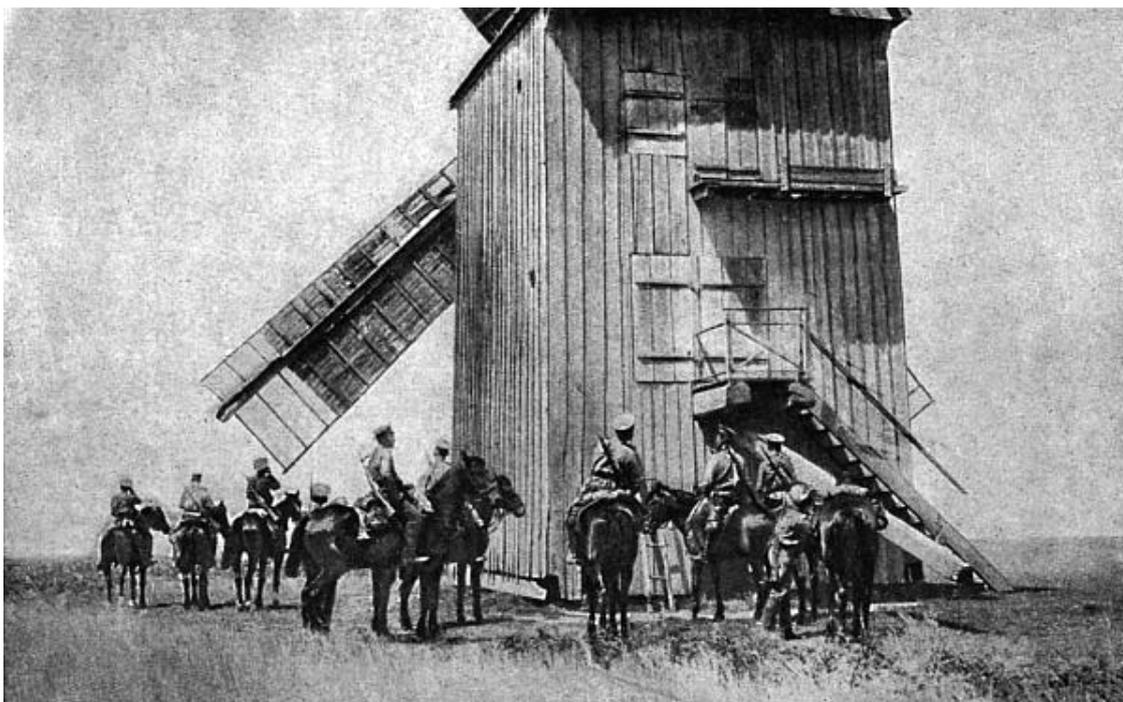
Русское планирование предусматривало фронтальное наступление силами 4 й, 5 й и 9 й армий с одновременным фланговым ударом 2 й армии по германской 9 й армии, сосредоточивавшейся напротив русского плацдарма на Висле. Прочие войска (1 я и 10 я армии Северо-Западного фронта и 3 я и 8 я армии Юго-Западного фронта) предпринимали частное наступление для обеспечения главной операции на флангах Восточного фронта.

Итак, союзнические обязательства и личные устремления русского главнокомандования побуждали идти в прямо Германию. Районами развертывания ударной группировки были намечены левый берег Вислы с тет-де-понами Варшава и крепость Ивангород. Для воплощения плана наступления в жизнь Ставка перебросила в Ивангород управление 4 й армии во главе с ее командармом ген. А.Е. Эвертом из состава Юго-Западного фронта и приступила к образованию из подходящих войск второго эшелона новой 4 й армии, которая обеспечивала устойчивость Краковской операции, задуманной генералами Ивановым и Алексеевым.

Кто не терял времени, так это немцы, отлично понимавшие, что более слабый должен наступать, чтобы вырвать инициативу и продержаться до подхода стратегических резервов. Гинденбург и Конрад закончили свое сосредоточение к 15 сентября, за пять дней до предполагаемого наступления русских армий по всему фронту. Главный удар должен был наноситься в направлении на Ивангород, в стык между русскими фронтами.

Перед началом операции немцы имели в ударных группировках триста пятнадцать тысяч штыков и сабель при тысяче шестистах орудий. Противостоявшие неприятелю русские 2 я армия (ген. С.М. Шейдеман) Северо-Западного фронта, а также 4 я (ген. А.Е. Эверт), 5 я (ген. П.А. Плеве) и 9 я (ген. П.А. Лечицкий) армии Юго-Западного фронта насчитывали в своих рядах пятьсот двадцать тысяч человек при двух тысячах четырехстах орудий. Зато русские войска были разбросаны на широком фронте, а частью еще и не закончили своего сосредоточения: противник получил возможность бить русских по частям.

Утром 15 сентября австро-германцы перешли в наступление в общем направлении на крепость Ивангород, где единственными русскими войсками оказалась только конница и несколько пехотных полков. Десять долгих часов русская кавалерия с непрерывными боями отходила на восток, сдерживая противника. А с 18 сентября уже вся русская 9 я армия начала отход под напором неприятеля к Висле. Оборонительный фронт русских затрещал.

В дозоре

Ставка, сосредотачивая в Ивангороде 4 ю армию, спешно перебрасывает в Варшаву 2 ю армию Северо-Западного фронта. Великий князь Николай Николаевич замыслил нанести удар во фланг наступающим немцам со стороны Варшавы, в то время как 4 я и 9 я армии перейдут в наступление с фронта. Для этого 19 сентября 2 я армия была подчинена главкомюзу ген. Н.И. Иванову, который казался Верховному главнокомандующему более знающим и авторитетным командиром, нежели новоиспеченный главкомсевзап ген. Н.В. Рузский, сменивший на этом посту ген. Я.Г. Жилинского.

К 22 сентября австро-германцы прижали русскую 4 ю армию к Висле у крепости Ивангород. 23 сентября части 9 й армии оставили Сандомир, а затем, вслед за 4 й армией, очистили левый берег Вислы. Гренадерский корпус ген. И.И. Мрозовского, закрепившийся на левом берегу Вислы, в двенадцати верстах южнее крепости у городка Ново-Александрия, не сумел воспользоваться поддержкой крепостной артиллерии и был с большими потерями отброшен противником на правый берег.

Теперь единственным резервом для контрманевра становилась 5 я армия, перебрасываемая по железной дороге из Люблина через Луков в район между Варшавой и Ивангородом. Перегруппировка русских облегчила австрийцам наступление на Перемышль, где оборона от Перемышля до румынской границы теперь держалась только на 8 й армии генерала Брусилова. Тем не менее немецким войскам не удалось ни переправиться через Вислу и Сан, ни уничтожить русских еще до переправ.

Следовательно, поставленная перед немцами задача не была выполнена: русские не дали неприятелю возможности создать плацдармы на правом берегу Вислы, что вынуждало бы русскую сторону остановить свое наступление в глубь Германии. Поэтому, чтобы не терять преимущества в инициативе, германцы со свойственной им энергией разворачивают 9 ю армию на Варшаву. Захват польской столицы позволил бы в корне стреножить русский удар на Берлин.

В варшавском районе находились только три русских дивизии, но подошедшие из глубины страны сибирские корпуса, брошенные в бой сразу по высадке из эшелонов, в ходе ожесточенных трехдневных боев 27 – 29 сентября сумели отстоять Варшаву. Русские аван-

гарды сумели удержать натиск противника на Висле до подхода главных сил (2 я армия) к Варшаве, и операция фактически уже была проиграна немцами. Свою роль сыграл и тот факт, что сибирские корпуса успели как раз к моменту сражения за Варшаву, а немцы еще не успели сформировать свои резервы или перебросить войска с Западного фронта. Удержав противника на подступах к Варшаве, сибиряки позволили командованию завершить перегруппировку и организовать встречное наступление⁹⁶.

После того как соотношение сил решительно изменилось в пользу русских, а войска заняли исходные районы, Ставка назначила общее контрнаступление 2 й, 4 й, 5 й и 9 й армий на 5 – 6 октября. При этом ударная группировка русских была сосредоточена на правом фланге общего фронта наступления, во 2 й армии. В свою очередь, неприятель вовремя понял грозившую ему опасность и мгновенно приступил к организации отступления. Быстрый отход противника для новой перегруппировки при только-только обозначившемся наступлении русских так и не был раскрыт русской Ставкой.

Отход войск генерала Макензена и начало русского контрнаступления совпали во времени. Немцы прикрыли свой отход кавалерийской завесой, а уже 5 октября в наступление перешла русская 2 я армия, 7 го числа – 5 я, 8 го – 4 я, 10 го – 9 я армия. То есть Юго-Западный фронт (4 я, 9 я армии) также наносил главный удар своим правым флангом. Таким образом, общий фронт противника, определившийся в ходе Варшавско-Ивангородской операции, дробился на две группы.

16 октября Ставка решает совместить продолжающееся преследование с одновременным сосредоточением очередной ударной группировки в районе Лодзи для осуществления все того же плана: вторжения в Силезию как прелюдии для похода на Берлин. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, разрешив проблему Варшавско-Ивангородской операции как неожиданно возникшей помехи для своего планирования, опять взялся за свое. Ночью 17 октября 4 й армейский корпус вступил в очищенную немцами Лодзь.

20 октября директивой Ставки 2 я и 5 я армии были остановлены, чтобы приступить к новой перегруппировке сил. Продвинувшись на пять переходов от исходного положения на Висле в глубь разоряемой территории, было необходимо восстановить сеть железных и шоссейных дорог в армейских тылах. 21 октября 4 я армия сломала сопротивление австрийцев у города Кельцы и неприятель начал общий отход к Карпатам. Теперь отступали и немцы, и австрийцы. При этом на ходу ген. Э. Людендорф собирался приступить к новой перегруппировке для предстоящего мощного контрудара по армиям русского Северо-Западного фронта, получившего наименование Лодзинской оборонительной операции.

⁹⁶ Подробнее см.: Нелипович С.Г. Варшавское сражение. Октябрь 1914. М.: Цейхгауз, 2006.

Лодзинское сражение 29.10 – 6.12.1914

Еще в ходе Варшавско-Ивангородской операции, как только наметился первый успех контрнаступления, русская Ставка сообщила союзникам, что ею принимаются меры для выполнения обязательств франко-русской конвенции. В 1914 году Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич всецело находился под влиянием требований французов, настаивавших на том, чтобы русские оттянули на себя противника с Западного фронта наступлением на Берлин. В свою очередь, угроза со стороны русских Силезскому промышленному району и, в перспективе, Берлину, вынудила Людендорфа и Гинденбурга уже в период отступления от Варшавы приступить к разработке новой контроперации, не дожидаясь новых подкреплений с Запада, из Франции.

После того как австро-германцы начали общее отступление от Варшавы и Ивангорода, русские армии, по истечении пяти переходов по преследованию неприятеля, были остановлены для подтягивания тылов и восстановления разрушенных коммуникаций. Директивой Верховного главнокомандующего от 20 октября 2 й и 5 й армиям предписывалось остановить преследование и приступить к подготовке к глубокому вторжению в пределы Германии силами обеих армий Северо-Западного фронта.

В это время германцы удерживали в своих руках территорию Восточной Пруссии, которая охватывала зону русского продвижения на запад. Потерпев поражение на Висле, Э. Людендорф передал оборону коммуникаций, ведущих в Силезию, ослабленным австрийским частям. А сам приступил к переброске немецких дивизий в пространство между реками Варта и Висла, которое нависало над северным фасом готовящейся к наступлению в глубь Германии русской ударной группировки. Неравенство в силах вынуждало немцев спешить с ударом, чтобы перехватить инициативу действий, поэтому, с точки зрения соотношения сил и средств, Людендорф начал операцию преждевременно и с недостаточными для решительного успеха силами, стремясь опрокинуть всю русскую наступательную группировку фланговым ударом со стороны крепости Торн.

В районе Торна сосредоточивалась ударная 9 я армия ген. А. фон Макензена в составе пяти с половиной армейских корпусов и пяти кавалерийских дивизий. Все наличные резервы, имевшиеся внутри Германии, также были отданы Гинденбургу, что вынудило немцев уже в ноябре 1914 года отказаться от продолжения активных наступательных действий на Западном фронте. К ноябрю 1914 года, после поражения в Варшавско-Ивангородской операции, на Восточном фронте немцы были слишком слабы, чтобы обороняться, а потому и решили наступать. Задуманный удар должен был потрясти весь русский фронт, чтобы лишить русских наступательной инициативы и вырвать оперативную паузу, столь необходимую германской стороне, чтобы сформировать новые резервные дивизии внутри страны.

Перед атакой

В то же самое время ничего не подозревавшая о германской перегруппировке русская Ставка составляла свой план наступления в глубь Германии. Согласно оперативному планированию, 10 я и 1 я армии Северо-Западного фронта должны были утвердиться на Нижней Висле, оттеснив противника за Мазурские озера. Юго-Западный фронт обеспечивал вторжение со стороны Венгрии. И, наконец, собственно армии вторжения – 2 я, 4 я, 5 я, 9 я – в составе шестнадцати армейских корпусов и девяти кавалерийских дивизий предполагались для широкомасштабного наступления по 250 километровому фронту, которому, судя по замыслу, предстояло стать стратегическим.

Однако пока Ставка и штаб Северо-Западного фронта переписывались о производстве необходимой перегруппировки, неприятель уже успел произвести скрытое сосредоточение кулака в девять корпусов, причем всего в каких-то трех-четыре переходах от русского расположения. Не выполнив задач по разгрому неприятеля, и даже, напротив, потерпев катастрофу в Восточной Пруссии, Ставка, под давлением союзников, в качестве приоритетного планирования взяла на вооружение план «марша на Берлин». Контрнаступление австро-германцев на Варшаву спутало карты великого князя Николая Николаевича, однако после оттеснения противника от польской столицы русское Верховное главнокомандование упрямо требовало от армий вторжения в Германию. Этой идеей и было проникнуто оперативное творчество Ставки после окончания Варшавско-Ивангородской операции.

Русские штабы предполагали главные немецкие силы строго на запад от разворачивающихся русских армий, как заслон на пути движения русских в Германию. Неверное представление о группировке противника и неверие данным разведки в штабе Северо-Западного фронта с самого начала предоставило инициативу действий и крупный тактический успех в руки германцев. Утром 29 октября 9 я германская армия, имевшая в своем составе сто пятьдесят пять тысяч штыков и сабель, четыреста пятьдесят пулеметов и девятьсот шесть-

десять орудий, перешла в наступление, начав Лодзинскую операцию против армий русского Северо-Западного фронта⁹⁷.

С учетом вспомогательных корпусов «Грауденц», «Познань», «Бреславль» и «Торн», вводимых в бой по мере своего сосредоточения, германские силы доходили до двухсот восьмидесяти тысяч человек при 1450 орудиях. Русские же армии, разбросанные на значительном удалении друг от друга, в начале операции насчитывали:

1 я – 123 500 чел. при 200 пулеметах и 440 орудиях;

2 я – 160 000 чел. при 350 пулеметах и 540 орудиях;

5 я – 85 000 чел. при 190 пулеметах и 320 орудиях⁹⁸.

Первый удар немцев пришелся на 5 й Сибирский корпус 1 й русской армии, который был отделен от всей армии рекой Вартой, за которой разворачивалась 1 я армия. В первый же день неприятель сумел оттеснить русских с направления главного удара, и хотя 5 й Сибирский корпус не был раздавлен, он все же уступил пространство, необходимое неприятелю для продолжения операции в тыл 2 й русской армии.

Любое действие противника должно вызывать контрмеры. Однако высшие русские штабы бездействовали целых два дня: главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта ген Н.В. Рузский посчитал начавшееся сражение боями местного характера, а отход сибиряков – неустойчивостью войск и неумением начальников. В Ставке же еще 31 го числа полагали, что германцы только-только начали свою перегруппировку и боями на северном фланге пытаются прикрыть свое расположение. Еще 1 ноября великий князь Николай Николаевич передал 4 ю армию в подчинение Северо-Западному фронту и поручил генералу Рузскому начать наступление. Таким образом, 170 000 германцев кромсали на части 120 000 русских солдат и офицеров передовых корпусов 1 й армии и правофланговые части 2 й армии, пока еще триста тысяч русских уже начали свое движение в никуда, ибо перед 2 й и 5 й русскими армиями оставались лишь исключительно слабые неприятельские заслоны.

Генерал Рузский, считая, что от Торна наступают лишь две пехотные дивизии противника (25 й резервный корпус, пленных из которого удалось взять сибирякам), 1 ноября переподчинил 2 й армейский корпус 2 й армии командарму-1 ген. П.К. Ренненкампу и приказал ему выбить неприятеля контрударом трех корпусов: 5 го и 6 го Сибирских и 2 го армейского. Разумеется, никакого контрудара тремя корпусами не получилось: против русских здесь стоял не один корпус, а вся 9 я германская армия. Под превосходящими ударами противника русские стали отходить, очищая левый берег Вислы.

⁹⁷ См. также: Оськин М.В. Лодзинская оборонительная операция. Осень 1914. М.: Цейхгауз, 2007.

⁹⁸ Рыбин Д. Лодзинская операция в 1914 году. М., 1938, с. 11, 14.

Наши союзники

2 ноября противник вклинился в промежуток между русскими 1 й и 2 й армиями, начав маневр по оттеснению 1 й русской армии за Варту и окружению 2 й русской армии ген. С.М. Шейдемана. Ген. А. фон Макензен стремился прорваться к Ловичу, чтобы отрезать 1 ю армию от Варшавы и прижать ее к тому участку Вислы, где нет мостов. После этого немецкий военачальник мог выбирать цель в зависимости от выгоды обстановки: разгром 1 й русской армии или окружение 2 й.

Теперь для производства контрманевра русскому командованию приходилось выводить предназначавшуюся для контрудара группировку из боя, чтобы сосредоточить ее в исходном положении. Пока же русские изматывали свои войска длительными переходами, германцы продолжали иметь частные успехи по всему фронту прорыва. Утром 5 ноября германцы, поняв слабую боеспособность русской 1 й армии в наступлении, но зная стойкость русских солдат в обороне, решают окружить 2 ю армию. Опять-таки генерал Макензен применил излюбленные немцами двойные «клещи»: с юго-востока начал обходной маневр 20 й армейский корпус (русский левый фланг), а усиленный 25 й резервный корпус, которым командовал ген. Р. фон Шеффер-Боядель – с севера на юг. Именно группировка генерала Шеффера, введенная в прорыв, в тыл 2 й русской армии, и наносила главный удар, отрезая 2 ю армию от 1 й.

Подход к месту сражения спешивших на помощь частей 5 й русской армии отбросил врага как раз в самый критический момент – 6 ноября: австрийцы не смогли сковать русскую 5 ю армию под Ченстоховом. Теперь вклинившийся противник имел к западу от себя 2 ю (почти полное окружение) и 5 ю армии, а к востоку, на дороге в Варшаву, – 1 ю. Общее соотношение сил и средств не позволяло немцам быть сильными везде. Теперь вся надежда русской Ставки была лишь на 1 ю армию, которая 7 ноября перешла в наступление.

Вечером 7 го числа 2 я и 5 я армии объединились под командой командарма-5 ген. П.А. Плеве, который, следовательно, получил возможность координировать усилия частей двух армий для прорыва из окружения. Макензен не сумел вовремя оценить обстановку, и удары русских армий навстречу друг другу, в свою очередь, поймали в «мешок» группу Шеффера. К этому моменту группировка генерала Шеффера насчитывала всего тринадцать

тысяч активных штыков и сабель. При этом Шеффер вел за собой 16 000 русских военнопленных и 64 трофейных орудия⁹⁹.

В ночь на 11 ноября немцы начали прорыв на северном направлении. Русская конница обнаружила это только утром. Разумеется, было уже поздно: в пять часов утра германская 3-я гвардейская дивизия генерала Лицмана ворвалась в Брезины, отбросив стоявшую на пути русскую 6-ю Сибирскую стрелковую дивизию. Темпы германского продвижения были поистине черепашими: за семь ночных часов было пройдено всего двенадцать километров. Однако и этого хватило, чтобы вырваться из «мешка».

Начдив 6-й Сибирской дивизии бежал с поля боя, управление схваткой было потеряно, и генерал Шеффер с триумфом вышел из окружения, разбив сибиряков и выведя с собой не только собственных раненых, но и всех захваченных пленных и орудия. Правда, триумф превосходства в организации маневра был омрачен значительными потерями: со времени своего ввода в прорыв группа Шеффера потеряла до сорока тысяч человек.

После выхода из окружения группировки Шеффера Гинденбург, не желая прерывать удачно складывавшуюся операцию, изменяет план действий. Приняв активную оборону по фронту за основу, 15 ноября Макензен вновь ударил на Лович, контратакуя пытавшуюся приступить к преследованию русскую 1-ю армию. Не теряя времени на перегруппировку и получив первые подкрепления, переброшенные из Франции, германцы попытались переломить сражение в свою пользу и как минимум отбросить русских на правый берег Вислы.

Во встречных боях, длившихся семнадцать дней, обоюдный наступательный порыв был остановлен. Только сейчас, в последний день операции, был восстановлен единый фронт русских армий Северо-Западного фронта. В оборонительных боях успех склонился на сторону русских, и стало ясно, что враг не пройдет.

Однако высшее командование мыслило иначе. Несмотря на энергичные протесты Ренненкампа и Плеве, 22 ноября главкосевзап ген. Н.В. Рузский, под предлогом улучшения обстановки, отдал приказ об отступлении. 23 ноября немцы вошли в очищенную русскими Лодзь. Удобный плацдарм на левом берегу Вислы был сдан без боя. Тактический по своей сути успех Гинденбурга изменил всю стратегическую обстановку на Восточном фронте. Отныне, с ноября 1914 года и до конца войны, по выражению ген. В.Е. Борисова, главного помощника ген. М.В. Алексеева по оперативной части, основной военной задачей русской армии стало «держат постоянно немца за горло, чтобы он не кинулся на нашего союзника, французов»¹⁰⁰.

Значение Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операций в мировой историографии недооценено. Больше прочих известны Восточно-Прусская наступательная операция, в результате которой противник сделал роковую ошибку по переброске войск с Западного фронта на Восток и тем самым окончательно похоронил «План Шлиффена», а также Брусиловский прорыв 1916 года. Однако осенние сражения на Средней Висле являлись логическим продолжением русского вторжения в Восточную Пруссию в августе месяце.

Русская Ставка всю осень непрерывно стремилась атаковать неприятеля, причем именно Германию. Цель образования крупных наступательных группировок в районе Варшавы и Ивангорода заключалась в жестком следовании союзным декларациям – оттягиванию германских дивизий на Восточный фронт. Стремясь добиться успеха во Франции, уже после провала блицкрига на Марне, немцы оставили Гинденбурга без подкреплений. Германское командование на Востоке с лихвой исполняло свое превосходство в маневренной войне, сумев на всю осень задержать русских в Польше.

⁹⁹ Корольков Г. Лодзинская операция. М., 1924, с. 116.

¹⁰⁰ См.: Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Белград, 1922, кн. 2, с. 10.

Но каковы были последствия этого? Во-первых, окончательный надлом австро-венгров, который стал очевидным уже после Галицийской битвы. Именно австрийцы понесли большую часть тех неприятельских потерь, что дала Варшавско-Ивангородская операция. Да и в период Лодзинской операции как раз австрийцы сковывали русский Юго-Западный фронт, не давая ему возможности оказать соседу помощь. В результате, как только немцы остановились, австро-венгерские армии оказались оттеснены в Карпаты, которые они смогли удержать исключительно при помощи немцев.

Во-вторых, упорство французов, англичан и бельгийцев в боях во Фландрии показало германскому военно-политическому руководству, что семь немецких армий, дравшихся на Западе, требуют подкреплений. Новый начальник германского Большого Генерального штаба ген. Э. фон Фалькенгайн бросил во Фландрию дивизии из добровольцев, которые погибли, не добившись победы. Больше взять войск было неоткуда – Восточный фронт трещал по всем швам, и лишь неповоротливость русской военной машины позволила Гинденбургу и Людендорфу все еще удерживать линию государственной границы. Австрийский оборонительный фронт под Краковом грозил рухнуть, прорыв под Лодзью стал последним достижением той группировки, что еще имелась на Восточном фронте (25 й резервный корпус генерала Шеффера – это такие же добровольцы, что погибли и во Фландрии, в ожесточенных сражениях на Ипре).

Оценив обстановку на фронтах войны, немцы стали перебрасывать войска на Восток. К концу Лодзинской операции Гинденбург получил из Франции 2 й и 13 й армейские корпуса; 3 й и 24 й резервные корпуса. Пополненные в период передислокации германские корпуса имели в своем составе по двадцать шесть тысяч боевых штыков и сто шестьдесят орудий. Общая численность: более ста тысяч активных штыков и сабель при шестистах сорока орудиях.

Галиция. Бивак у Страдже

Именно эта переброска, как следствие сражений под Варшавой-Ивангородом и Лодзью, и не получила надлежащей оценки. Германское командование как минимум до весны 1915 года отложило возобновление наступления на Западном фронте. Тем самым союзники

России по Антанте получили необходимую передышку. Назревавшая катастрофа Австро-Венгрии в Карпатах вынудила немцев в марте приступить к новым перегруппировкам. В состав 11 й германской армии ген. А. фон Макензена, намеченной для весеннего контрнаступления на Восточном фронте, вошли переброшенные из Франции Гвардейский (ген. К. фон Плеттенберг), Сводный (ген. Р. фон Кнойсль), 41 й резервный (ген. Г. фон Франсуа) и 10 й армейский (ген. О. фон Эммих) корпуса.

Главное значение Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операций заключается в том, что русская наступательная инициатива в течение первого полугодия войны надломилась Австро-Венгрии и вынудила германское руководство не только проиграть «План Шлиффена», но и спустя всего четыре месяца с начала войны отказаться от ударов по Франции впредь до поражения Российской империи. С Западного фронта на Восточный фронт с ноября 1914 по март 1915 года были переброшены восемь корпусов, по сути составившие две армии. Если же вспомнить, что сформированные в конце 1914 года три резервных корпуса также были переданы Гинденбургу (участие в Августовской и 1 й Праснышской операциях в январе – феврале), то видно, что русская помощь своим союзникам отнюдь не ограничилась ударом по Восточной Пруссии в августе 1914 года. И как раз об этом мало что известно.

Итоги кампании 1914 года

Главным итогом борьбы на Восточном фронте в кампании 1914 года стал тот факт, что предвоенное оперативно-стратегическое планирование обеих сторон совершенно не оправдало себя, заставляя высших военачальников импровизировать на ходу. Импровизация имела следствием игру с несколькими неизвестными, что передавало инициативу действий более умному, смелому и умеющему рисковать. А.А. Свечин так писал о планировании времен Первой мировой войны:

«Важнейшая задача руководящего политика и полководца в начале войны – разгадать характер будущей войны и соответственно сообразовать программу внешней и внутренней политики и стратегии. Лозунги “в Берлин” или “в Вену”, относительно которых спорили русские генералы, оба шли вразрез с реальными условиями мировой войны. Оккупация Восточной Пруссии и Галиции – методы пограничной войны XVIII века – были бы много уместнее...

Сосредоточение вначале главных сил Германии на французском фронте возложило на Россию задачу наступления в Германию... Россия уже свыше столетия перешла к исторической обороне на своей западной границе. Относительно мы являлись политически подготовленными к наступлению против умиравшей Австро-Венгрии...

Но ни идейно, ни материально мы не были подготовлены к нанесению решительного удара Германии. Наша дорожная сеть, наша дислокация, наша артиллерия, не приспособленная к атаке крепостей, наша инженерная подготовка – все было основано на идее обороны, и все это дало себя решительно знать в катастрофе, постигшей армию Самсонова...

Исторически к наступлению на Германию была подготовлена лишь Англия: она и создала враждебную для Германии группировку держав, а в 1914 году смогла организовать и переход от политического к военному наступлению...

Змеиная мудрость французской стратегии и Англии, “мыслящей материками”, при русской доверчивости, позволяли Франции и Англии выйти победителями¹⁰¹.

Первая мировая война к концу 1914 года окончательно определилась как «борьба на измор». Предположения Генеральных штабов всех европейских стран о скоротечности характера войны явились несостоятельными. Наступательные планы всех сторон оказались взаимно погашенными и потерпели провал: ни одно государство за пять с половиной месяцев войны не было выведено из строя, за исключением маленькой Бельгии, чья армия отступила во Францию.

При этом главное поражение, разумеется, потерпела Германия. Ведь именно немцы начали войну в 1914 году, рассчитывая на свою готовность к ней. Именно немцы рассчитывали выиграть войну в короткие сроки, так как война «на измор», вследствие заведомо несопоставимого потенциала в ресурсах, являлась для Германии и ее союзников губительной. И теперь должны были более всех прочих разочаровываться в несостоятельности собственного военного планирования.

В свою очередь, русские, также рассчитывавшие окончить войну победой в шесть-восемь месяцев, могли быть недовольны исходом первой военной кампании. Добиться победы в короткие сроки не удалось, а это значило, что по мере дальнейшего затягивания войны внутренние проблемы и противоречия, столь ярко вспыхнувшие сухим порохом в 1905 году, будут только обостряться. При существовавших социально-экономических, внутриполитических, военно-стратегических условиях Российская империя была заведомо обречена на следующие варианты развития событий после своего вступления в войну:

¹⁰¹ Постигание военного искусства. Идеиное наследие А. Свечина. М., 2000, с. 242—243.

1. Выигрыш войны в течение года, с движением от победы к победе. Правда, никаких реальных предпосылок для этого варианта не существовало: немцы всегда имели возможность приостановить свои операции во Франции, перейти на Западе к жесткой обороне и перебросить необходимое количество сил и средств на Восток;

2. Мобилизация усилий страны на оборону практически сразу же по открытии военных действий. Но переход к «стратегии измора», по определению А.А. Свечина, был невозможен для тогдашнего уровня военной мысли русских военачальников. Также такой вариант требовал перехода к:

3. Существенным уступкам верховной монархической власти Российской империи в пользу либеральной буржуазии. Однако только чрезвычайно гибкое и популярное в среде «общественности» правительство могло пойти на такую меру, не потеряв большей части власти и силы. Можно сказать, что участие Российской империи в войне на стороне держав Запада так или иначе предполагало определенную либерализацию режима. По ряду свидетельств, император Николай II намеревался продолжить реформы – но только после войны, не желая идти на эту меру как вынужденную по образцу 1905 года. Кажется, что, таким образом, император был гораздо прозорливее и дальновиднее оппозиции, понимая особенности психологии большей части нации, состоявшей из крестьян;

4. К реформам экстренного порядка в пользу народных масс в ходе самой войны (без популярности целей войны, по мере затягивания военных действий и роста военных тягот, она была обречена на «поражение в умах»). Быстрой победы существующий режим обеспечить не сумел. Возможно, следовало привлечь на свою сторону хотя бы часть крестьянского социума страны, раз уж император не желал предоставить часть властных государственных полномочий в руки буржуазной оппозиции. Самым реальным здесь было предложение ряда высших чиновников о предоставлении дополнительных земельных наделов некоторым категориям крестьянства (георгиевским кавалерам)¹⁰². Такой шаг, с одной стороны, раскалывал единство крестьянско-солдатской массы, а с другой – продолжал политику аграрных преобразований на селе. Уступки деревне в целом, несомненно, были бы восприняты как слабость верховной власти перед общиной; уступки одному слою – как продолжение сотрудничества, наметившегося в ходе столыпинской аграрной реформы. Заметим, что подобные меры в послевоенной Польше обеспечили поддержку режима Ю. Пилсудского на селе со стороны наиболее зажиточного крестьянства. Эти крестьяне к тому же были отличившимися на войне фронтовиками. Но и этого, верховной государственной властью Российской империи, к сожалению, также не было сделано.

¹⁰² Оськин М.В. Земля – как награда за Георгиевский крест // Современные гуманитарные исследования, 2006, № 2, с. 21—22.

Зимняя кампания 1915 года: Августов и Карпаты

На совещании с главнокомандующими фронтами в Седлеце 16 – 17 ноября великий князь Николай Николаевич все же решил дать вверенным ему войскам передышку и отдал директиву об отходе обоих фронтов к Висле. Главнокомандующие фронтами не согласились с Верховным главнокомандующим, настаивая на возобновлении наступления. Однако если главнокомандующим ген. Н.И. Иванов собирался и дальше драться за Краков, то главнокомандующим ген. Н.В. Рузский, доказывая, что австрийцы и без того надломлены, предлагал двигаться на немцев, чтобы разбить нашего главного противника.

Выбор главного направления означал, что другой фронт будет вынужден перейти к временной обороне, так как оставшиеся людские резервы и вооружение, каковых для снабжения обоих действующих фронтов не хватало, пойдут в основную группировку. На совещании в Брест-Литовске 30 ноября Верховный главнокомандующий предложил командованиям фронтов самим договориться о выборе направления главного удара, однако ни Иванов, ни Рузский не желали поступиться своими планами. В конечном счете великий князь Николай Николаевич принял худший вариант – компромиссный.

Юго-Западный фронт должен был продолжить наступление на Краков и в Карпаты, с целью захвата горных перевалов и подготовки выхода русских армий на венгерскую равнину. Тем временем Северо-Западный фронт продолжал считать возможным наступление в Силезию, а его 10-я армия готовилась к атаке Восточной Пруссии. Этим решением силы и средства вновь разбрасывались по расходящимся направлениям, что в условиях прогрессирующей нехватки боеприпасов грозило затормозить обе операции как раз тогда, когда понадобится их развитие до решительного успеха. Как справедливо отмечал генерал-квартирмейстер Северо-Западного фронта ген. М.Д. Бонч-Бруевич, «из отсутствия руководящей идеи войны, из недостатка твердости в постановке ближайшей ее задачи и из разнородности решений на фронтах – вытекали колебания Ставки в сосредоточении сил и в распределении их между фронтами; все это в значительной мере покоилось на многократных требованиях и просьбах фронтов осуществить такое сосредоточение сил, которое удовлетворяло бы решению, принятому фронтом... Ставка занималась соглашением этих противоречивых решений»¹⁰³.

4 января 1915 года на совещании генерал-квартирмейстера Ставки ген. Ю.Н. Данилова и главнокомандующего ген. Н.В. Рузского в Седлеце было твердо решено наступать в Восточную Пруссию. Для решения этой задачи формировалась новая 12-я армия, а к русско-германской границе в Литву притягивалось семь кавалерийских дивизий. Хотя вооружения и боеприпасов, равно как и обученных пополнений, не хватало, тем не менее в Ставке были полны оптимизма и уверенности в своих силах. Чем вызывался такой оптимизм, непонятно: начальник Штаба Верховного главнокомандующего ген. Н.Н. Янушкевич постоянно сносился с военным министром и знал о трудностях снабжения, пополнения, развертывания промышленных мощностей. Но великий князь Николай Николаевич не желал слушать осторожничавших генералов: 5 января он утвердил решение о наступлении 10-й армии в Восточную Пруссию (несмотря на то, что 12-я армия еще не успела сформироваться), а 11 января армии Юго-Западного фронта перешли в общее наступление в Карпатах.

В свою очередь, германское главное командование Восточного фронта сумело настоять на проведении решительных операций зимой 1915 года на восточно-прусском направлении. Дело в том, что Гинденбург и Людендорф требовали переноса усилий на Восточный фронт,

¹⁰³ Бонч-Бруевич М.Д. Потеря нами Галиции в 1915 году. Часть 1: Через Карпаты в Венгрию зимою 1915 года. М., 1920, с. 17—18.

чтобы сначала разбить русских, а потом уже бросить все силы на Запад. Новый начальник германского Генерального штаба ген. Э. Фалькенгайн, сменивший на этом посту Х. Мольтке-младшего после поражения в битве на Марне, помня плачевный опыт наполеоновской Великой армии, растаявшей на русских просторах, намеревался перенести максимум усилий на Запад и добить англо-французов. Однако необходимость помочь австрийцам перевесила в решении германского императора Вильгельма II. Это решение в тех обстоятельствах являлось совершенно правильным: бросать союзника было никак нельзя. Следовало лишь максимально точно рассчитать варианты наступления в кампании 1915 года.

Главнокомандующий фронтом генерал-адъютант Рузский (справа) и начальник его штаба генерал-майор Бонч-Бруевич

В то же время французы на Западе держались довольно пассивно. Поэтому Гинденбург, чтобы предупредить русских в наступлении и вырвать инициативу, получает разрешение на проведение зимних операций на Востоке. Противник сумел сосредоточить значительные силы и обрушиться на русскую 10 ю армию силами двух своих армий. Это наступление немцев получило наименование Августовской операции. В ней приняли участие 10 я русская армия Северо-Западного фронта ген. Ф.В. Сиверса, имевшая в своем составе до ста двадцати тысяч штыков и сабель. Со стороны германцев – 8 я армия ген. О. фон Белова и 10 я армия ген. Г. фон Эйхгорна, общей численностью до двухсот тысяч человек.

Германское командование, опять-таки предупреждая русское наступление (как под Варшавой – Ивангородом и Лодзью), намеревалось смять русских и выйти на железнодорожные пути вплоть до Бреста, отрезав Польшу. Задачу немцев облегчало и то обстоятельство, что русская 10 я армия, занявшая позиционный фронт, не закрепилась на своем правом

фланге, примыкавшем к Балтийскому морю. Первоначальной целью немцев ставился охват русской 10 й армии в лесистом районе г. Августова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.